

**МАТЕРИАЛЫ XXIV МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА:
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ**

Новосибирск, 2013 г.

УДК 008+7.0+8
ББК 71+80+85
В59

В59 «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии»: материалы XXIV международной заочной научно-практической конференции. (10 июня 2013 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. — 168 с.

ISBN 978-5-4379-0299-8

Сборник трудов XXIV международной заочной научно-практической конференции «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной филологии, искусствоведения и культурологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития филологии, искусствоведения и культурологии.

Рецензенты:

- канд. филол. наук, Бердникова Анна Геннадьевна;
- канд. филол. наук, Мышьякова Наталья Михайловна;
- канд. филол. наук, Павловец Татьяна Владимировна;

ISBN 978-5-4379-0299-8

ББК 71+80+85

© НП «СибАК», 2013 г.

Оглавление

Секция 1. Культурология	7
1.1. Теория и история культуры	7
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК МЕЖНАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА Гетьман Виктория Викторовна	7
Секция 2. Языкознание	19
2.1. Русский язык. Языки народов Российской Федерации	19
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА АРТУРА КОНАН ДОЙЛЯ «СКАНДАЛ В БОГЕМИИ») Аверина Марина Анатольевна Федорова Мария Сергеевна	19
2.2. Славянские языки	25
КЛАССИФИКАЦИЯ СИМВОЛОВ — РЕПРЕЗЕНТАНТОВ АВТОРСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА Лысенко Наталья Александровна	25
ЗНАЧЕНИЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА СОБИРАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ Нилабович Иванна Васильевна	31
2.3. Германские языки	40
СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ ОБРАЗА МУЖЧИНЫ В МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) Бабаева Ольга Кукаевна	40
ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ Дмитрук Ольга Викторовна	49
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ТОПОНИМОВ ПОСРЕДСТВОМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА Ирчишина Марина Витальевна	54

ПОЛУСУФФИКСАЦИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕАТРАЛЬНОМ СОЦИОЛЕКТЕ Коноплева Ирина Николаевна Малышева Светлана Сергеевна	59
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА СВОЙ/ЧУЖОЙ В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) Юлдашбаев Айдар Фанузович	65
2.4. Теория языка	70
МЕТАФОРА И МАНИПУЛЯЦИЯ Гарипова Алия Равилевна	70
АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЙ РУССКОГО, ПОЛЬСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ Олейник Роман Валерьевич	74
ОСОБЕННОСТИ ТЕЗАУРУСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ Сенницкая Екатерина Юрьевна	81
2.5. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	88
АРТ-ТЕКСТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КАТЕГОРИИ СВЯЗНОСТИ В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ Кротенко Лидия Борисовна	88
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ЯКУТСКОГО И УЙГУРСКОГО ЯЗЫКОВ (В СРАВНИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ С ДРЕВНЕТЮРКСКИМ ЯЗЫКОМ) Малышева Нинель Васильевна	94
ПСЕВДОЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ Томилова Александра Игоревна	102
МОТИВАЦИОННО-НОМИНАТИВНЫЕ СВОЙСТВА ФИТОНОМИЧЕСКИХ ЛЕКСЕМ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ Хошимхуджаева Мохирух Музаффаровна	114

2.6. Прикладная и математическая лингвистика	119
ДИАГНОСТИРОВАНИЕ ИСТИННОСТИ/ЛОЖНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ АВТОРА ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА	119
Литвинова Татьяна Александровна	
Шевченко Ирина Сергеевна	
Литвинова Ольга Александровна	
Рыжкова Екатерина Сергеевна	
ПОИСК ПРИЗНАКОВ ЛЖИ В ПИСЬМЕННОМ ТЕКСТЕ: СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ	126
Литвинова Татьяна Александровна	
Середин Павел Владимирович	
Секция 3. Искусствоведение	134
3.1. Музыкальное искусство	134
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЗВУКОВЫСОТНЫХ СИСТЕМ: МЕТОД ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ	134
Трубенюк Елена Александровна	
3.2. Изобразительное и декоративно- прикладное искусство и архитектура	143
ЖУРНАЛ «GARO» — НОВОЕ ТЕЧЕНИЕ В МАНГА XX ВЕКА	143
Леонов Владимир Юрьевич	
Секция 4. Литературоведение	150
4.1. Русская литература	150
ПРИНЦИП АНТИНОМИЧНОСТИ В СЮЖЕТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНОВ «ДОКТОР ЖИВАГО» И «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»	150
Бондарчук Елена Михайловна	
НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ ПОНЯТИЕ «ЧЕГЕМИЯ» (РОМАН ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА «САНДРО ИЗ ЧЕГЕМА»)	157
Цколия Кристина Рудиковна	

4.2. Литература народов Российской Федерации 162

О ЗАРОЖДЕНИИ КАБАРДИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ 162

Хахова Аминат Борисовна

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК МЕЖНАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Гетьман Виктория Викторовна

*канд. пед. наук, доцент, зам. заведующего кафедрой культурологии
и методологии музыкального образования МГГУ им. М.А. Шолохова,
член-корреспондент МАНПО,
г. Москва
E-mail: nika-m19@bk.ru*

INTERPRETATION OF A PIECE OF ART AS AN INTERSCIENTIFIC ISSUE

Getman Victoria

*candidate of pedagogic sciences, associate professor, Deputy Head of
Culturology and Methodology of Music Education Department, Sholokhov
Moscow State University For The Humanities, Corresponding Member of
the International Teacher's Training Academy of Science, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В работе рассмотрены межнаучные подходы к проблеме интерпретации художественного текста произведения искусства. Анализ подходов позволил выявить точки соприкосновения взглядов учёных и возможности их проекции в культурно-образовательную среду.

ABSTRACT

In the article there were examined the interscientific approaches to the question of a work of art literary text interpretation. Analysis of approaches highlighted the areas of common interest of scientists' opinions as well as its possible representations in a cultural educational milieu.

Ключевые слова: интерпретация, произведение искусства, смысл, понимание, личностно-смысловое значение.

Keywords: interpretation; work of art; meaning; perception; personalized semantic meaning.

В содержании образования музыканта-педагога определяющая роль принадлежит искусству в целом и музыкальному, в частности, как ведущему компоненту его профессиональной деятельности. В связи с этим, постижение и интерпретация произведения искусства становится одной из главных задач всего учебно-воспитательного процесса, проявляющаяся и на теоретическом, и практическом уровнях. С одной стороны, это связано непосредственно с умениями и навыками учащихся. С другой, это проецируется на содержание воспитательно-образовательного процесса, где теоретические и практические дисциплины находятся в интегративно обусловленной взаимосвязи. Как, например, история музыки, мировая художественная культура, анализ музыкальных произведений и специальный музыкальный инструмент. Их взаимосвязь очевидна, так как предметом изучения выступает произведение искусства, которое рассматривается в определённом культурно-образовательном контексте, решая, тем самым, задачи общекультурной и профессиональной направленности и компетентности. Вместе с тем, главным действующим лицом данного процесса является личность учащегося, как творчески активного субъекта культуры. Его деятельность направлена на установление духовного, художественного контакта, на диалог-общение с текстами художественных произведений, их постижение и интерпретацию. Результатом такого диалога должно стать познание общечеловеческих ценностей и личностно значимого смысла содержания произведения искусства как текста культуры. Интерпретация, таким образом, имеет также диалогический характер, то есть интерпретация всего происходящего во внутреннем мире человека и в окружающей реальности придаёт концептуальный (личностно-профессиональный) смысл познаваемому предмету. Интерпретация предполагает диалогическое отношение познающего субъекта и предмета познания на основе личностно-смысловой направленности деятельности

субъекта, что, в конечном счёте, приводит к становлению опыта, духовной и профессиональной самореализации личности. Поэтому интерпретация произведения искусства рассматривается как один из путей личностно-профессионального становления музыканта-педагога.

Категория смысла, в данном контексте, становится центральной, так как выявление смысла является необходимым условием понимания и интерпретации художественного произведения. С точки зрения философии, смысл определяется как отношение, связь, как общая «соотнесённость всех относящихся к понимаемой ситуации явлений» [8, с. 181]. Другое определение смысла характеризует его как «некий вопрос», заложенный в тексте, ибо не имеет смысла то, что не отвечает ни на один вопрос (М.М. Бахтин). С психологической точки зрения, смысл трактуется как «след взаимодействия с объектом, явлением, ситуацией в виде отношения к ним» [8, с. 181]. Иными словами, категория «смысл» выступает в двух онтологических формах: в форме связи всех реально существующих явлений и в форме их психического отражения. Отсюда следует, что смысл присутствует «и в мире, и в бытии человека, в его жизненном мире, в продуктах человеческой деятельности» [8, с. 181], то есть в культуре, бытии и сознании человека. В данном контексте смысл определяется следующим образом: смысл есть «субъективный образ», то есть присущий собственно человеку [8, с. 182]; «у мира есть смысл» (М.М. Бахтин); человек «существует лишь в той мере, в какой он погружён в мир смыслов» [12, с. 182]; смысл укоренён в культуре, трансцендентной по отношению к индивидуальному существованию (М.М. Бахтин); «искусство есть трансляция смыслов» (А.Н. Леонтьев). О диалогичности объективного и субъективного в содержании смысла пишет В. Зинченко: «между объективностью и субъективностью смысла нет противоречия. Он действительно укоренён в бытии, но исходит из разума, конструируется в слове, в языке, а в сознании он утверждается или отвергается» [3, с. 100]. Д.А. Леонтьев трактует смысл как антропологическую категорию, исходя из деятельностного подхода. Отсюда, «понятие смысла, в его понимании, находится на пересечении деятельности, сознания и личности, связывая между собой все три фундаментальные психические категории» [6, с. 181]. Таким образом, смысл, по сути, является полионтологической категорией, выступающей связующим началом различных сфер своего бытия и актуализации.

Для настоящей работы, особое значение имеет рассмотрение проблемы смысла в контексте деятельностного подхода. В частности, А.Н. Леонтьев, определяет смысл как отношение «мотива к цели»,

вводит понятие «смыслообразование», связывая его с мотивами человеческой деятельности, «их смыслообразующей силой и функцией» [5, с. 86]. Учёному также принадлежит понятие «личный смысл», которое стало достаточно востребованным и актуальным, особенно в контексте педагогики искусства и музыкальной педагогики. Согласно трактовке Д.А. Леонтьева, личный смысл явлений внешнего мира отражает «их жизненный смысл для субъекта» и представляет его субъекту «посредством эмоциональной окраски образов и их трансформаций» [6, с. 181]. Иными словами, во внутреннем мире человека личный смысл существует в виде образа. Это личностное образование идентично тому, что возникает в сознании реципиента, воспринимающего произведение, то есть «образу содержания текста» (А.А. Леонтьев). Следовательно, личный смысл играет важную роль в решении проблемы понимания произведения искусства, в том числе, музыкального, так как с ним связан «коэффициент индивидуального сознания» как «личный коррелят» понятия «коэффициент сознания» или традиции [5, с. 86]. Эта личностная психическая структура влияет на качество трансформации образа, преломляющегося в индивидуальном восприятии реципиента.

Категория «смысл» связана с понятием «значение», которые не являются синонимами и находятся в следующем соотношении: значение выступает объективным началом, смысл — субъективным. Значение указывает на связь слова с социумом, общественным опытом, смысл — формируется в психике человека, носит индивидуально-личный характер и интерпретирует это значение. Значение стабильно, смысл — подвижен, так как зависит от контекста. Значения — обозначают, смыслы — выражают; значения — объясняемы, смыслы — понимаемы. При этом именно значение определяет границы полисмыслового диапазона образа содержания текста. Г.И. Богин, в данном случае, пишет: «Именно значение — это тот конструкт, благодаря которому мои смыслы оказываются привязанными и к смыслам всех других людей, и, особенно тех, которые получили сходное со мной воспитание и обучение [2, с. 31].

В смысловой модели Г.Л. Тульчинского понятия «смысл» и «значение» также разведены, что отражено в её структуре, элементами которой являются: «материальная форма, социальное значение <.....> и личный смысл» [11, с. 59]. По мнению учёного, «конкретное, живое понимание целостного смысла предполагает полную реализацию смысловой структуры» [11, с. 59]. При этом особая роль в этой структуре принадлежит «личностному смыслу», который, как считает учёный, «не просто накладывается на социальное

значение», а, вбирая в себя два основных его компонента («предметный и смысловой»), выступает «как ценностное отношение к деятельности и к её предмету, а также как переживание этой деятельности» [11, с. 60]. Он, таким образом, выдвигает положение, согласно которому «диалектика социального значения и личностного смысла представляет основной интерес в анализе осмысления» [11, с. 61]. Данное положение актуально для педагогики искусства и музыкальной педагогики, в частности, так как диалектика «социального значения», предстоящего, в данном случае, в виде интерпретаторских традиций, и «личностного смысла» становится одной из основных задач образовательно-воспитательного процесса.

Культурная обусловленность выступает одним из определяющих свойств выявления и постижения смысла художественного произведения. Культурный контекст, проявляясь в различных модификациях, явно или скрыто влияет на процесс осмысления образа и содержания в целом. В.В. Медушевский, в частности, замечает, что произведение искусства имеет два слоя содержания — слой «явного смысла», то есть семантики языка, и слой «глубинных социо-культурных интерпретаций». «Ближайшее содержание, то есть слой явного смысла, неоднородно: наряду с неповторимым «тематическим» содержанием произведения <.....> сюда входит также обобщённое содержание стиля». «Не явные значения, как считает учёный, не соприкасаются непосредственно со звуковой формой, а резонансно возбуждаются художественным миром произведения. Эти добавочные обертоны смысла, возникают при взаимодействии ближайшего содержания музыки с историческим — культурным и жизненным контекстом» [7, с. 152]. Несмотря на то, что учёный пишет о музыке, это в полной мере относится и к произведению искусства в целом. Кроме того, понимание «не явных значений» смысла содержания становится возможным только при постижении «внетекстовой информации» (А.И. Николаева) [8, с. 199], то есть фактов, сопутствующие созданию произведения. Так, например В.И. Петрушин, в данном случае замечает, что для того, чтобы «понять музыкальное произведение, правильно его воспринять и хорошо исполнить, музыкант должен поинтересоваться тем временем, в котором жил композитор, каковы были его взгляды на жизнь, отношение к людям, к природе, к искусству» [9, с. 14]. Иными словами, внетекстовая информация это факторы, обуславливающие адекватное восприятие и понимание произведения искусства.

Понимание «слоя явного смысла», или смысла «первого порядка», который определяется семантикой языка произведения,

должно осуществляться «в рамках определённой смысловой парадигмы, или теории смысла» [8, с. 199]. А.И. Николаева, в частности, предлагает «стилевую теорию смысла», опирающуюся на понимание стиля, в том числе, как текста культуры. Исходя из этого, стиль выступает как «изначально данный контекст» [8, с. 199]. «Стилевой контекст, заметит учёный, это не результат суммирования смыслов, а изначально данная целостная структура, порождающая система, потенциально существующая до всяких средств. Средства языка, в данном случае, «притягиваются» стилем», выступающим в качестве принципа отбора» [8, с. 199—200]. Смысл музыкального, а, по сути, и любого художественного, произведения, как заключает автор, может быть понят только через стиль. Последний же, то есть стиль, познаётся через «текст художественного произведения и внетекстовую информацию» [8, с. 200]. Таким образом, стиль выступает в качестве «субстационального образования» (А.И. Николаева), на основе постижения которого становится возможным проникновение в «явный» смысл художественного текста и постижение его подтекста. Кроме того, «стилевая теория смысла» в контексте стиля как текста культуры, имеет педагогическую направленность, так как помогает решать одну из главных задач — задачу интерпретации произведения искусства, в целом, и музыкального, в частности, как культурно-образовательного текста. А в ходе её решения, осуществляется принципиально важный процесс — процесс образования и воспитания, а, по сути, личностно-профессионального становления, в данном случае, музыканта-педагога. Следовательно, можно говорить о том, что «стилевой подход» (А.И. Николаева) выступает одним из определяющих факторов выбора педагогических средств и форм воспитательно-образовательного процесса.

Выявление и понимание текстовых смыслов неразрывно связано с процессом интерпретации (интерпретация, в переводе с латинского, означает толкование, объяснение). Взаимосвязь понимания и интерпретации как целостного процесса рассматривается в работах, как зарубежных, так и отечественных учёных. Так, например, А.А. Потебня, в частности, пишет «понимание есть повторение процесса творчества в изменённом порядке» [10, с. 151], то есть понимание предваряет и программирует интерпретацию. М. Хайдеггер высказывает следующую мысль: «Истолкование есть не принятие к сведению понятого, но разработка тех возможностей, которые набросаны в понимании» ... «Понимание хранит в себе возможность истолкования, то есть усвоения понятого» [12, с. 266—267]. П. Рикёр определяет понимание искусством постижения значения знаков, которые

одно сознание передаёт другому, а интерпретацию — толкованием знаков и текстов, зафиксированных в письменном виде [12, с. 167]. Данная точка зрения коррелирует с мнением И.В. Арнольд об интерпретации как о вербализованном понимании [12, с. 267].

Проблема понимания и интерпретации рассматривается в контексте различных научных направлений и подходов. В частности, в герменевтике (науке о понимании смысла и его интерпретации) — понимание подразумевает процесс познания «внутреннего содержания» жизненного факта посредством восприятия и декодирования внешних знаков. Основываясь на анализе процесса понимания, герменевтика утверждает возможность универсального истолкования, то есть интерпретации, фактов и стремится доказать способность гуманитарных наук дать знание, обладающее универсальным значением. Вопрос о человеке как субъекте интерпретации является главным вопросом герменевтики. Интерпретация включает человека в контекст культуры, цель которой — преодоление расстояния между культурной эпохой, принадлежащая тексту, и интерпретатором. Преодолевая это временное пространство, интерпретатор становится «современником текста». Кроме того, осмысляя, постигая и «присваивая чужой смысл», он делает его своим, то есть лично значимым. Это свидетельствует о герменевтике как понимающей антропологии, где осуществляется «понимание себя через понимание другого» [12, с. 313]. Интерпретация, таким образом, совершается на двух временных уровнях — прошлого, то есть времени традиций, и настоящего. И именно интерпретация становится моментом их соединения. Чтобы понять взаимосвязь этих двух временных пространств необходимо обратиться к «времени смысла», связанного с «семантической конструкцией символа» [12, с. 313], иными словами, декодировать смысл времени через семантику его символов.

Важным моментом в герменевтической теории интерпретации, согласно П. Рикёру, имеет диалектика понимания и объяснения. Учёный, в частности, приходит к следующему выводу: «Больше объяснять, чтобы лучше понимать» [12, с. 314]. Понимание, таким образом, предполагает развитие объяснения в той мере, в какой объяснение развивает понимание, а поэтому понимание художника не следует противопоставлять объяснению учёного. Иначе говоря, текст располагается на стыке понимания и объяснения, а не на линии их разграничения. Поэтому понимание предваряет, сопутствует и завершает процесс объяснения. Понимание предваряет объяснение путём сближения с авторским замыслом, то есть реципиент «обживает» мир-текст через предмет его изображения» [12, с. 314]. Понимание

сопутствует объяснению, так как «пара» письмо-чтение» формирует интерсубъективную коммуникацию» [12, с. 314], то есть понимание, на данном этапе, приобретает диалогический характер, «восходит к диалогической вопросно-ответной структуре» [12, с. 314]. Понимание завершает объяснение в той мере, в какой оно «преодолеывает географическое, историческое и культурное расстояние» [12, с. 314] между текстом и интерпретатором. При этом конечное понимание, как замечает учёный, «не уничтожает дистанцию через эмоциональное слияние, а скорее состоит в игре близости и расстояния» [12, с. 314]. Иными словами, каждое новое постижение текста художественного произведения есть понимание на новом уровне, сформировавшееся через определённый промежуток времени. Диалектика «понимание-объяснение» имеет и педагогическое значение, так как используется как средство создания, в том числе, и исполнительской интерпретации.

Наряду с герменевтическим подходом, также для нас представляет интерес когнитивный. Когнитивная наука рассматривает интерпретацию как «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и / или неречевых действий» [12, с. 268]. Интерпретация связывается с выдвижением и верификацией гипотез о текстовых смыслах и акцентированием субъективного представления текста в ментальном пространстве индивидуума. Отсюда «базовыми параметрами» интерпретации являются следующие:

- «Интерпретация опирается на знания о свойствах речи и языка, контекста и ситуации, правил общения; фактов, выходящих за пределы языка и общения».
- «Процедура интерпретации включает выдвижение и проверку (верификацию) гипотез о смыслах высказывания или текста».
- «Для интерпретации существенны личностные и межличностные аспекты», то есть взаимодействие между автором и интерпретатором, если это возможно, различными интерпретаторами одного текста.
- «Триада, в пределах которой формируется смысл, извлекаемый из текста интерпретатором, включает три неотъемлемых компонента: автора и его внутренний мир, текст, читателя-интерпретатора и его представление о своём внутреннем мире» [12, с. 268].

Таким образом, согласно когнитивной науке интерпретация текста опирается на определённые языковые знания человека, выстраивающие для него «ментальную модель мира», которая находится между соотношением, с одной стороны, его внутреннего мира, с другой, «реконструированного мира автора» [12, с. 269].

Соотнесение этих уровней определяет речевые и неречевые действия реципиента, то есть процессы понимания и интерпретации.

Попытка объединения когнитивного и герменевтического подходов предпринята Н.И. Колодиной в работе «Проблема понимания и интерпретации художественного текста». Автор рассматривает понимание и интерпретацию художественного текста, опираясь на «когнитивную методологию в рамках филолого-герменевтического подхода» [4, с. 107], что является принципиально новым и актуальным в современных исследованиях данных процессов не только с точки зрения филологии, но искусствознания в целом и музыкознания, и музыкальной педагогики, в частности. Прежде всего, необходимо сказать о том, что автор подтверждает мысль о возможности множественности интерпретаций, что определяется совокупностью способов и типов понимания, которая, в свою очередь, ориентируется на «мнемо-единицы знания» реципиента, составляющие базовую совокупность его знания. Исходя из этого, учёный выделяет критерии, определяющие возможность множественности интерпретации художественного текста, к которым относятся: 1 — «субъективные характеристики базовой совокупности «мнемо-единиц знания» индивида»; 2 — «параметры художественного текста» [4, с. 93]. Относительно параметров художественного текста автор замечает, что однозначность или неоднозначность понимания зависит от нескольких факторов. А именно, однозначное понимание текста, согласно Н.И. Колодиной, в большей степени характерно для произведений «с преобладанием сюжетно-событийного ряда»; тексты, написанные в «однородной жанрово-стилистической манере», или относящиеся к одному определённом художественному направлению; а также тексты с «фиксированной авторской позицией» [4, с. 93]. В качестве факторов, способствующих неоднозначности и многозначности понимания текста, определены следующие: «полифония текста»; «речемыслительные репрезентации персонажей»; сочетание различных жанрово-стилистических проявлений; смена позиции или точки зрения автора; мозаичность текста; включение в текст «культурного пространства других произведений искусства», например, в виде цитаты-символа; использование ненормативной лексики и словосочетаний [4, с. 93—94].

Другим важным моментом в подходе Н.И. Колодиной к раскрытию проблемы понимания и интерпретации художественного текста является сочетание теоретического и методико-педагогического аспектов. Автор, в частности, неоднократно повторяет мысль о необходимости в современной практике подготовки специалистов,

в данном случае, филологов обучения их методике интерпретации художественного текста, как педагогическая составляющая образования. Таким образом, она рассматривает интерпретацию как обучающее — педагогическое средство, с помощью которого «в процессе мыследеятельности обучаемые достигают более совершенного понимания текста». «А использование интерпретационной методики, по её словам, придаёт этой деятельности, обучающегося упорядоченный характер» [4, с. 94]. Следовательно, можно говорить о педагогической интерпретации как одной из составляющих в процессе обучения и овладения средствами и приёмами интерпретации художественного произведения. В контексте музыкальной педагогики этот вопрос является очень актуальным и, по сути, первостепенным, так как именно музыкальное произведение выступает и содержанием, и средством воспитательно-образовательного процесса, направленное на личностно-профессиональное становление педагога-музыканта. Поэтому перед педагогом стоит задача научить не только исполнительской интерпретации, но и раскрыть «секреты» методико-педагогических механизмов данного процесса.

Исходя из вышесказанного, под интерпретацией Н.И. Колодина понимает «способ словесной фиксации понимания художественного текста» [4, с. 95], иными словами, процесс понимания является определяющей доминантой по отношению к интерпретации, которая выступает средством и формой его материализации. В зависимости от выбранных реципиентом способов и типов понимания, которые рассмотрены ранее, автор определяет три типа интерпретации: истолковывающая, распредмечивающая, критическая. Для истолковывающей интерпретации характерны эмоциональные, психические переживания реципиента в процессе восприятия, имеющие ассоциативные связи с «мнемо-единицами» базовой совокупности» [4, с. 95]. «Излишние пересказы содержания и истолкования своего отношения к опредмеченной ситуации ... и сама работа интерпретации становится только «продолжением акта чтения», то есть работой «приведения» к этому живому восприятию» [4, с. 95]. В результате, реципиент «не соотносит средства текстопостроения со средствами смыслообразования» и, следовательно, смыслы, которые необходимо построить в процессе восприятия остаются «за пределами» его понимания [4, с. 95]. Иначе говоря, данный тип интерпретации носит эмоционально описательный характер без глубокого проникновения в смысловое содержание текста произведения. Распредмечивающий тип интерпретации в полном объёме активизирует когнитивные

(мыслительные) процессы реципиента, так как осуществляется благодаря «распредмечивающему типу понимания» во взаимосвязи с «герменевтическим и психологическим способами понимания» [4, с. 95]. Её, то есть интерпретации, результатом должно стать «построение смыслов на основе соотнесения средств текстопостроения со средствами смыслообразования и перевод этих смыслов в состав базовой совокупности мнемо-единиц знания» [4, с. 95]. Таким образом, распредмечивающий тип интерпретации направлен на выявление и понимание лично значимого смысла каждой единицы знания текста. Ю.И. Сватко определяет этот процесс, то есть интерпретации, как «смысловое становление вещи, то есть текста, для другого и с точки зрения другого», а понимание, соответственно, «есть осмысление вещи как тождественно ставшей для себя и для другого, явленной нам через имя — свёрнуто-развёрнутый текст». Следовательно, «разница между интерпретацией и пониманием есть разница между становлением и ставшим» [4, с. 96]. Таким образом, учёный подчёркивает очень важный аспект диалектически взаимосвязанных процессов. А именно, интерпретация носит динамичный временной характер. Понимание напротив, имеет элемент статики, так как определяется знаниево-смысловым фактором, который может углубляться, расширяться, обобщаться. Критический тип интерпретации предполагает развёрнутый жанрово-стилистический анализ текста произведения, который реализуется посредством взаимосвязи когнитивного типа и гносеологического способа понимания [4, с. 96].

Таким образом, обобщая выше рассмотренные типы интерпретации, можно сделать следующий вывод. Дифференциация и выявление черт каждого из типов интерпретации носит условный, теоретический характер, так как в эмпирическом процессе понимания и интерпретации художественного текста они взаимосвязаны и дополняют друг друга, что обусловлено, прежде всего, психикой человека и целостным процессом восприятия. Кроме того, все три типа интерпретации проецируются на текст музыкального произведения и могут быть использованы на разных этапах его изучения в музыкально-педагогическом процессе.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 444 с.
2. Богин Г.И. Субстанциональная сторона понимания текста. / Г.И. Богин. — Тверь, 1993. — 185 с.

3. Зинченко В.П. Мысль и слово Густава Шпета. / В.П. Зинченко. — М., 2000. — 247 с.
4. Колодина Н.И. Проблемы понимания и интерпретации художественного текста. / Н.И. Колодина. — Тамбов, 2001. — 184 с.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. / А.Н. Леонтьев. — М., 1977. — 368 с.
6. Леонтьев Д.А. Психология смысла. / Д.А. Леонтьев. — М., 1999. — 275 с.
7. Медушевский В.В. О содержании понятия «адекватное восприятие» // Восприятие музыки: Сб. ст. — М., 1980. — с. 47—55.
8. Николаева А.И. Стилевой подход в фортепианно-исполнительском классе педагогического вуза как фактор формирования личности ученика-музыканта: Монография. / А.И. Николаева. — М.: МПГУ, 2003. — 352 с.
9. Петрушин В.И. Музыкальная психология. / В.И. Петрушин. — М., 1997. — 257 с.
10. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. / А.А. Потебня. — М., 1976. — 368 с.
11. Тульчинский Г.Л. Проблемы осмысления действительности. / Г.Л. Тульчинский. — Л., 1986. — 177 с.
12. Щирова И.А., Тураева З.Я. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. / И.А. Щирова, З.Я. Тураева. — СПб., 2005. — 457 с.

СЕКЦИЯ 2.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2.1. РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА АРТУРА КОНАН ДОЙЛЯ «СКАНДАЛ В БОГЕМИИ»)

Аверина Марина Анатольевна

*канд. фил. наук, зав. кафедрой лингвистики,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет), филиал в г. Озёрске,
г. Озёрск, Челябинская область
E-mail: marina651@mail.ru*

Федорова Мария Сергеевна

*студент 4 курса кафедры лингвистики,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет), филиал в г. Озёрске,
г. Озёрск, Челябинская область
E-mail: mary_rabbit@bk.ru*

**THE SEMANTIC ORGANISATION OF THE VERBS
OF MOTION IN THE TRANSLATION MIRROR
(ADAPTED FROM THE STORY
BY ARTHUR CONAN DOYLE
“A SCANDAL IN BOHEMIA”)**

Averina Marina

*candidate of philological science, the head of the department of linguistics
of Federal State Budget Educational Establishment of Higher Professional
Education “South-Ural State University” (National Research University),
branch in Ozersk, Chelabinsk region*

Fedorova Maria

*student of the 4th course year of the linguistics department,
Federal State Budget Educational Establishment of Higher Professional
Education “South-Ural State University” (National Research University),
branch in Ozersk, Chelabinsk region*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена описанию семантических классов русских глаголов движения в рассказе Артура Конан Дойля «Скандал в Богемии» (перевод Н.С. Войтинской). Наиболее представленным в названном тексте является класс «Движение в соотношении с объектом». Глаголы данного класса придают произведению динамику, способствуют развитию детективной интриги, делают рассказ ярким и запоминающимся.

ABSTRACT

The article is dedicated to a description of semantic classes of Russian verbs of motion in the story by Arthur Conan Doyle “A Scandal in Bohemia” (translation by N.S. Voitinskaya). The most represented class in the text is “Motion in the ratio with the object”. The verbs of the mentioned class lend dynamics to the text, aid development of detective intrigue, make the story vivid and memorable.

Ключевые слова: семантика; глагол; движение; класс; группа; сема.

Keywords: semantics; verb; motion; class; group; seme.

Что такое движение? С точки зрения философии — это способ существования материи, ее всеобщий атрибут. В самом общем виде

данное понятие означает всякое взаимодействие материальных объектов. Еще в глубокой древности мысль об универсальности движения возникла у мыслителей Китая, Индии, Греции (Гераклит, Демокрит, Эпикур и многие другие) [3]. Изучение данного понятия продолжается по сей день.

Глаголы движения неоднократно служили объектом семантических исследований. Мы имеем в виду, например, работы С.П. Праведникова, З.Г. Шайхисламовой, М.В. Ерзенкиной, О.Ю. Потаниной и других.

Глаголы движения — это система, имеющая набор специфических свойств семантического характера [2]. Данная статья посвящена описанию семантических классов русских глаголов движения в зеркале перевода с языка оригинала. Для анализа взят рассказ «Скандал в Богемии» Артура Конан Дойля в переводе Н.С. Войтинской, в котором выявляются и анализируются глаголы движения в соотношении с объектом речи.

Проведенный анализ картотеки позволил разделить глаголы движения на четыре семантических класса («Направление движения», «Качество и способ движения», «Соотношение со средой», «Соотношение с объектом»), каждый из которых имеет свои группы.

В русской версии рассказа Артура Конан Дойля «Скандал в Богемии» (перевод Н.С. Войтинской) наиболее представленным, по нашим наблюдениям, является класс «Движение в соотношении с объектом» (35,7 % от собранного материала). Проведенный анализ позволил выделить две семантические группы: 1) «Движение относительно неподвижного объекта»; 2) «Движение относительно движущегося объекта».

Среди единиц первой группы мы выделили две подгруппы. К первой мы отнесли глаголы с семой 'удаление от объекта': **отдалить, уйти, покинуть**.

«За последнее время я редко виделся с Холмсом — моя женьба **отдалила** нас друг от друга» (Артур Конан Дойль, перевод Н.С. Войтинской).

В приведенной выше цитате употреблен глагол **«отдалила»**, он указывает на расставание героев — Холмса и Ватсона.

Ко второй подгруппе относятся глаголы с семой 'достижение объекта': **нагнать, дойти, подкатить**.

«Когда вы закричите «Пожар!», ваш крик будет подхвачен множеством людей, после чего вы можете **дойти** до конца улицы, а я нагоню вас через десять минут» (Артур Конан Дойль, перевод Н.С. Войтинской).

В данном примере глагол **«дойти»** употреблен с целью указания на то, что герой доктор Ватсон может достичь (пешком) конца улицы.

Ко второй группе можно отнести глаголы с семой 'следование за объектом': **следовать, бежать (вслед)**.

«Я уже начал раздумывать, что лучше: **бежать** за ней вслед или прицепиться к задку ландо, как вдруг на улице показался кэб» (Артур Конан Дойль, перевод Н.С. Войтинской).

Глагол движения **«бежать»** указывает, что герой рассказа Шерлок Холмс мог бы преследовать объект (Ирэн Адлер) бегом, но ему помешали.

Следующий класс — «Направление движения» — составляет 30,9 % материала картотеки. Глаголы данного класса представлены тремя семантическими группами: 1) «Однонаправленное движение»; 2) «Двунаправленное движение»; 3) «Многонаправленное движение».

Глаголы движения первой семантической группы выше указанного класса разделены на две подгруппы. Сема глаголов первой подгруппы — 'движение по вертикали': **встать, сесть, упасть**.

«Я **встал**, чтобы уйти, но Холмс схватил меня за руку и толкнул обратно в кресло» (Артур Конан Дойль, перевод Н.С. Войтинской).

Глагол **«встал»** из приведенной цитаты указывает на движение тела доктора Ватсона по вертикальному направлению вверх от кресла.

«Садитесь в это кресло, доктор, и будьте очень внимательны» (Артур Конан Дойль, перевод Н.С. Войтинской).

В данном примере глагол движения **«садитесь»**, напротив, указывает на движение тела героя по вертикальному направлению вниз — к креслу.

Единицы второй подгруппы объединяются семой 'движение по горизонтали': **выезжать, вернуться**.

«Она живет тихо, выступает иногда на концертах, ежедневно в пять часов дня **выезжает** кататься и ровно в семь возвращается к обеду» (Артур Конан Дойль, перевод Н.С. Войтинской).

В приведенном выше примере автор, употребляя глагол **«выезжает»**, имеет в виду движение героини Ирэн Адлер вперед по горизонтали.

«Они разъехались в разные стороны, а я **вернулся**, чтобы взяться за свои приготовления» (Артур Конан Дойль, перевод Н.С. Войтинской).

В данной же цитате **«вернулся»** — это обозначение движения Шерлока Холмса по горизонтали назад.

Вторая семантическая группа объединяет глаголы движения с семой 'изменение направления движения': **прогуливаться (взад и вперед), ходить (взад и вперед)**.

«Выслушав то, что они мне рассказывали, я снова стал *прогуливаться* взад и вперед вблизи Брайони-лодж и обдумывать дальнейшие действия» (Артур Конан Дойль, перевод Н.С. Войтинской).

Употребленный в этом предложении глагол *«прогуливаться»* означает, что герой рассказа Шерлок Холмс меняет направление своего движения, двигаясь то вперед, то назад.

Третью семантическую группу можно разделить на две подгруппы, в первой из которых объединены глаголы с семой 'беспорядочное движение': *клубиться, метаться, кишеть*.

«Я видел, как там, за окном, *мечутся* люди; мгновением позже послышался голос Холмса, уверявшего, что это ложная тревога» (Артур Конан Дойль, перевод Н.С. Войтинской).

Глагол *«мечутся»* указывает на то, что люди движутся (бегают/прыгают/носятся) беспорядочно в разных направлениях.

Сема единиц второй подгруппы — 'движение по кругу': *обойти, оббежать*.

«Я *обошел* этот сарай со всех сторон и рассмотрел его очень внимательно, но ничего интересного не заметил» (Артур Конан Дойль, перевод Н.С. Войтинской).

Автор употребил глагол *«обошел»*, так как он выражает движение главного героя вокруг объекта - сарая.

Следующий класс глаголов движения «Качество и способ движения» составляет 21,4 % от собранного материала. Проведенный анализ показал, что он представлен двумя семантическими группами: 1) «Темп перемещения»; 2) «Затраченные усилия».

В первой группе выделяются две подгруппы. Глаголы движения первой из них объединяет сема 'быстрое движение': *промелькнуть, знать, броситься*.

«Его окна были ярко освещены, и, посмотрев вверх, я увидел его высокую, худощавую фигуру, которая дважды темным силуэтом *промелькнула* на опущенной шторе» (Артур Конан Дойль, перевод Н.С. Войтинской).

Глагол *«промелькнула»* выражает очень быстрое/молниеносное движение фигуры человека.

Употребленные единицы второй подгруппы объединены семой 'медленное движение': *продвигаться, пройти (медленно)*.

«В таком случае, я пришлю вам записочку — сообщу, как *продвигается* дело» (Артур Конан Дойль, перевод Н.С. Войтинской).

«Продвигается» — глагол движения, показывающий, что главный герой выполняет какую-то задачу постепенно, пошагово.

Во второй семантической группе объединены глаголы с семой 'легко совершаемое движение': *выпорхнуть, выскокить*.

«Кучер едва успел остановить лошадей, как Ирэн *выпорхнула* из дверей виллы и вскочила в ландо» (Артур Конан Дойль, перевод Н.С. Войтинской).

В данной цитате автор употребляет глагол «*выпорхнула*», который указывает, что Ирэн без труда, с легкостью выходит из дверей своей виллы.

Самый малочисленный класс — «Соотношение со средой», который составляет 11,9 % употребления. Материал нашей картотеки показал, что данный класс объединяет глаголы с групповой семой 'движение по земле': *кататься, ходить, шагать*.

«Она живет тихо, выступает иногда на концертах, ежедневно в пять часов дня выезжает *кататься* и ровно в семь возвращается к обеду» (Артур Конан Дойль, перевод Н.С. Войтинской).

Глагол «*кататься*» показывает, что героиня Ирэн Адлер движется в своем ландо именно по земле (не по воде, не по воздуху).

Таким образом, частотность употребления глаголов движения в рассказе Артура Конан Дойля «Скандал в Богемии» (перевод Н.С. Войтинской) очень высока. Данные глаголы семантически строго организованы и представлены четырьмя семантическими классами — «Направление движения», «Качество и способ движения», «Соотношение со средой», «Соотношение с объектом», каждый из которых имеет свои группы и подгруппы. В русской версии рассказа Артура Конан Дойля «Скандал в Богемии» (перевод Н.С. Войтинской) наиболее представленным является класс «Движение в соотношении с объектом» (35,7 % употребления). Глаголы данного класса придают тексту динамику, способствуют развитию детективной интриги, делают рассказ ярким и запоминающимся.

Список литературы:

1. Ерзенкина М.В. Система семантических признаков глаголов движения с германскими корнями в английском языке/ М.В. Ерзенкина: Вестник ТГУ, выпуск 1(69) — 2009. — С. 41—45.
2. Праведников С.П. Некоторые наблюдения над глаголами движения в прозе Е.И. Носова и К.Д. Воробьева / С.П. Праведников, А.А. Джувейр// Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета, Т. 2 — 2012. — № 3. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=26> (дата обращения 12.04.2013).
3. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичёва. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 138 с.

2.2. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

КЛАССИФИКАЦИЯ СИМВОЛОВ — РЕПРЕЗЕНТАНТОВ АВТОРСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

Лысенко Наталья Александровна

канд. филол. наук, доцент

Национального фармацевтического университета,

г. Харьков

E-mail: lis-enko@bigmir.net

CLASSIFICATION OF SYMBOLS-REPRESENTATIVES OF AUTHOR'S POETIC MODEL OF THE WORLD

Lysenko Natalya

candidate of philological sciences, associated Professor National

University of Pharmacy, Kharkiv

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос о необходимости дифференциации архетипных, традиционных и индивидуальных авторских символов, детализируется дефиниция данных терминов, предлагается вариант классификации символов — репрезентантов поэтической модели мира.

ABSTRACT

The article exposes the problem of necessity of differentiation of archetypes, traditional and individual author's symbols, works out detail of terms definitions and offers the versions of classification of the symbols — representatives of poetic model of the world.

Ключевые слова: архетип, архетипный символ, традиционный символ, индивидуальный авторский символ, поэтическая модель мира.

Keywords: archetype, archetypical symbol, traditional symbol, individual author's symbol, poetic model of the world.

Полифункциональность, диалектическая природа символического значения объясняет неугасающий интерес к нему со стороны лингвистики, психологии, философии и искусства. Не смотря на существование многочисленных работ, авторы которых предлагают различные принципы дифференциации символов, универсальной общепринятой классификации украинская лингвистика так и не имеет.

В последнее десятилетие популярным объектом исследований в Украине стали архетипные символы [2], [3]. Но дефиниция понятий «архетипный символ», «традиционный символ», «народнопоэтический символ», предложенная авторами, по нашему мнению, не всегда является корректной.

Цель нашей статьи — детализация вышеперечисленных понятий, а также мы предлагаем собственную классификацию символов.

Особенности поэтической модели мира (ПММ) во многом детерминированы архетипной моделью мира (АММ), отдельные черты которой сохраняются сознанием и подсознанием каждого человека, в том числе и поэта. Современные исследования АММ базируются на работах К. Юнга, утверждавшего, что существует определенная структура «психического», которая наследуется человечеством, развивается на протяжении тысячелетий и вынуждает реализовывать наш жизненный опыт определенным способом. Эта «определенность» и есть то, что К. Юнг называл архетипом [10, с. 131].

Мы считаем, что возможно использование «внешней» оболочки архетипа для создания поэтической метафоры. Некоторые метафоры в пределах ПММ поэта могут развиваться до уровня символа: если выразительно чувствуется связь метафоры с мифом, то она трансформируется в символ.

Английский лингвист Ф. Уилрайт предлагает такое определение архетипного символа: «Пятый класс символов, архетипный, состоит из символов, которые имеют одинаковое или похожее значение для большей части, если не для всего человечества» [8, с. 98]. Исследователь объясняет существование таких архетипов, как «небесный отец», «мать-земля», «свет», «кровь», «ось колеса», оппозиция «низ — верх», тем, что, не смотря на значительное разнообразие культурных эпох и традиций, способов выражения и реакций, как в физическом, так и в общем психологическом строении человека существует определенное естественное сходство [8, с. 98].

К перечисленным архетипам следует добавить еще четыре элемента: огонь, воду, воздух и землю (субстанции алхимии, которые еще во времена Давней Греции были наделены специфическим значением и связанным с ним символическим переосмыслением).

Как совокупность бинарных оппозиций, описывающих главные параметры вселенной (пространственно-временные, причинно-следственные, этические, количественные, семантические, персонажные), представляет архетипную модель мира (АММ) Т. Цивьян. Лингвист выделяет 10—20 «антонимических» пар, например: связанные со структурой вселенной — верх/низ, небо/земля, земля/подземное царство [9: 5, с. 6].

В процессе развития языка архетипы модифицируются, на основе первичных моделей могут конструироваться производные. При конкретной реализации архетипного образа имеет значение и влияние индивидуального языкового сознания. Совокупность всех модификаций определенного архетипного образа в диахроническом и синхроническом аспекте составляют, по нашему мнению, метафорическую парадигму. Для полноценной реконструкции метафорической парадигмы следует применить диахронический подход исследования семантических и структурных изменений образа, учесть когнитивные процессы, которые сопровождали его появление, исследовать семантические сдвиги в связи с развитием и изменением особенностей этнического мировосприятия.

Считаем, что не следует абсолютизировать архетипные образы (или базовые метафоры). Ядром образной парадигмы может быть образ, который не имеет «архетипных» корней. Превалирование тех или иных образов зависит от особенностей мировосприятия поэта.

Существует и несколько иная гипотеза понимания архетипных символов, позволяющая говорить о существовании этнической линии преемственности архетипов и, как следствие, о, скажем, восточно-славянских или украинских архетипных символах. Комплексное исследование последних сделано С. Крымским. Ученый отмечает: «В самых выразительных формах архетипы выступают в национальных культурах» [3, с. 78]. История представляется С. Крымским как спираль, которая накручивается на универсальные ценности, воспроизводящиеся, обогащающиеся, изменяющие современность. Эти универсальные ценности и представления и являются архетипами [3, с. 80]. Автор выделяет такие группы архетипных украинских символов (демонстрируют этноментальную самобытность украинцев): «сердце», «степь», «природа», «слово» (logos), «игра».

Традиции изучения народной символики в украинской лингвистике заложены еще в середине XIX века М. Максимовичем, М. Костомаровым, А. Веселовским и О. Потебней. Их идеи нашли свое продолжение в работах современного лингвиста В. Кононенко. Главное предназначение традиционной символики, считает автор, —

выполнение культурологической функции: «Приобретая выразительные этноментальные признаки, образы-символы начинают выполнять культурологическую функцию... Слова-идеи: земля, хата, мать, казак, тополь, рушник (рос. вышитое полотенце), Берегиня, гопак, Днепр и другие, с одной стороны, определяют национальные приоритеты, общенародные ценности, с другой, — характеризуют образное, метафорическое мышление, мировосприятие, свойственное психике, сознанию народа как индивидуальности» [2, с. 229]. Специфика национального мировосприятия украинцев, по мнению В. Кононенко, отразилась также в таких образах-флоризмах — барвинок, васильки; символике действий — вручении хлеба-соли, рушника; в символах-зоонимах — сокол, орел, беркут, кукушка (у украинцев образ символизирует грусть, несчастливую женскую судьбу).

Общепризнанным в современном языкознании является деление символов на индивидуально авторские и традиционные [5, с. 40—42], [7, с. 106—132]. Традиционные символы стали формулами архетипного характера, именно они являются стержнем культуры, носителями идеалов, обеспечивая их передачу последующим поколениям. С. Ермоленко определяет народнопоэтический символ как «слово, которое благодаря традиционному употреблению в фольклорных формулах, благодаря стойким ассоциациям, приобретает дополнительное обобщенное значение, дополнительную эмоциональную оценку. Содержание его прочитывается однозначно независимо от контекста» [1, с. 21].

Традиционная символика дифференцируется по объему контекста употребления, например, символ Прометея имеет общечеловеческий философский контекст, символ красной калины для украинцев, — национальный, народнопоэтический. Если поэт использует традиционный символ, последний входит в ткань произведения апперцептированным историческим, общечеловеческим опытом поколений [5, с. 40].

В поэтическом произведении смысл символа может модифицироваться. Заметим, что автор может использовать традиционные формулы и без изменений. Для установления традиционного значения символа в текстах украинских авторов мы предлагаем пользоваться работами О. Потебни, М. Костомарова, О. Веселовского, П. Чубинского, а также словарями символов.

Творчество поэта опирается на определенную литературную традицию, он является носителем определенного типа ментальности. Индивидуальный символ — концентрация поэтической переработки жизненного опыта личностью поэта, свидетельство его духовной деятельности, репрезентант системы идеалов. Следовательно, фило-

софскую, эстетическую установку автора концентрируют индивидуальные символы.

Характерной чертой слов-символов является повторяемость на текстовом или понятийном уровнях. Индивидуальный символ может существовать в пределах одного произведения, нескольких произведений или быть доминантой всего творчества.

Существуют две, на наш взгляд, бесосновательно категорические точки зрения относительно «настоящей» символики, которая всегда является выходом за пределы художественного аспекта произведения [4, с. 145] и обязательно эксклюзивная [7, с. 52—53]. Считаем, что можно говорить о разных видах символов: в первом случае о типичных составляющих идиолекта, во втором — индивидуальных авторских символах.

Личность художника характеризует и набор символики активного использования, и владение литературной традицией, и отношение к общему культурному фонду человечества.

По нашему мнению, исследователи ошибочно отождествляют термины «традиционные народные символы» и «архетипные символы». Сталкиваясь с определенным национальным грунтом, архетипный символ модифицируется. Длительное существование и воспроизводимость архетипных и традиционных символов объясняется тем, что ассоциативный комплекс, который сопровождает эти символы модифицируется. По мнению М. Рубцова, модификация символов в пределах художественной культурной традиции движется по одному из трех направлений: реинтеграции, реинтерпретации или псевдометаморфозы [7, с. 123—125]. Реинтеграцию наблюдаем, если в течение длительного времени символ сохраняется в почти неизменном виде (например, образ Христа). Реинтерпретация — привносит в содержание образа новый смысл, предопределенный становлением новой картины мира. Возможны два типа реинтерпретации: ассимиляция и контраст. Примером ассимилятивных изменений могут быть модификации символики креста, образцом контрастного противопоставления — свастика. Псевдометаморфоза — «реставрация» древности, символов прошлого, когда органично оживает архаичная или классическая традиция и автоматически сливается с наслоением следующих эпох. Образцом такой трансформации является художественное изображение времени (синтез Хроноса и Кроноса — римского Сатурна).

Если мы рассмотрим не архетипные символы вообще, а архетипы, которые восприняла, например, украинская культура,

то можем говорить по большей части лишь о модификациях архетипных символов.

Следовательно, взяв во внимание разные типы упомянутых выше классификаций, предлагаем дифференцировать такие разновидности символов: *индивидуальные авторские символы* и *унаследованные символы*. Среди последних дифференцировать: *эгоцентрические трансформации символов архетипной природы*, предопределенные особенностями ПММ (заметим, что архетипный символ в «чистом» виде может существовать лишь “de jure”; “de facto” в конкретном произведении мы всегда наблюдаем модификацию); *народнопоэтические символы*; *мифологемы*: славянского происхождения; другого происхождения, в том числе индивидуально авторские; *христианскую символику*.

Такая классификация, на наш взгляд, не уменьшает самобытность и ценность любой национальной культуры, но избавит лингвопоэтику от применения ошибочных терминов-дублетов.

Список литературы:

1. Єрмоленко С. Фольклор і літературна мова. — К.: Наукова думка, 1987. — 245 с.
2. Кононенко В. Українство в словесній символіці // Мовознавство: тези та повідомлення III Міжнародного конгресу україністів. — Х.: Око, 1996. — С. 229—231.
3. Кримский С. Архетипы украинской культуры // Вісник НАН України. — 1998. — № 7. — № 8. — С. 74—87.
4. Лосев А. Проблема символа и реалистическое искусство. — М.: Искусство, 1995. — 320 с.
5. Мойсієнко А. Символ як явище аперцепції (на матеріалі поезії Т.Г. Шевченка) // Мовознавство. — 1993. — № 3. — С. 40—45.
6. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста. — М.: Наука, 1990. — 304 с.
7. Рубцов Н. Символ в искусстве и жизни. — М.: Наука, 1991. — 176 с.
8. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 82—110.
9. Цивьян Т. Лингвистические основы балканской модели мира. — М.: Наука, 1990. — 207 с.
10. Юнг К. Проблемы души нашего времени. — СПб.; М.; Х.; Минск: Питер 2002. — 352 с.

ЗНАЧЕНИЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА СОБИРАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ

Нилабович Иванна Васильевна

аспирантка Ужгородского национального университета,

г. Ужгород

E-mail: okohrib@gmail.com

VALUE OF SINGULAR COLLECTIVE NOUNS IN THE SLOVAK LANGUAGE

Ivanna Nylabovych

PhD student Uzhhorod National University, Uzhhorod

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу форм единственного числа собирательных существительных в современном словацком языке. Рассмотрены вопросы понятия множественности, совокупности, собирательности. Объектом исследования являются существительные славянского происхождения, зафиксированные нормативными словарями словацкого языка. Основными методами исследования является описательно-аналитический метод, ориентированный на анализ, систематизацию, интерпретацию языковых единиц и метод функционального анализа, направленный от наблюдения и анализа существительных к установлению закономерностей их употребления.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of singular forms of collective nouns in Modern Slovak. There are briefly reviewed questions of such notions as multiplicity, collectivity and synthetical character. The objects of the research are nouns of Slavic origin lexicalized by Slovak standard dictionaries. The main method of research is the comparative analytical method, which is focused on analysis, systematizing, linguistic units' interpretation and functional-analytic approach and which is oriented from the observation and analysis of nouns to the regularities' establishment of its use.

Ключевые слова: существительные единственного числа; собирательные существительные; собирательность; совокупность.

Keywords: *singularia tantum*; collective noun; synthetic character; collectivity.

Как и в большинстве современных языков, в словацком языке различают два числа существительных: единственное число (*singulár*) и множественное (*plurál*): Sg — Pl (Sg указывает на один предмет, а Pl — на два или более), где понятийно обозначаемые единственное и множественное подсказывают собственное «значение». Большинство существительных относятся к дискретным единицам, имеющим форму и единственного, и множественного числа. Значительный массив составляют существительные, имеющие или первоначальную форму единственного числа (*singularia tantum*), или первоначальную форму множественного числа (*pluralia tantum*).

Собирательные существительные в форме единственного числа обозначают совокупность предметов и лиц как неделимое целое (*ľudstvo*, *občianstvo*, *robotníctvo*, *svalstvo*, *študentstvo*, *bučina*). Они не сочетаются с количественными числительными и со словами, обозначающими единицы меры. Собирательные существительные занимают должное место среди субстантивов, детерминируя отдельное звено функционирования лексем. При этом необходимым, на наш взгляд, является понятийно-оценочная характеристика каждого компонента указанной структуры. В этом состоит актуальность нашего исследования, целью которого является определение лексико-грамматического и функционального статуса собирательных существительных в современном словацком языке, определение специфики принятия соответствующих существительных в художественной литературе и периодике, установление их связи с семантическим микрополем совокупности.

Изучая субстантивы с собирательным значением, важно учитывать лексическое значение, а также контекст, который формируется в зависимости от коммуникативной установки. Современные языковеды категорию собирательности относят и к субъективным категориям, поскольку она «...зависит от точки зрения говорящего. Только от говорящего зависит употребление форм существительного собирательного или конкретного в форме множественного числа» [7, с. 76]. На примерах можно проиллюстрировать, что формы собирательных существительных и формы множественного числа конкретных существительных в тексте имеют функциональное и семантическое родство: *Nie, len som o nich prednášal, pretože moji študenti smerovali na*

medicínu (SME 13.01.2011) и *Otázkou cudzích študentov sa zapodieval MUC. Sadloň, ktorý dôvodil, že v prvom semestri lekárskej fakulty je dnes 58 percent cudzincov a zdôraznil, že študentstvo domáce je takto veľmi obmedzované vo svojich možnostiach štúdia* (SME 04.12.2009). Однако значение собирательности предоставляет существительному дополнительные субъективные оценочные значения, и поэтому говорить об их полной взаимозаменяемости в тексте нельзя.

В словацком языкознании до сих пор нет единого взгляда на определение статуса собирательных существительных и их классификацию. Академические пособия по морфологии [16—18] подают только приведенные примеры существительных из ряда собирательных, хотя указанные субстантивы требуют особого внимания, ведь характеристика их статуса во многом зависит от коммуникативной цели говорящих. В монографическом исследовании Ф. Мика подчеркивается, что основной признак собирательности заключается в выражении общей совокупности массы [15]. Однако, исследователи грамматических категорий существительного [1, 2, 5, 16—18] основным критерием разграничения собирательных существительных и имен совокупности лиц, других существ, считают способ представления неопределенной множественности: первые выражают это значение с помощью словообразовательных суффиксов, а вторые — лексически.

Таким образом, собирательность характеризуется как семантико-словообразовательная категория, которая находит выражение с помощью словообразовательных формантов — суффиксов, отличающих от совокупности, которая выражается лексически. Однако провести четкую границу между понятиями собирательности и совокупности не всегда удается. Каждый из лексико-семантических разрядов, объединенных значением совокупности, имеет и лексическую, и грамматическую своеобразность формы числа, поскольку семантический смысл слова приводит элементы грамматической семантики числа, связанные с тем или иным разрядом существительных. Ян Горецкий утверждает, что не объект в единичном экземпляре, а совокупность лиц, сконцентрированных, объединенных для выражения не столько количества (оно не известно говорящему), сколько качественного осмысления множества, называется собирательностью [12, с. 92]. Собирательность является «совокупностью однородных предметов, которые составляют одно целое, то есть как единица, противостоит другой совокупности, которая тоже понимается как одно целое, опять же другая единица» [12, с. 93].

Собирательность можно определять и как атрибутивную онтологическую категорию, которая имеет качественно-количественный характер, выражая трактовку определенного собрания предметов как неделимой общности этих предметов в их пространственно-временной неразрывности [9, с. 153]. Как подтверждение мнение Д.И. Руденка, который отмечает, что иногда использование собирательного имени является единственным шагом, т. е. отсутствует возможность выбора языкового средства, которое представляет собой важную предпосылку оценки, напр.: *дворянское офицерство* (а не дворянские офицеры), *многомиллионное славянство* (а не многомиллионные славяне) [10, с. 187]. Множественность подается через характеристику количественного состава с помощью прилагательного (качественный признак). Таким образом, в некотором смысле, семантика собирательных существительных осуществляется сочетанием дискретности и недискретности [10, с. 157].

Итак, рассмотренные в письменных источниках словацкого языка существительные *singularia tantum* и имеющиеся в лингвистической литературе семантические описания этих существительных нами освещены и дополнены новыми тематическими группами и подгруппами. Каждая из этих групп характеризуется особой семантической структурой и отображением грамматического числа на выражение значения в актах речи. Отметим, однако, что собирательные существительные в словацком языке, оформленные в единственном числе, передают значение собирательности, маркированное словообразовательными суффиксами *-stvo*; *-ina*; *-(č) ie*; *-ia*; *-ita*; \emptyset . Среди собирательных существительных отдельных групп выделяем конкретные подгруппы с целью упорядочения лексического состава названных существительных и обоснование их лексико-семантической характеристики:

1. Названия совокупной множественности лиц: *mladež*, *generalita*, *sedľač*.
2. Названия объектов растительного мира: *bučina*.
3. Названия животных, птиц, насекомых: *včelstvo*, *dobytok*.
4. Названия совокупной множественности лиц

К названной группе существительных относятся названия совокупной множественности лиц, образованных с помощью прежде всего суффикса *-stvo*: *diváctvo* / *глядацтво*; *členstvo*² / *членство*; *ľudstvo* / *человечество*; *pôrodnictvo* / *акушерство*; *predsednictvo* / *президиум*; *robotníctvo* / *рабочий класс*; *príbuzenstvo* / *родня, родственники*; *rolníctvo* / *крестьянство*; *študentstvo* / *студенчество*; *učiteľstvo* / *учительство*; *voličstvo* / *избиратели*; *žiactvo* / *школярство*. Референтом

таких собирательных существительных выступает объект, состоящий из нераздельной множественности лиц, объединенных по соответствующему признаку. Например: *Pre Slovensko je veľmi dôležitý rok 2016 keď na pol roka prevezme predsedníctvo Európskej únie* (SME 08.09.2012).

Как показывает практика, собирательные существительные, образованные суффиксом *-stvo*, в современном словацком языке менее употребительны. Во-первых, потому что этот суффикс выступал выразителем собирательности лиц, принадлежащих к определенному общественному классу, социальным группам и т. д. В результате часть таких существительных перешла в разряд устаревшей лексики: *dvoranstvo, kupectvo, mešťanstvo, remeselníctvo, zemanstvo*. Во-вторых, как отметил Я. Горещкий, современному словацкому языку характерна тенденция собирательных существительных, образованных суффиксом *-stvo* (*ľudstvo, vláctvo*), выступать соответствующими синонимами множественных существительных и даже их заменять [10, с. 94]. Например: *baníctvo* → *baníci*; *občianstvo* → *občania*; *študent-stvo* → *študenti*; *učiteľstvo* → *učitelia*; *žia-ctvo* → *žiaci*. Например: *Od januára by mali študenti a učitelia vo finančných ťažkostiach žiadať o pôžičku Fond na podporu vzdelávania* (SME 26.09.2012). В-третьих, аналитический способ выражения собирательности: вместо *žiacstvo, učiteľstvo, baníctvo* допустимо применение *žiacky kolektív, učiteľský zbor*. Напр.: *Vedenie školy, pedagogický zbor a študenti sa tešia na nových spolužiakov* (MY 17.05.2011).

В современном словацком языке сему совокупной собирательности лиц выражают также суффиксы иноязычного происхождения *-ia, -áž, -ita, -ika*. Существительные, образованные этими суффиксами, обозначают совокупность лиц определенной организации, профессии, звания и т. д.: *arbitráž; aristokracia, byrokraci, diplomacia; admiralita, generalita*. Существительные с суффиксом *-ika /-istika* образуются от конкретных существительных, называющих предметы и вещи, и указывают на принадлежность к конкретному жанру, стилю: *balada* → *baladika, dráma* → *dramatika, dynamizmus* → *dynamika, žurnalizmus* → *žurnalistika*.

Следующая подгруппа существительных — названия лиц с суффиксом *-ač*, достаточно применяемым в словацком языке. Однако этот суффикс на сегодня не является продуктивным. Слова названной группы относятся в большинстве к словам ненормативной лексики с отрицательным оценочным значением или поэтизмом: *babrač, bedač, červač, mrzač, sprostač, všivač, žobrač*. Собирательность также выражается прилагательными и отглагольными существительными,

образованными путем нулевой суффиксации: *mládež* / молодежь; *chamrad'* / сброд; *darebák* / негидь; *ľud* / люд; *spodina* / сволочь. Например: *Tá spodina má dnes svoje fóra, kde anonymne a beztreštno hovorí to, za čo by inak musel každý niesť treštnoprávnu zodpovednosť* (SME 22.06.2011).

Таким образом, снижение словообразовательных суффиксов при собирательных существительных названий лиц в словацком языке компенсируется выше рассмотренными способами. Все больше становятся применяемыми множественные формы: *študenti* / студенты (мн.) ← *študentstvo* / студенчество (собирательное).

5. Названия объектов растительного мира

Ко второй группе собирательных существительных относятся слова для обозначения объектов растительного мира [17, с. 32]. Характерным суффиксом их создания является:

1) Суффикс **-(č)ie**. Существительные с суффиксом **-(č)ie** выражают значение нераздельной множественности: а) видов растений: *malinčie* / малинник (кусты малины) и *maliník* (участок, где посажена малина); *chrastie* / сухостой (сухие кусты, деревья) и *suhostoj* (склоны сухостоя); *trnie* / терн (куст терна) и *terninia* (заросли терна). А также: *borovičie*, *brezie*, *černičie*, *čučoriedie*, *hložie*, *imelie*, *javorčie*, *jedličie*, *jedľovie*, *jelšie*, *kukuričie*, *krnčie*, *lopúšie*, *rakytie*, *repičie*, *smrečie*, *sosnovie*, *stromovie*, *topolie*, *trstie*.

Названные лексемы могут обозначать не только совокупную множественность растений, но и называть площади занятые растительностью (*malinčie*, *viničie*, *vinice* и т. д.). С таким значением они образуют формы множественного числа: *malinčie* / *malinčia*; *vinica* / *vinice*. Множественные формы указывают на площади, ограниченные в пространстве, например: *Raz išiel so švagrinou na maliny. Kováč z jednej strany malinčia, švagriná z druhej* (MY 19.12.2011) или на значительное количество растительности, распространяющееся в пространстве, например: *Z blízkej hory občasnú závanu osviežujúceho chladu, prestúpeného vôňou konvaliniek, čučoriedia, malinčia, húb* (Krásy Slovenska. Bratislava: Vydavateľstvo Dajama, 1974, ročník 52, č. 1-12); б) названия частей растений: *konáre* / ветви; *korene* / корни; *listie* / листья; *trnie* / ветви терновника.

2) Существительные, образованные суффиксом **-ina**, выступают названиями совокупной множественности деревьев, кустов, а также земельных угодий: *bučina* / бучья, *dubina* (*dubovina*) / дубны, *haluzina* / ветви, *jelšina* / ольховник, *lieskovina* (*lieština*) / лещина (куст и кустарник этого растения) *mladina* / молодняк. Сюда относятся и такие существительные: *bodliačina*, *čečina* (*chvojina*) *haluzina*,

chrastina, ihličina, papečina, pnovina, prútina, ražd'ovina, tisina, trnina, vrbina, vrbinka. Например: *Tu u nás dolu je len samá dubina, hrabina či bučina, ale vôňa smrekového ihličia mi chýba* (Roľnícke noviny 21.08.2009).

Есть случаи собирательных существительных, образованных от одной основы при помощи различных суффиксов: *agácie / agáčina / agátina*. Разница заключается в сфере употребления этих существительных. Лексемы *agácie / agáčina* в словацком языке относятся к разговорной, диалектной лексике, а *agátina* — нормативной современной лексике. Например: *Typický južnoslovenský agátový lesík (agátina) je agačina, agátový kôl je agačový kôl* (Kultúra slova. 1995).

Таким образом, рассматривая собирательные существительные, называющие растения, можно констатировать, что такие существительные образованы посредством суффиксов *-(č)ie* и *-ina*. Данные суффиксы выступают выразителями совокупной множественности, собирательности. В современном словацком языке они не принадлежат к производительным, поскольку состав существительных с суффиксами *-(č)ie* и *-ina* отражает относительно закрытую семантическую группу с устоявшимися номинациям и с ограниченным количеством образования новых названий. Но это вовсе не означает, что они принадлежат к периферии словарного состава. Нет, такие существительные применяются в разговорной и профессиональной лексике.

6. Названия животных, птиц, насекомых

Названия совокупности животных, птиц, насекомых — чаще всего это названия в форме единственного числа: *dobytok (statok¹) / домашняя скотина; hmyz² / насекомые; zvieratstvo / скотина, животные; trúdovina / трутнивка; včelstvo / пчеловодство*. Существительные с суффиксами *-stvo* не имеют эмоционально-экспрессивной окраски (*vtáčstvo, zvieratstvo*). Например: *Dnes utláča a ničí domáce vtáčstvo* (SME 08.08.2012). Лексемы такого типа часто встречаются в научной литературе, разговорной лексике. В предложении собирательные существительные обычно сочетаются с глаголами и зависимыми словами в форме единственного числа, что указывает на целостность совокупности, собирательность.

Итак, собирательные существительные представляют формальный класс существительных *singularia tantum* на уровне категории числа. При этом существительные данной группы лишены способности образовывать коррелятивные пары множества. Из лексем с собирательным значением, в зависимости от структурных особенностей, а также употребления в речи, выделяем существительные с суффиксами: *-stvo* (*pôrodnictvo, učiteľstvo*), *-ina* (*bučina, jelšina*), *-(č)ie* (*borovičie, malinčie*)

и другие. Грамматическое значение числа данных сингулятивов отличается от значения совокупной массы, характерной для материально-вещественных существительных, и от значения обобщенного действия, процесса, признака или свойства, которое выражают абстрактные существительные. Собирательные существительные реализуют неделимую множественность как целостность предметного ряда, индивидуального во множественной совокупности. На наш взгляд, группа собирательных существительных в словацком языке требует изучения, в частности, должны быть исследованы такие вопросы, как функция таких субстантивов, лексикографическая разработка, классификация и их функционирование на конкретных текстах разных стилей.

Список литературы:

1. Безпояско О.К. Іменні граматичні категорії (функціональний аналіз). — К.: Наук. думка, 1991. — 172 с.
2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика [Текст] / А.В. Бондарко. — Л.: Наука, 1984. — 134 с.
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і гол. Ред. В.Т. Бусел. — Ірпінь : ВТФ Перун, 2005. — 1728 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов — М.: Высшая школа, 1972. — 614 с.
5. Газеты: «Korzar prešovský» 2009—2013; «SME. Dennik» 2009—2013; «MY» 2010—2012; «Roľnicke noviny» 2009—2011.
6. Горпинич В.О. Морфологія української мови [Текст] / В.О. Горпинич. — К.: Академія, 2004. — 336 с.
7. Дегтярев В.И. Собирательность и категория числа в истории славянских языков [Текст] / В.И. Дегтярев // Вопр. языкознания. — 982. — № 4. — С. 92—101.
8. Журналы: «Kultúra slova» 2009—2012; «Poľovníctvo a rybárstvo» 2009.
9. Категория количества в современных европейских языках [Текст] / В.В. Акуленко, С.А. Швачко, Е.И. Букреева и др. — К.: Наук. думка, 1990. — 284 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь; [гл. ред. В.Н. Ярцева]. — М., 1990. — 685 с.
11. Решетникова Н.В. Онтологическая категория собирательности: [Текст] / Н.В. Решетникова // Лингвистика: Взаимодействие концепций и парадигм. — Вып. 1. — Ч. 1. — Харьков: ХИМЭСХ, 1991. — 239 с.
12. Руденко Д.И. Имя в парадигмах — философии языка [Текст] / Д.И. Руденко. — Харьков: Основа, 1990. — 300 с.

13. Dvonč L. Dynamika slovenskej morfológie. — Bratislava: Veda, 1984. — 124 s.
14. Horecký J. Dynamika slovnej zásoby. — Bratislava: Veda, 1989. — 428 s.
15. Furdík J. Integrované procesy pri lexikálnych prevzatiach. — Jazykovedný časopis, 1994, roč. 45, č. 2, — S. 95—102.
16. Krásky Slovenska. — Bratislava: Vydavateľstvo Dajama, 1974, ročník 52, č. 1—12.
17. Miko F. Ród, číslo a pád podstatných mien / František Miko. — Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1962. — 254 s.
18. Morfológia slovenského jazyka. Red. J. Ružička. — Bratislava: Vydavateľstvo SAV 1966. — 896 s.
19. Oravec J., Bajzíkova E., Furdík J. Súčasný slovenský spisovný jazyk. Morfológia. 2. vyd. — Bratislava: SPN, 1988. — 232 s.
20. Sokolova M. Nový deklináčny systém slovenských substantív. — Prešov: FF PU, 2007. — 348 s.
21. Veľký slovensko-ruský slovník. — Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1979—1995. — D. I—VI.

2.3. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ ОБРАЗА МУЖЧИНЫ В МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Бабаева Ольга Кукаевна

*канд. филол. наук, старший преподаватель, МГТУ «МАМИ»,
г. Москва*

E-mail: olgabov97@yandex.ru

TYPICAL IMAGE OF A MAN REFLECTED BY METAPHORIC PARALLELS

Babaeva Olga

*candidate of philological sciences, senior lecturer of Moscow State
Technical University "MAMI"*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются метафорические параллели английского языка. Целью статьи является выявление гендерных стереотипов, отражаемых метафорическими параллелями. Для достижения цели статьи использовались методы компонентного семантического и этимологического анализа. Анализ лексического материала, отобранного методом сплошной выборки из различных словарей, позволяет заключить, что многие типичные характеристики мужчины, отмечаемые исследователями, находят выражение в метафорических параллелях. Метафорические параллели, являясь образными выражениями, отражают стереотипные представления, бытующие в данной языковой среде.

ABSTRACT

In the article we aimed to find out in what way metaphoric parallels reflect typical image of a man. Different methods of analysis such as component, semantic, etymological were used to fulfill the target. The analysis of metaphoric parallels allows to conclude that many of features

considered to be essential in men are depicted with the help of metaphoric parallels.

Ключевые слова: метафорические параллели, гендерные стереотипы.

Keywords: metaphoric parallels, gender stereotypes

Как известно, фразеологизмы, метафоры, символы — ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа. В данной статье ставилась задача определить, как гендерные стереотипы, отмеченные разными лингвистами, отражаются в метафорических параллелях, образных выражениях, описывающих человека во всех его проявлениях.

Термин «метафорические параллели» подчеркивает существование, наряду с нейтральными номинациями, образных выражений, посредством которых говорящий выражает свое эмоционально-оценочное отношение к объекту высказывания. Источником такого рода метафорических параллелей являются в основном сленг, фразеологизмы, идиомы. Методы семантического, компонентного, этимологического анализа позволяют выявить, какое коннотационное значение задействовано в каждой параллельной номинации. Значение, взятое за основу уподобления, обозначается как «вспомогательный субъект».

Исследователи гендерных стереотипов отмечают, что мужчина — это прежде всего работник, гражданин. Согласно гендерным исследованиям, в стереотипном образе мужчины выделяются такие черты, как прямота, самообладание, надежность, взвешенность, справедливость. Также коррелирующие с ними отрицательные характеристики: бестактность, грубость, резкость, черствость, эгоизм, бесчувственность, жестокость.

Косвенным подтверждением общественной ценности тех или иных положительных качеств у мужчины можно считать метафорические параллели, которые выражают противоположные им, негативные, характеристики. В.И. Карасик отмечает, что детальная и вариативная номинация «... явлений, актуальных для той или иной лингвокультуры, может служить одним из возможных подходов к изучению национальнокультурной специфики языкового сознания и коммуникативного поведения» [1, 2009]. Выделяется большое количество метафорических параллелей, обозначающих подлых, лживых, трусливых мужчин. Так, мужчина, который не приносит пользы обществу, не достиг определенного положения, обозначается множеством параллельных номинаций, семантическая структура

которых основана на ассоциациях с различными предметами, животными, природными явлениями и объектами.

Например, семантическая основа вспомогательного субъекта *polecat* (хорек) образует ассоциативную метафорическую параллельную номинацию:

polecat — a mean and deceitful person, usually male — подлый, лживый;

В следующей параллельной номинации смысловую нагрузку несет компонент *scum — a layer of unpleasant or unwanted material that has formed on the top of a liquid* — слой грязи, образующийся на поверхности жидкости.

pond scum — a mean and wretched person; a worthless male — подлый, жалкий, бесполезный, никчемный;

Семантическая структура номинации *heel* включает семы: *the rounded back part of the foot* (пятка); *the raised part at the back of a shoe, under your heel* (каблук). В метафорической параллельной номинации отбираются обе эти семы для создания образа низкого, подлого мужчины:

heel — a low and despicable man — низкий, презренный мужчина.

Значение метафорической параллели, выраженной сложным словом, определяется компонентом: *winder — a key or handle for winding a clock*. Данная параллельная номинация включает сему глагола *wind — to turn or cause something to turn* — «вертеть, поворачивать, крутить». Актуализация значений лексемы создает образ изворотливого, трусливого человека:

sidewinder — a sneaky and despicable man — трусливый, подлый.

Семантическая структура лексемы *slime — unpleasantly thick and slippery liquid substance* — «неприятная густая и скользкая масса» — используется в следующих метафорических параллелях:

slime bag, slime bucket, slimeball — a despicable person, usually a male — подлый, низкий человек, обычно мужчина.

Ответственность, объективность, сила, умение принимать решения, ум, реализм — это свойства, традиционно приписываемые мужчинам. Метафорическими параллелями маркируются противоположные качества, такие как: слабость, безволие, трусость, глупость. Резкая негативная коннотация этих параллелей свидетельствуют о ценности их оппозиций. В качестве вспомогательного субъекта в данных метафорических параллелях используются одежда, растения, гастрономические наименования.

man of straw — a weakling — слабый мужчина;

pantyman — an effeminate heterosexual man — изнеженный, женоподобный;

pantywaist — a weakling or coward — слабак или трус.

pansy-ass — effeminate — женоподобный.

В семантической структуре метафорических параллелей, маркирующих глупость, присутствует также сема ненужности, бесполезности такого мужчины. Зачастую в таких параллельных номинациях используется грубая, заниженная лексика (*shit, jake — toilet*), которая подчеркивает презрительное отношение говорящего:

jake — a toilet; a stupid person, usually a male — глупый;

shithead — a stupid and obnoxious person usually a male — глупый, отталкивающий;

Jack-shit — a stupid and worthless male — глупый и бесполезный;

little shit — a stupid and insignificant male — глупый, незначительный.

Также эти качества актуализируются с помощью таких метафорических параллелей, как *pudding* (пудинг), *lump* (бесформенный кусок твердого вещества):

puddinghead — someone, usually a male, who acts very stupid — мужчина, который ведет себя глупо;

lump — a stupid man — глупый мужчина;

1.musclehead — a stupid man.

Буквальное значение лексемы *lug* — «*carry or drag (a heavy or bulky object) with great effort*» — «тащить с большим усилием что-либо тяжелое или громоздкое». От этого глагола образовано существительное: *luggage — baggage belonging to passengers*. Можно предположить, что эти значения отбираются в метафорической параллельной номинации для обозначения глупого, большого, неловкого мужчины:

lug — a stupid male, a large, clumsy, dim man — глупый мужчина, большой, неловкий, тупой.

Отрицательно оцениваются физически сильные, но глупые мужчины:

knuckle-dragger — a strong and stupid man — сильный и глупый;

dumb ox — a large and stupid person, usually a man — большой и глупый;

brick shithouse / built like a brick shit house — to a very strong and well-built male — очень сильный, хорошо сложенный.

Пейоративная оценка дается некрасивым, неинтересным мужчинам, скучным интеллектуалам, занятым учебой, книгами.

Следующие метафорические параллели характеризуют мужчин с этих позиций:

stuffed shirt — *a dull and stuffy person, usually a male* — неинтересный, щепетильный;

melvin — *a studious or unattractive male* — занятый наукой, непривлекательный внешне;

nerd, nurd — *a dull and bookish person, usually a male* — скучный, педантичный.

Лексема *nerd*, по данным этимологического словаря, регистрируется с 1951 как студенческий сленг, предположительно, измененное сленговое слово *nert* в значении «*stupid or crazy person*», популярное в 1940 годах, которое, в свою очередь, является искажением лексемы *nut* (орех).

Прилагательные, входящие в семантическую структуру метафорических параллелей, усиливают значение вспомогательного субъекта *nut*:

numbnuts — глупец;

dumbnuts — *a jerk; a worthless male* — зануда, бесполезный.

Привлекает внимание этноспецифическая особенность отношения к безрассудной храбрости, отваге. Отчаянная храбрость, безрассудство не одобряется англичанами. Семантическая структура метафорических параллелей, маркирующих смелость, храбрость, включает сему жестокости, агрессии.

ballsy — *courageous; daring; foolhardy. (Usually said of a male. Usually objectionable)* — смелый, дерзкий, безрассудно храбрый.

beast — *a crude, violent, or sexually aggressive male* — грубый, резкий или сексуально агрессивный;

animal — *a male who is cruel, violent, or repulsive* — жестокий, вспыльчивый;

badass — *a tough guy; a belligerent and arrogant person, usually a male* — агрессивный, высокомерный.

В семантической структуре метафорической параллельной номинации, основанной на ассоциативно-образной базе вспомогательного субъекта *wolf* (волк), выделяются следующие значения:

wolf — *a bold and aggressive male* — смелый, агрессивный;

wolf — *a man who habitually seduces women* — обольститель;

wolf — *a sexually aggressive man* — сексуально агрессивный.

В стереотипном представлении настоящему мужчине приписываются такие черты личности, как активность, доминантность, уверенность в себе. Застенчивый мужчина обозначается метафорическими параллелями, которые выражают насмешливое, пренебрежи-

тельное отношение. В семантической структуре этих параллелей актуализируются семы гастрономического вспомогательного субъекта:

milquetoast — a shy coward; an effeminate male — застенчивый, трусливый; изнеженный;

cream puff — an effeminate male — изнеженный, женоподобный.

Застенчивость, слабость мужчины обозначается также синкретической метафорической параллельной номинацией:

pipsqueak — a small or timid man or boy — маленький или застенчивый мужчина или мальчик.

Слабость, изнеженность ассоциируются с женщинами. Эти ассоциации передаются параллелями, в которых вспомогательным субъектом являются женщины или предметы их гардероба, как в примерах:

big girl — an effeminate, weak and/or cowardly male — изнеженный, слабый, трусливый;

big girl's blouse — изнеженный мужчина, маменькин сынок;

weak sister — a timid person, usually a male. «It looks like Dave is the weak sister on the team» — застенчивый;

pussy — a weak or effeminate boy or man; a coward — слабый или изнеженный мальчик или мужчина; трус;

pussy-ass — a weak or effeminate man; a coward — слабый или изнеженный мужчина; трус.

Важность для мужчины способности к доминированию, вызывает насмешливое отношение к тем из них, кто не обладает этим свойством. Так, мужчины, которые находятся в подчиненном положении у женщин (жены, матери), обозначаются следующими презрительными номинациями:

pussy whipped — dominated by a woman — подкаблучник;

hen-pecked — ruled by a domineering woman;

apron-string — подкаблучник (букв. завязка передника, фартука);

mummy's boy — маменькин сынок.

Метафорическими параллелями с мелиоративной оценочностью обозначаются физическая сила, здоровье мужчины, надежность, порядочность, например:

diamond geezer — a really wonderful man, helpful and reliable — надежный;

brick — a good man; a term of approval — надежный, хороший;

blade — a young man, witty and worldly — молодой человек, остроумный и общительный.

Уравновешенный, сдержанный мужчина обозначается двусловной метафорической параллельной номинацией, в которой мотивирующим

компонентом выступает прилагательное *cool* — *calm and not worried or frightened; not influenced by strong feeling of any type* — спокойный, хладнокровный, не подверженный эмоциям. Мелиоративность оценки подтверждает пример, приведенный в словаре:

cool cat — *someone who is cool, usually a male. Monty is a cool cat. I really like him.*

По мнению многих исследователей, «мужскими» являются характеристики, обычно соотносимые с позициями власти и управления, — стремление к лидерству, амбициозность, властность. Среди метафорических параллелей выявлено несколько номинаций, обозначающих богатого человека, начальника, босса, которые относятся только к мужчине:

million-dollar trooper — богатый человек;

zillion-dollar bush — богатый человек.

Мужчина, занимающий высокую должность, лидер, босс обозначается параллелями:

Mr. Big — *an important man; the boss man* — важный мужчина, босс;

the old man — *the boss; a high-ranking officer* — босс, высокого ранга офицер, должностное лицо.

Лидер в студенческой группе, компании, кампусе: *big man on campus*; другой вариант этой номинации аббревиатура — *ВМОС*.

В метафорических параллелях, обозначающих мужчину, в качестве ассоциативно-образной основы используются наименования таких животных, как *tiger* (тигр), *ape* (человекообразная обезьяна), *dog* (собака):

tiger — *a strong and virile man* — сильный, мужественный;

ape — *a hoodlum or strong-arm man, especially if big and strong* — громила, сильный мужчина, особенно если большой и сильный.

В семантической структуре параллельной номинации, построенной на образной основе «пещерный человек», выделяются положительные семантические признаки: «сильный», «мужественный».

caveman — *a strong, virile man* — сильный, мужественный.

Следующая метафорическая параллельная номинация выражена сложным словом, в котором первый компонент является мотивирующей основой, определяющей значение всей номинации:

powerhouse — *a very big strong person usually a male* — очень большой и сильный.

В метафорической параллельной номинации синтаксического типа значение выражено эксплицитно компонентом *fit* — *healthy and strong, especially as a result of exercise*:

fit as a butcher's dog — здоровый, крепкий, сильный.

Метафорическая параллельная номинация *hunk* в значении «*a good-looking, muscular boy or man*» — «привлекательный, мускулистый молодой человек или мужчина», является ассоциативной метафорической параллельной номинацией, т. к. в литеральном значении нет определенных сем, послуживших основой для переноса. Нижеприведенное определение слову в буквальном значении предлагает *Oxford Dictionary of New Words (1997)*: *hunk* — *a large thick piece, especially of food*.

Внешнюю привлекательность мужчины описывают метафорические параллели, в которых мелиоративная оценка выражена эксплицитно, значениями одного или двух компонентов:

beauhunk — *a good-looking male* — привлекательный мужчина.

Данная метафорическая параллельная номинация является сращением (*blending*) трех слов *beau* (*beautiful* и *boyfriend*) и *hunk*. Значения компонентов передают смысл всей параллельной номинации *bohunk* — *boyfriend* и *hunk* — сексуально привлекательный;

heartthrob — *a very attractive man* — красивый, привлекательный;

babe magnet — *an attractive or sexually desirable male* — красивый, сексуально привлекательный;

beefcake — *a muscularly handsome male* — мускулистый, привлекательный;

fine wolf — *a sexy or desirable man* — сексуально привлекательный.

Мелиоративные метафорические параллели обозначают мужчин, пользующихся успехом у женщин. В двух параллельных номинациях ассоциативно-образной основой служит зооним *stud* — *a group of animals, especially high quality horses, kept for breeding* — группа племенных животных, особенно, породистых лошадей.

stud — *a human male viewed as very successful with women* — мужчина, пользующийся успехом у женщин.

studhammer — *a male who is successful sexually with women* — мужчина, пользующийся успехом у женщин. Например: *The guy thinks he is a studhammer, but he is just a jerk*.

Еще одна параллельная номинация, обозначающая мужчину, пользующегося успехом у женщин:

lady-killer — женолюб, дамский угодник.

Семантическая структура следующей немотивированной метафорической параллельной номинации основана на значении глагола *to mack*, который используется в выражении: *mack on*

someone — *to make a sexual proposition to someone* — делать сексуальное предложение кому-л.:

mack-daddy — *a skilled ladies' man* — дамский угодник; например: «*Sam is a real mack daddy*».

Пример, приведенный в словаре, подтверждает мелиоративную оценочность параллельной номинации.

make-out artist — *a seducer; a lecher, usually a male* — обольститель, развратник. «*The guy thinks he's a make-out artist, but the women all think he's a nerd*».

В редких случаях сексуальная активность мужчины оценивается отрицательно:

man whore — развратник;

rake — *man, especially one who is rich or with a high social position, who lives in an immoral way, especially having sex with a lot of women* — распущенный, богатый мужчина или занимающий высокое положение в обществе;

lounge lizard — *a male sexual predator who seeks prey to seduce in fashionable bars and parties* — сексуальный «хищник», который ищет своих жертв в модных барах;

goat — *a lecherous man* — развратный мужчина.

Таким образом, в целом стереотипные представления о мужчине, бытующие в социуме, подтверждаются метафорическими параллелями. Зачастую ценность стереотипных положительных качеств, ожидаемых от мужчины, подтверждается множеством метафорических параллелей, обозначающих противоположные им, негативные черты характера.

Список литературы:

1. Карасик В.И. Языковые ключи. — М., Гнозис, 2009. — 406 с.
2. Spears R.A. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions. — McGraw-Hill Companies, 2000 — 560 p.
3. Thorne T. The Dictionary of Contemporary Slang. — N.Y.: Pantheon Books, 1991. — 383 p.
4. Online etymological dictionary. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения 23.03.2013).

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Дмитрук Ольга Викторовна

канд. филол. наук,

*Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко,
г. Киев*

E-mail: odmitruk@ukr.net

LEXICAL COMPONENT OF MIND MANIPULATION IN MASS MEDIA

Dmytruk Olga

PhD. In English Philology, Kyiv National Taras Shevchenko University, Kyiv

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению манипуляции сознанием средствами массовой информации и место, занимаемое лексическим компонентом в этом процессе. В статье подается обзор исторической перспективы данного процесса, а также анализируется современное воплощение манипулятивных интенций адресанта с помощью подбора соответствующих лексических единиц.

ABSTRACT

The article studies the mind manipulation of the addressee performed by mass media and the role the lexis plays in this process. The article offers the overview of historical perspective of the given process. The author analyses modern implementation of manipulation intentions of the addresser with the help of the concrete lexical units.

Ключевые слова: манипуляция сознанием; дискурс масс-медиа; лексические средства манипуляции сознанием; оценочное значение; коннотация.

Keywords: mind manipulation; mass media discourse; lexical means of mind manipulation; evaluative meaning; connotation.

Современные средства массовой информации не только сообщают новости, но и формируют общественное отношение

к освещаемым событиям. Процесс манипуляции сознанием адресата воплощается с помощью широкого арсенала вербальных и невербальных средств. Это обуславливает актуальность данного исследования, поскольку подбору конкретных лексических единиц отводится ключевая роль в этом процессе.

Выбор лексики для представления информационного материала, особенно освещающего общественно-политические процессы, непосредственно связан с оценкой, которую реципиент дает событиям при восприятии данного материала. Основателем научного направления, посвященного роли слова в пропаганде (а затем и манипуляции сознанием), считают американского социолога Г. Лассуэлла [11; 12; 13].

Советские языковеды, выступая идеологами тогдашней политической системы, утверждали, что социальная значимость слов, которая является определяющим источником плана их содержания, включает в себя возможность и необходимость управления лексическим значением языковых единиц, установления определенного контроля над семантическим уровнем языка [5, с. 144]. Несмотря на различные трактовки необходимости контроля над лексическим значением слов и использования соответствующих лексических единиц, сущность этого процесса является неизменной: отбор лексических единиц, которыми обозначаются явления и события жизни общества, является одним из путей манипуляции сознанием населения.

Средством манипуляции сознанием выступает осуществляемый СМИ процесс номинации явлений и событий общественно-политической жизни, представляющий собой стратегию уклонения от истины, которая была выделена в рамках исследования.

Г. Блакар рассматривает выбор слов и выражений как «инструмент власти», поскольку они позволяют выразить свое отношение к референту [1, с. 88]. Речь не только выражает мысль, но и в большинстве случаев обуславливает понимание этой мысли. Каждое предложение состоит из двух слоев: первый представляет факт передачи информации об объекте, а второй является оценкой этой информации субъектом [2, с. 133]. Отдельные слова, имеющие в тексте ключевые семантические позиции, создают определенную установку на понимание и интерпретацию этого текста. Такие ключевые слова можно назвать словами-индикаторами благодаря присущему им свойству открыто или незаметно направлять русло мыслей реципиента [3, с. 141]. Даже если адресант пытается высказываться объективно, выбор им слов структурирует и обуславливает представление, которое формируется реципиентом.

Заметное влияние на экспрессивность языка СМИ оказывают общественно-политические факторы, которые приводят к формированию целого комплекса выразительных слов с социальным звучанием [4, с. 11]. Например, лексика, принадлежащая к политическому словарю языка СМИ, отражает западную идеологию демократической ориентации (понятия *democracy, freedom, equality*, политические клише *civil liberties, human rights, national security, etc.*). Вместе с тем формирование такого экспрессивного идеолексикона создает возможности для манипулирования общественным сознанием, поскольку употребление этой лексики делает текст экспрессивно маркированным, создавая определенные установки для его восприятия.

Оценка событий, описываемых СМИ, зависит от слов с соответствующим эмоциональной окраской. Интенсивность эмоционального отношения к нейтральному слову зависит от количества подкреплений этого слова эмоционально маркированными словами с отрицательной или положительной коннотацией, которые употребляются наряду с нейтральными словами. Коннотация маркированного слова экстраполируется на окружающий его нейтральный контекст. Например, с целью привлечения широкой поддержки определенным лицам или отстранения тех, кто действует вопреки интересам правящих кругов, СМИ описывают последних в терминах, обозначающих неприятную манеру артикуляции: *shrill — having or emitting a sharp high-pitched tone or sound* [9], *whine — an unpleasant high sound or voice* [7], *strident — describes a sound which is loud, unpleasant and rough* [7]. Так, статья, размещенная в издании *The Guardian*, характеризует Дэвида Камерона, используя данный прием: *Cameron is stuck somewhere in the middle — being prime minister he doesn't have to whine for our approval, but being unpopular, he can't be seen to be too relaxed either* [14]. В издании *The Economist* автор статьи характеризует лидера болгарской политической партии АТАКА, используя лексику *shrill*: *While publicly refusing to support any government and promising to become “a nightmare for everyone”, its shrill leader, Volen Siderov, became the kingmaker of Mr Oresharski's cabinet* [6]. Адресат распространяет отрицательное значение слова, с помощью которого описывается манера говорящего на его личность. Когда чья-то речь характеризуется подобными словами, читатель или зритель чувствует подсознательную потребность оградить себя от этого ужасного шума [10, с. 69]. Негативная коннотация существительного *kingmaker* усиливает общее негативное впечатление.

Манипулятивный потенциал имеют определенные лексические единицы, стилистически отличающиеся от остального текста своим

регистром, образуя контраст. Например, статья, посвященная подробностям подготовки к съемочному процессу художественной ленты «Код да Винчи», содержит сразу несколько предложений, которые привлекают внимание адресата. Пренебрежительное отношение к проекту вызывается с помощью отрицательной оценки книги, которая легла в основу фильма: *After being barred from filming at Westminster Abbey, the makers of the movie adaptation of The Da Vinci Code must be celebrating the news that they've secured permission to shoot at Rosslyn Chapel, another key location in Dan Brown's ridiculously popular book* [8]. Этот эффект усиливает следующее предложение, в котором имплицитно критикуется расточительство создателей ленты с помощью глагола, принадлежащего к разговорной лексике: *The location fees, purportedly in the £100,000 range, will be funnelled towards the 15th century chapel's multimillion pound conservation project, in which the structure is to be returned to its original appearance*. Пренебрежительное отношение закрепляется благодаря окказионализму, подающему необычное превращение ученого в человека, вовлеченного в расследование, как нечто, граничащее с абсурдом или глупостью: *The film will star Tom Hanks as academic-turned-sleuth Robert Langdon and Audrey Tautou as his love interest under the direction of Ron Howard*. Употребление стилистически маркированной лексики в данной статье помогает сформировать негативное восприятие фильма и идей, изложенных в книге Дэна Брауна, поскольку они не согласуются с традиционными взглядами на христианскую религию и Новый Завет.

Таким образом, влияние на сознание реципиента происходит благодаря сложному и многоступенчатому процессу, в основе которого лежит интенция адресата. Руководствуясь данной интенцией, адресант осуществляет подбор соответствующих лексических единиц, которым присущи коннотативные значения, что обуславливает восприятие информации адресатом как позитивной или негативной. Подавая информацию СМИ одновременно осуществляют функции как информирования, так и идеологического контроля в сферах, представляющих собой интерес для лиц, которые их контролируют.

Список литературы:

1. Блалар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М. Сергеева, П.Б. Паршина; общ. Ред. В.В. Петрова. — М.: Прогресс, 1987. — С. 88—125.
2. Дрібнюк В.Т. Оцінка як складова ментального процесу // Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики: зб. наук. праць. — К.: КНУ ім. Т. Шевченка, 2012. — Вип. 21. — С. 133—139.

3. Рошин С.К. Психология и журналистика. — М.: Наука, 1989. — 187 с.
4. Шаповалова Г.В. Інноваційні процеси в сучасному медіатексті (функціонально-лінгвістичні аспекти): Автореф. дис. канд. філол. наук: 10.02.08 / Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. — К., 2003. — 20 с.
5. Язык и идеология. Критика идеалистических концепций функционирования и развития языка / Под ред. проф., д-ра филол. наук Ю.А. Жлуктенко. — К.: Изд-во при Киевском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1981. — 243 с.
6. A new government at last // The Economist [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.economist.com/blogs/easternapproaches/2013/05/bulgarian-politics> (дата обращения: 30.05.13).
7. Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 14.05.13).
8. Chapel admits Da Vinci Code film-makers // The Guardian [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.guardian.co.uk/film/2005/jul/28/2005inreview> (дата обращения: 2.05.13).
9. Free Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/shrill> (дата обращения: 14.05.13).
10. Lakoff R.T. The Language War. — Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 2000. — 323 p.
11. Lasswell H.D. Power and Personality. — N.Y.: The Viking Press, 1969. — 250 p.
12. Lasswell H.D. Psychopathology and Politics / Fred Greenstein (introd.by). — Chi., Lnd.: The University of Chicago press, 1977. — 339 p.
13. Lasswell H.D., Kaplan A. Power and Society: A Framework for Political Inquiry. — New Haven & London: Yale University Press, 1969. — 295 p.
14. Nigel Farage — or how to succeed in politics without really trying // The Guardian [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2013/may/05/nigel-farage-succeed-politics-charlie-brooker?INTCMP=SRCH> (дата обращения: 5.05.13).

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ТОПОНИМОВ ПОСРЕДСТВОМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ирчишина Марина Витальевна

*магистр англ. филологии, преподаватель
Днепропетровского национального университета им. О. Гончара,
г. Днепропетровск
E-mail: marishhka@mail.ru*

VERBALIZATION OF TOPONYMS BY MEANS OF THE ENGLISH LANGUAGE

Irchyshyna Maryna

*master of Philology, lecturer of O. Honchar Dnipropetrovsk national
university, Dnipropetrovsk*

АННОТАЦИЯ

Целью работы является изучение истории географических названий и выявление проблем, возникающих при их вербализации посредством английского языка. Проанализированы примеры происхождения нескольких топонимов и варианты их репрезентации. Доказано возможное возникновение нескольких вариантов транслитерации географических названий. Выделены наиболее важные принципы транслитерации топонимов.

ABSTRACT

The goal of the article is to study geographical names and elicitation of problems which arise in the process of their verbalization by means of the English language. The origins of several toponyms and the variants of their representation have been analyzed. Possibility of appearance of diverse variants of transliteration of a single toponym has been proved. The most important principles of toponym transliteration have been elicited.

Ключевые слова: географическое название, топоним; репрезентация; вербализация.

Keywords: geographical name; toponym; representation; verbalization.

Для изучения истории любого народа, условий его жизни, географического окружения, развития и специфики его языка огромное значение имеет изучение географических названий. На протяжении всей своей истории человечество не прекращало изучать и интересоваться происхождением названий окружающих географических объектов, так как объяснив правильно название той или иной местности, значит получить важную информацию о прошлом своей родины: природных условиях, экономике, этническом составе населения, исторических событий и пр. [2, с. 5—10]. Эта особенность географических названий используется в исторических исследованиях для реконструкции ландшафтов прошлого, изучения особенностей освоения территории, обнаружения исчезнувших ареалов растений или животных. Однако для получения такой информации необходимо исследовать их совокупность, сформированную под влиянием характерных географических или исторических условий.

С целью комплексного изучения географических названий и их классификации возникла топонимика — наука, изучающая возникновение, структуру, происхождение и ареал распространения топонимов (географических названий). Совокупность топонимов определенной местности формирует ее топонимию (от греч. τόπος (topos) — место; ὄνομα (onoma) — имя) [3, 7—9].

Первыми топонимами становились обыкновенные общеупотребительные слова — вода, река, брод, гора, лес (*Броды, Уральские горы, Становой хребет*) и др. Позже, с освоением новых просторов возникала необходимость разнообразия названий схожих объектов. С этой целью использовались слова, характеризующие форму, цвет, размер объектов (*Черное море, г. Малая пурга, г. Круглое*). Позже в составе географических названий начали появляться фольклорные и мифологические элементы (*с. Русалкино, Ведьмина гора*). Однако об одной и той же реке можно сказать и «быстрая», и «широкая», и «каменистая», и «рыбная» и если то или иное качество было использовано для названия, то можно утверждать, что именно это качество было на тот момент наиболее важным для называемого. Об этом свидетельствует также известный ученый-топонимист В.А. Никонов: «топонимика отображает не только географическое окружение, но и отношение к нему общества» [11, с. 24].

Изучение топонимики на данном этапе имеет не только познавательный характер, но и является особенно важным, так как с расширением международных связей возникает необходимость вербализации топонимов посредством иностранного языка, преимущественно, английского. Вызывает определенные сложности

несхожесть языков и различия в правилах чтения. Не менее важным является также учреждение единого стандарта транслитерации с целью сохранения формы и смысла топонима, так как большинство географических наименований являются очень древними по своему происхождению, о чем свидетельствуют языковые особенности. Однако в каждой стране найдутся и заимствованные топонимы, что указывает на тесный контакт народов по различным причинам.

По своей природе все топонимы являются историческими. Например, возникновение феодальной собственности на землю привело к появлению названий, указывающих на принадлежность. Самые ранние названия городов — посесивы с суффиксом -jъ (унаследованным от праиндоевропейской эпохи) от личных имен. Таковы два города с названием Володимер / Владимир — на Волыни и на Клязьме. Одно название дано в честь Владимира Святославича (впервые упоминается в 988), второе — в XII в. по имени его основателя — Владимира Мономаха. Присоединение суффикса -jъ послужило появлению названия Владимирь (позже «р» отвердело) [12].

Прибавление этого суффикса к основам, оканчивающимся на некоторые согласные, дает преобразование: Всеволож (Черниговской области) из Всеволод + -jъ; Любеч (Черниговской области) из Любеч + -jъ; Переяславль (на Украине, современный Переяслав-Хмельницкий, и к северо-востоку от Москвы) из Переяслав + -jъ. После губного конечного звука основы появляется эпентетическое (вставное) «л».

И если в процессе вербализация вышеперечисленных топонимов посредством английского языка названия претерпевают лишь незначительных изменений «Vladymyr», «Perejaslav», «Ljubech», то топонимы, содержащие другие образовательные суффиксы, как «-ьн», «-ьнь», «-нь», «-ань», «-унь», «-ень», «-ьнь», «-ынь» вызывают все больше и больше споров [12].

Не менее интересным является происхождение некоторых гидронимов (названий водных объектов). Например, название реки Днепр согласно одной из версий, происходит от древнеиранского (сарматского) корня *danu- — «вода, река». Согласно второй версии — от двух корней — «да» («вода») и «на» («мать»), то есть «вадаматушка». Возможно, именно по этой причине мы встречаем это сочетание во многих других гидронимах, в частности, украинских: Днепр, Донец, Дон, Днистер, Дунай и пр. [6, с. 89—90; 10, 13].

В древнерусских летописях название реки было записано как «Дънѣпръ». Одна из версий гласит, что звук «ъ» возник на месте

древнего «у», а «ѣ» — на месте еще более древнего звукосочетания «ай». Если подставить в первую часть древнерусского названия Днепра — «Днѣѣ» вместо «ъ» и «ѣ» их более древние эквиваленты — получим «Дунай».

Значения второй части «-пръ» можно вывести путем сопоставления со словами, имеющими тот же индоевропейский элемент, так как корни «-пр-» и «-стр-» со значением «вода», «река», «течь» существуют как в русском, так и в украинском языках. Особенно много слов с этим корнем обозначают быстрое движение, например: рос. *«прыткий», «стремительный»*, укр. *«спритний», «придкий», «прагнути»*. Корень «-пр-» есть и в названиях таких рек как «Прут», «Припять» и т. п. Таким образом, название возможно происходит от древнего словосочетания «Дунай-река» [5].

Рассматривая различные версии репрезентации данного гидронима посредством английского языка, встречаем несколько вариантов: “Dnєr”, “Dnipro” и “Dnieper”.

Учитывая вышеописанные факты, вариант «Dnieper» считать правильным нельзя, так как подобная вербализация лишает нас четкого произношения корня «-пр-», хотя и облегчает произношение с точки зрения правил чтения английского языка. Кроме того, при обратном переводе становится непонятно, с какого же именно языка осуществлялась транслитерация.

Опираясь на законодательство Украины, правильным вариантом вербализации является “Dnipro”, так как согласно постановлению кабинета министров репрезентация географических названий должна осуществляться с государственного языка. Кроме того, такой вариант значительно облегчает прослеживание связей подобных “Dnipro” — “Dniproretrovsk” для иностранных туристов [1].

Однако при вербализации с украинского языка сталкиваемся с другой проблемой — учитывая широкую распространенность русского языка в мире и историческое прошлое, вариант “Dnєr” наиболее часто встречается в зарубежных атласах, учебниках и пособиях, как и названия многих украинских топонимов в транслитерированном с русского языка варианте: Kiev, Lvov, Belaya Tzerkov и пр.

Таким образом, для успешной вербализации географических названий посредством английского языка следует помнить о многих лингвистических и экстралингвистических факторах:

- происхождение географического названия;
- традиция (если таковая существует), если топоним является общим для нескольких языков;

- положение фонем в топониме;
- правила чтения и произношения языка, посредством которого осуществляется транслитерация [4].

Правильная вербализация топонимов латиницей поможет не только максимально унифицировать написание географического названия, но и сохранить семантику, а с ней и наши многовековые традиции и историю.

Список литературы:

1. Берг Л.С. Критические заметки о топонимических взглядах В.А. Никонова // Географическая среда и географические названия / Сб. ст. — Ленинград, 1974. — 113 с. — С. 5—10.
2. Жучкевич В.А. Общая топонимика. — Минск: Высшая школа, 1980. — 287 с.
3. Дорошенко М. — Переклад власних назв — Центр іноземних мов SpeakEnglish — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.speakenglish.com.ua> (дата обращения 05.03.2012).
4. История городов Украины. История названий водных объектов Украины — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://kiev-elena.blogspot.com> (дата обращения 05.03.2012).
5. Карпенко О.П. Гідронім // Українська мова: Енциклопедія. — К.: Українська енциклопедія, 2000. ISBN 966-7492-07-9 — С. 89—90.
6. Мурзаев Э.М., Очерки топонимики, М., 1974 — 382 с.
7. Никонов В.А., Введение в топонимику, М., 1965 — 136 с.
8. Поспелов Е.М., Топонимика и картография, М., 1971 — 256 с.
9. Словарь гидронимов Украины. — К.: Наук. думка, 1979. — 780 с.
10. Суперанская А.В. Введение в топонимику. Москва, 1965. — 215 с. — С. 24.
11. Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ТОПОНИМИКА.html (дата обращения 05.06.2013).
12. Этнические и географические названия [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://myrefs.org.ua> (дата обращения 05.03.2012).
13. The Cabinet of Ministers of Ukraine, Resolution of January 27, 2010 № 55. On regulation of Romanization of the Ukrainian alphabet. Translated in the letter of Mr. Volodymyr Kulinich, Head of the State Service of Geodesy, Cartography and Cadastre to the Convenor of the UNGEGN Working Group on Romanization Systems, May 7, 2010, № 11/27/1-13 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.eki.ee/wgrs/v3_0/rom2_uk.htm (дата обращения 08.04.2012).

ПОЛУСУФФИКСАЦИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕАТРАЛЬНОМ СОЦИОЛЕКТЕ

Коноплева Ирина Николаевна

*доцент кафедры английского языка ФГБОУ ВПО
Вологодский государственный педагогический университет,
г. Вологда*

E-mail: irinakonopleva@yandex.ru

Мальшева Светлана Сергеевна

*доцент кафедры английского языка ФГБОУ ВПО
Вологодский государственный педагогический университет,
г. Вологда*

E-mail: malkostol@yandex.ru

SEMISUFFIXATION IN THE ENGLISH THEATRICAL SOCIAL DIALECT

Konopleva Irina Nikolaevna

*assistant professor of the English Language Department Vologda State
Pedagogical University*

Malysheva Svetlana Sergeevna

*assistant professor of the English Language Department Vologda State
Pedagogical University*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается полусуффиксальный способ словообразования на материале театрального социолекта английского языка. В работе использовались методы сплошной выборки, анализ по непосредственным составляющим и метод количественного подсчета. На основании выделенных признаков авторы дают определение понятий «театральный социолект», «полуаффикс», «полусуффикс». Выделены полусуффиксальные словообразовательные схемы и модели в англоязычном театральном социолекте, приведена их продуктивность.

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of semisuffix derivation in the English theatrical social dialect. The following methods of investigation were employed: sampling, constituent analysis, quantification.

Having stated the peculiar features the authors give the definitions of the following terms: theatrical social dialect, semiaffix, semisuffix. Derivation schemes and models of semisuffixation in the English theatrical social dialect are given, their productivity is analysed.

Ключевые слова: театральный социолект, полуаффиксация, полуаффикс, полусуффикс.

Keywords: theatrical social dialect, semiaffixation, semiaffix, semisuffix.

Профессиональные и корпоративные субъязыки находятся в центре внимания исследователей благодаря развитию антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике. Театральный субъязык не является исключением, тем не менее, процессы словообразования в его субстандартной части недостаточно изучены. Одним из способов пополнения словарного состава англоязычного театрального социолекта является полусуффиксация, рассматриваемая в настоящей статье.

Целью работы является анализ полусуффиксальных дериватов англоязычного театрального социолекта, предусматривающий решение следующих задач: определение понятия театрального социолекта; описание полусуффиксальной деривации как способа словообразования; выделение схем и моделей полусуффиксальной деривации в изучаемой форме языка.

Материалом для исследования служат образованные с помощью полусуффиксов театральные социолектизмы, полученные методом сплошной выборки из словарей сниженной лексики английского языка и из специальных профессиональных театральных словарей, в том числе Интернет-словарей. Для выявления словообразовательных схем и моделей полусуффиксальных дериватов применяется анализ по непосредственным составляющим.

В определении понятия англоязычного театрального социолекта мы следующие основные признаки: 1) относительная устойчивость; 2) неавтономность; 3) соответствие социолингвистическим нормам второго уровня; 4) обслуживание речевых потребностей театральной профессионально-корпоративной социалемы; 5) преимущественно лексико-фразеологические особенности. На основании вышеперечис-

ленных характеристик театральный социолект понимается как неавтономная форма существования языка, обладающая относительной устойчивостью, соответствующая социолингвистическим нормам второго уровня, обслуживающая речевые потребности театральной профессионально-корпоративной социалемы.

Полусуффиксация относится к линейным аддитивным способам словообразования. Деривация неразрывно связана с номинацией. Несмотря на значительное количество работ, посвященных аффиксальным способам словообразования, полуаффиксация и, в частности, полусуффиксация по-прежнему остается дискуссионным вопросом. В лингвистике существуют различные подходы к описываемому явлению, вследствие чего возникают такие термины, как «относительный аффикс», «относительно связанная морфема», «аффиксоид», «полуаффикс».

Н.А. Лаврова предлагает дифференцировать полуаффиксы и конститuentы контаминта. Под полуаффиксом автор понимает словообразовательный элемент, занимающий в структурном и семантическом отношениях промежуточное положение между корневой морфемой и суффиксом [3, с. 78].

При выделении полусуффиксов мы опираемся на следующие критерии: 1) формальное сходство с самостоятельной лексической единицей, морфемная структура которой представлена простой корневой морфемой; 3) наличие более общего, абстрактного по сравнению с корневой морфемой значения; 4) способность выражать одно и то же значение в сочетании с основами определенного семантического класса, при этом невозможность употребления в этом более абстрактном значении; 4) активное участие в образовании новых единиц. На этом основании, вслед за Е.С. Дьячковой, под полуаффиксом мы понимаем «словообразовательный элемент, совпадающий по форме с простым корневым словом, обладающий функционально-семантическими характеристиками словообразовательного аффикса, формируемый на основе компонента сложного слова, приобретающий более общее, абстрактное значение, образующий в сочетании с основами различной семантики представительные словообразовательные ряды». Полуаффиксация занимает промежуточное положение между аффиксацией и словосложением. С первым способом словообразования она связана функционально-семантическими характеристиками, т. к. имеет формальное сходство с корневой морфемой, функционирует в качестве аффикса с более абстрактным значением. Со словосложением аффиксация связана генетически и структурно, поскольку, как отмечалось выше,

полуаффиксы образуются на основе компонентов сложных слов [1, с. 8—9].

Полусуффикс — это «словообразовательный элемент, формально совпадающий с основой или словоформой свободно функционирующего в языке слова, схож с ним семантически с разной степенью переосмысления, связан этимологически и серийно употребляется в словообразовании в качестве стоящей после корня морфемы, в которой обобщенное грамматическое значение класса слов преобладает над конкретным десемантизированным лексическим значением [2, с. 6—7].

В ходе словообразовательного анализа полусуффиксальных дериватов англоязычного театрального социолекта были выделены следующие транспонирующие и нетранспонирующие схемы и модели. Необходимо отметить, что полусуффиксация — активный словообразовательный процесс, поэтому дериваты характеризуются неустойчивостью написания. В представленных примерах полусуффиксальные новообразования имеют слитное, дефисное и раздельное написание.

1. НЕТРАНСПОНИРУЮЩИЕ ПОЛУСУФФИКСАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

А. Существительные

СХЕМА: N+SEMISUF→N

Модель 1: N+bird→N: **dicky bird** (актер, умеющий хорошо петь и играть);

Модель 2: N+bug→N: **splinterbug** (босой танцовщик);

Модель 3: N+chaser→N: **sugar chaser** (тот, кто ищет спонсора);

Модель 4: N+hog→N: **spotlight-hog** (актер, пытающийся привлечь к себе внимание публики в ущерб другому актеру);

Модель 5: N+hound→N: **smuthound** (исполнитель);

Модель 6: N+house→N: **stagehouse** (театр, дающий представления постоянно, без перерывов);

Модель 7: N+hunter→N: **spotlight-hunter** (актер, пытающийся привлечь к себе внимание публики в ущерб другому актеру);

Модель 8: N+jerker→N: **tearjerker** (грустная пьеса, трагик);

Модель 9: N+joint→N: **night joint** (ночной клуб);

Модель 10: N+man→N: **boogiemан** (строгий критик);

Модель 11: N+peddler→N: **flesh-peddler** (театральный агент);

Модель 12: N+pot→N: **stall-pot** (зритель, сидящий в партере);

Модель 13: N+proof→N: **actorproof** (пьеса, которую не испортит даже плохой актер);

Модель 14: N+pusher→N: **grease-pusher** (гример);

Модель 15: N+puss→N: **glamourpuss** (эффектная актриса);

Модель 16: N+r_{at}→N: **scene-rat** (статист в балете или пантомиме);

Модель 17: N+shop→N: **show-shop** (театр);

Модель 18: N+slinger→N: **swan-slinger** (шекспировский актер);

Модель 19: N+smithing→N: **teosmithing** (хореография);

Модель 20: N+up→N: **goof-up** (оговорка, особенно серьезная).

2. ТРАНСПОНИРУЮЩИЕ ПОЛУСУФФИКСАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

А. Существительные

СХЕМА 1: ADJ+SEMISUF→N

Модель 1: Adj +bird→N: **big bird** (неодобрение);

Модель 2: Adj +boy→N: **pretty-boy** (человек, нанятый для того, чтобы удалять из зала буйных посетителей);

Модель 3: Adj +head→N: **deadhead** (человек, которого пропускают в театр бесплатно);

Модель 4: Adj +out →N: **blackout** (полное выключение освещения сцены).

СХЕМА 2: V+SEMISUF→N

Модель 1: V+off→N: **bowoff** (прощальное представление).

СХЕМА 3: ADV+SEMISUF→N

Модель 1: Adv+over→N: **once-over** (прослушивание для подбора нового исполнителя).

Б. Глаголы

СХЕМА 1: N+SEMISUF→V

Модель 1: N+stand→V: **grandstand** (добиваться аплодисментов).

В ходе исследования была выделена одна нетранспонирующая схема **N+SEMISUF→N**, три транспонирующие схемы образования существительных **ADJ+SEMISUF→N**, **V+SEMISUF→N**, **ADV+SEMISUF→N** и одна транспонирующая схема образования глаголов **N+SEMISUF→V**. Наиболее широко представлена нетранспонирующая схема (49 единиц, что составляет 1,6 % исследуемого материала), включающая 20 моделей. Всего с помощью полусуффиксации образована 71 лексическая единица, что составляет 2,3 % выборки.

Список литературы:

1. Дьячкова Е.С. Полусуффиксы и образования с ними в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. — Барнаул, 2011. — 21 с.
2. Коровушкин В.П. Социальная лексикология английского языка. Часть II. Социолексикологическое описание английской нестандартной лексики. — Череповец: ЧГПИ, 1994. — 38 с.

3. Лаврова Н.А. Контаминация и другие способы словообразования // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 26. — С. 76—79.
4. Berrey L.V., Van Den Bark M. The American Thesaurus of Slang. Second Edition. A Complete Reference Book of Colloquial Speech. Eleventh Printing (Fourth Printing of the Second Edition). — New York: Thomas Y. Crowell Company, 1962. — 1272 p.
5. Glossary of stage and studio terms [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ash-stevenson.com/Glossary%20of%20Stage%20and%20Studio%20Terms.htm> (дата обращения 31.05.2013).
6. Partridge E. A dictionary of slang and unconventional English. — London, Melbourne and Henley: Routledge & Kegan Paul, — 1440 p.
7. Partridge E. The Concise New Dictionary of Slang and Unconventional English. From A Dictionary of Slang and Unconventional English by Eric Partridge. Ed. by Paul Beale. — London: Routledge, 2007.
8. Partridge E. The Routledge Dictionary of Historical Slang. Edited by Paul Beale. 8th ed. — New York: Macmillan Publishing Co., 2006.
9. Performing arts. Stage slang [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://performingarts.about.com/od/Stage_Slang/Stage-Slang.htm (дата обращения 30.05.2013).
10. Random House historical dictionary of American slang. Vol. 1, A-G. Editor J.E. Lighter. — New York: Random House, 1994. — LXIV, 1006 p.
11. Random House historical dictionary of American slang. Vol. 2, H-O. Editor J.E. Lighter. — New York: Random House, 1997.
12. Winslow C. Oberon Dictionary of Theatrical Second Edition: Theatre Jargon Explained. — London England: Oberon Books, 2011.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА СВОЙ/ЧУЖОЙ
В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Юлдашбаев Айдар Фанузович

*аспирант Белгородского Государственного Университета,
г. Белгород*

E-mail: arshavin762@mail.ru

**REPRESENTATION OF THE CONCEPT OWN/ALIEN
IN DIFFERENT LANGUAGE LEVELS
(ON MATERIAL OF ENGLISH LANGUAGE)**

Yuldashbaev Aydar Fanuzovich

graduate student of Belgorod State University, Belgorod

АННОТАЦИЯ

Данная статья показывает особенности вербализации противоположных концептов СВОЙ и ЧУЖОЙ в различных уровнях языка. Написана в рамках когнитивного подхода к исследованию языковой личности.

ABSTRACT

This article shows the features of verbalization opposing concepts OWN and ALIEN in different language levels. The article is written in the cognitive approach to the study of the language person.

Ключевые слова: уровень языка, концепт СВОЙ/ЧУЖОЙ, репрезентация.

Keywords: language level, concept OWN /ALIEN, representation.

Многие видные лингвисты (В.В. Виноградов, В.И. Кодухов, А.А. Реформатский и др.) подчеркивали, что язык выполняет функцию средства общения при условии взаимодействия всех его подсистем, или всех его структурных ярусов. В лингвистической науке различными учеными выделяется различное число языковых уровней. Обозначим основные из них: фонетический, морфологический, лексический, словосочетание, предложение-высказывание, сверхфразовый. Реально существующее в языке взаимодействие всех

его уровней и определяет необходимость взаимосвязанного изучения отдельных его частей.

Л.М. Бояркина в своей диссертационной работе рассматривает репрезентацию концепта «человек / личность» средствами разных языковых уровней. Исследователь выделяет два таких уровня, которые получают название: «уровень, равный слову» и «уровень, больший, чем слово»[...] Также Л.М. Бояркина проводит анализ и «сквозь призму разных языковых уровней». [Бояркина, 2010]

В нашей статье представляется целесообразным рассмотреть вербализацию концептов на следующих языковых уровнях: лексический, словосочетание, предложение-высказывание, сверхфразовый.

Перейдем к разбору лексического уровня.

GIBBONS: *«I'd like to get someone inside their organization [Anarchy 99]. These guys are fearless, cold-blooded, nihilistic, anti-social... They're fringe dwellers. Let's send one of their own»* (XXX).

В описанном примере реализуется концепт ЧУЖОЙ. Вербализация происходит на лексическом (fearless, cold-blooded, nihilistic, anti-social) уровне. Гиббонс хочет внедрить в организацию своего человека. А поскольку предполагает, что эти парни безнравственны и антисоциальны, хочет направить к ним кого-то такого же как они. Персонаж хочет поступить согласно мудрой английской поговорке It takes a thief to catch a thief. То есть свой своего, или как Гиббонсу представляется чужой чужого.

Рассмотрим следующий пример,

He [Terminator] glances down, taking calm inventory of himself, and notices that a fine white ash covers his skin. He brushes at it unconcernedly as he walks toward the fence, scanning his surroundings. (TERMINATOR)

В данном примере Терминатор, осматривая свой внешний вид, обнаруживает пепел и равнодушно стряхивает его. Поскольку он машина, то некоторые моменты, важные для человека, для него ни играют никакой роли. Видимо поэтому, несмотря на то, что своя рубашка ближе к телу, он не придает ценности некоторым не особо мешающим выполнению задач внешним частям своего тела. В тексте это упоминается (inventory of himself, his skin). Реальные люди делят мир на свое, и все что выходит за рамки этого, то соответственно чужое. Машине не свойственно такое деление, для нее есть только цели и средства к их выполнению. Напрашивается вывод, что сам робот себя воспринимает (если такое понятие вообще употребительно к машине) лишь как средство. Таким образом, Терминатор сам не входит в сферу СВОЕГО для себя.

Следует отметить, что во всех исследованных примерах, когда герой-человек, то, разумеется, он относит части своего тела в круг СВОЙ. Так как они для него имеют ценность только потому, что принадлежат ему. В данном примере, очевидно некое отчуждение себя.

Далее представляется уместным рассмотреть уровень словосочетания.

He [Xander] looks to the mass of PEOPLE on the bridge above him. Total strangers... (XXX)

В данном примере вербализуется концепт ЧУЖОЙ. Вербализация происходит на уровне Предложения-словосочетания. Ксандер смотрит на толпу людей на мосту и те кажутся ему абсолютно посторонними, чужими. В данном примере очень показательна прослеживается субъективность деления СВОЙ-ЧУЖОЙ. Поскольку герой не относит себя к толпе, люди для него чужие, или даже чуждые. Возможно потому, что герой не разделяет взгляды или образ жизни толпы.

Рассмотрим следующий пример,

The fate of the whole world is in the hands of a former nihilist. (XXX)

Судьба всего мира воспринимается каждым здравомыслящим человеком как нечто свое, близкое и важное, так как судьба мира — это и судьба каждого населяющего этот мир тоже. А словосочетание *former nihilist* напротив имеет негативный окрас. То есть этот нигилист попадает в категорию ЧУЖОЙ. И в то же время судьба мира находится в руках вышеназванного нигилиста. Можно наблюдать явление, когда чужой решает участь своего. Причем для самого героя этот мир не совсем свой. В описанном примере происходит реализация обоих концептов СВОЙ (*fate of the whole world*), ЧУЖОЙ (*former nihilist*). Оба концепта вербализуются на уровне словосочетания.

Далее логичным представляется перейти к анализу уровня предложение-высказывание.

TERMINATOR: «*Your clothes. Give them to me.*» (TERMINATOR)

В данном примере Терминатор требует человека отдать ему его одежду. Таким образом, можно наблюдать переход от НЕ-СВОЕГО (*Your clothes*) к СВОЕМУ (*Give them to me*). Очевидно приближение ЧУЖОГО к рамкам *своего* и сближение обоих противоположных концептов, а так же перемещение объекта из одной сферы в противоположную. Реализация происходит на уровне предложения.

Закончить представляется уместным разбором сверхфразового и текстового уровня. Приведем для примера отрывок из газеты «The Independent»

Osborne: The new enemy of the green movement?

The Chancellor is quietly waging a war on the British environment, activists claim

George Osborne is not a climate sceptic, the Energy and Climate Change Secretary, Chris Huhne, was obliged to pronounce yesterday, in the face of growing criticism of the Chancellor's commitment to Britain's environmental agenda and in particular to UK plans to combat global warming.

<...>

"The Chancellor has pointed out, he's told me very, very clearly, he is absolutely committed to dealing with the problem of climate change, precisely because he is convinced by the science," Mr Huhne said. "He is not in the position of somebody like Nigel Lawson [former Chancellor Lord Lawson of Blaby] who is clearly sceptical about the science."

<...>

Встречаются такие ситуации, когда концепт реализуется на нескольких уровнях сразу. На лексическом, фразовом и текстовом. Вышеприведенная статья очень наглядно показывает этот факт. В целом по всей статье красной линией прослеживается реализация концепта ЧУЖОЙ. Полный образ должен сложиться у читателя после прочтения всей статьи. Начало закладывается в названии, упоминанием фразы *enemy of the green movement*.

Что уже вызывает некий чужеродный образ в голове. По актуальной тенденции, защита окружающей среды — это правильно, хорошо, и прогрессивно. Поэтому все кто этим занимается — положительные и современные люди, а значит свои (для автора и предположительно читателей). Прямо противоположное мнение о тех, кто придерживается других принципов соответственно, они обладают всеми негативными качествами, а следовательно, плохие и чужие для автора данной статьи. Автор явно придерживается настроений защитников природы, и такой публикацией призывает читателя встать на его сторону.

Здесь защита природы является своеобразной разделительной чертой или лакмусовой бумажкой, с помощью, которой человека, или группу лиц можно причислить к категории СВОЙ или напротив ЧУЖОЙ.

В статье страна (Великобритания) со своей любовью к природе противопоставляется Джорджу Осборну и его действиям, направленным на материальное обогащение. Таким образом, Осборн поступает не как добропорядочный гражданин своей страны. И этим отчуждается от нее. Без преувеличения можно утверждать, что канцлер явно не-СВОЙ для своей страны. Здесь концепт СВОЙ содержит момент самоотрицания и перехода в противоположный ему концепт ЧУЖОЙ. Оба концепта реализуются на сверхфразовом уровне.

A love of the natural world is deeply rooted in our country...

В этом примере на уровне высказывания реализуется концепт СВОЙ. С этими словами у каждого человека должны возникать положительные ассоциации (животные, деревья, травы и цветы, леса, луга, реки и пр.) и гармония. Любовь к природе хорошо вписывается в когорту СВОЕГО. Потому что каждый человек может почувствовать себя частью природы, и часть природы в себе. А если последнее присутствует в его стране, индивид должен принимать и страну в обиход СВОЕГО.

In contrast, Osborne now seems to be suggesting that wildlife and a healthy environment are bad for business.

В данном примере Джордж Осборн полагает, что природа и здоровая окружающая среда не очень хороши для бизнеса. Если он предполагает, что что-то вредит бизнесу, то значит, он не принимает это. Следовательно, это нечто (в нашем случае природа) для него не СВОЕ. А поскольку затрагиваются интересы человека, нейтральным, что бы то ни было, остаться не может. Само собой напрашивается вывод, что природа для канцлера Британии ЧУЖАЯ.

В данной работе проанализированы концепты СВОЙ/ЧУЖОЙ в различных уровнях английского языка. Нам удалось установить, что исследуемые концепты могут реализовываться как на одном, так и сразу на нескольких языковых ярусах. В одном и том же примере могут вербализовываться как только один, так и сразу оба противоположных концепта, причем реализация может иметь место на разных уровнях языка. Поле концепта СВОЙ часто очерчивается личными и возвратными местоимениями. А неопределенные местоимения нередко обозначают значение ЧУЖОГО. Сочетания вышеуказанных местоимений позволяет проводить грань между своим и чужим.

Список литературы:

1. Бояркина Л.М. Репрезентация концепта «человек / личность» средствами разных языковых уровней в современном английском языке (на материале зоонимов и фитонимов). Автореф. Дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. — Тамбов 2010.
2. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.scribub.com/limba/engleza/books/Terminator65278.php>.
3. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.actorpoint.com/movie-scripts/scripts/xxx.html>.
4. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.independent.co.uk/environment/climate-change/osborne-the-new-enemy-of-the-green-movement-6270912.html>.

2.4. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

МЕТАФОРА И МАНИПУЛЯЦИЯ

Гарипова Алия Равиловна

*аспирант, ассистент кафедры иностранных языков
Башкирского государственного педагогического университета
им. М. Акмуллы,
г. Уфа*

E-mail: agaripova@rambler.ru

METAPHOR AND MANIPULATION

Garipova Aliya

*postgraduate student, teaching assistant of Foreign Languages Department
of The M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa*

АННОТАЦИЯ

В нашей статье представлены результаты исследования по речевой манипуляции и метафоре. В данной работе речевая манипуляция рассматривается как вербальный способ, который в определенной ситуации может оказывать различное воздействие на адресата. Для человека характерно использование слов для воздействия на собеседника — сознательно или интуитивно. В нашей работе мы также представляем метафору как стилистический прием, который может быть типом речевой манипуляции.

ABSTRACT

This paper presents the study of manipulation and metaphor. Here speech manipulation represents a verbal sign that impacts on the addressee in a certain situation. Each individual uses various words for impact on the interlocutor — meaningfully or intuitively. In our study we also present metaphor as a stylistic device which can be a type of speech manipulation.

Ключевые слова: метафора, манипуляция, речь, манипулятивное воздействие, стилистический прием.

Keywords: metaphor, manipulation, speech, manipulative influence, stylistic device.

В современном мире язык является одним из главных методов воздействия и манипулирования обществом. Речевое воздействие на человека, исследуется в разных аспектах современной науки. В связи с усиливающимся прогрессом в области технологии актуальным является интерес общества к такому явлению, как манипуляция.

Манипуляция изучается в контексте общения (диалога) или в ходе ораторского выступления (монолога), где воздействие можно представить в виде агитации. В лингво-психологическом аспекте данный процесс можно представить в виде особого явления, воздействующего на сознание манипулируемого. В этом плане манипуляция очень часто встречается в речи.

Речевое манипулирование как область исследования изучает процессы речевого регулирования деятельности одного человека или группы людей.

Под речевым манипулированием понимают «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [1, с. 99].

Манипуляция — это явление лингво-психологического воздействия, используемого для побуждения манипулируемого к совершению конкретных действий посредством искусного внедрения в его сознание навязанных задач, желаний, требований и установок, не совпадающих с тем, что объект воздействия мог бы сформировать самостоятельно.

В современной лингвистике риторические приемы являются значимой частью стилистики. Они основываются на намеренном нарушении той или иной логической нормы для достижения прагматического эффекта отклонения в речи или ее нейтрального варианта.

Поскольку со стилистическими целями могут использоваться и алогичные конструкции (силлепсис, зевгма и некоторые другие), А.П. Сковородников предложил мотивированные отклонения от языковой и/или речевой нормы терминологически обозначить как «паралингвальные риторические приемы». Термин «стилистические приемы» используется здесь лишь в силу традиции (сложившейся практики его употребления) [5, с. 109].

В современном языке для манипуляции широко используются такие стилистические приемы, как тропы. Метафора представляет собой одну из разновидностей стилистических приемов, которая используется в качестве манипуляции сознанием. Как известно,

под метафорой (от греч. *Metaphora* — перенос) понимается троп, или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле термин метафора применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении и употреблении, иными словами, метафора является источником новых значений и функций слов [2, с. 5].

На нее как тонкий инструмент психологического воздействия, по наблюдениям О.Н. Михалевой, указывал еще Д. Боллинджер, который писал, что предполагая метафоричность мышления, возможно, допустить наличие того, кто будет стремиться помочь думать другим, подсказывая метафору, которая соответствует его взглядам, его постоянным представлениям о мире или временному стремлению к личному преимуществу. «Другими словами, — пишет О.Л. Михалева, — используя определенную метафорическую модель, говорящий способен построить выгодную ему картину мира в сознании слушателя» [3, с. 123].

Метафора является самым ярким примером имплицитного манипулирования массовым сознанием, она неявно воздействует на аудиторию, и за ней скрывается призыв к тем или иным действиям или приказам говорящего.

Нами было отмечено, что оценочная метафора во многих примерах является основным, базовым словом, которое входит в номинацию и окрашивает окружающий контекст. Примеры употребления метафор: *«Казахстан — региональный локомотив экономического развития, успешный игрок мировой экономики; умная экономика, привлекательная экономика»* [4, с. 27].

Быстрое развитие информационных технологий, огромная роль средств массовой информации, большое влияние политики способствуют повышению внимания аудитории к политическому дискурсу, в котором зачастую как способ воздействия используется метафора

Политическая метафора представляет собой одно из самых действенных средств манипуляции сознанием.

Исследование в области метафоры долгое время занимало второстепенную позицию в лингвистике, но в данный момент это одно из ведущих направлений когнитивистике, психолингвистике и культурологии, так как именно метафора является главным средством речевого воздействия в политической деятельности.

Одной из основных функций метафоры является моделирование действительности, так как метафора, являясь тропом, представляет собой новый способ мышления и движения. Необычные черты метафоры и ее когнитивный потенциал содержат в себе возможность использования метафоры в виде важного средства манипулятивного воздействия в речи: *политическое убийство; чума современного мира; партия и ее лидеры впали в анабиоз.*

Еще со времен античности метафора была представлена как одно из основных средств украшения ораторской речи, а теперь это ведущий способ мышления и инструмент воздействия, обладающий сильным манипулятивным эффектом.

Таким образом, метафора представляет собой особый вид восприятия окружающего мира, который формирует не только представление о предмете, но и позволяет воздействовать на большую аудиторию слушателей. В этом и заключается основной аспект широкого применения метафоры.

Список литературы:

1. Веретенкина Л.Ю. Лингвистическое выражение межличностных манипуляций (к постановке проблемы)// Предложение и слово: докл. и сообщ. Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.С. Юрченко / Отв. Ред. О.В. Мякшева. — Саратов, 1999. — С. 99.
2. Гарипов Р.К. Метафоризация и текст. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. — С. 5.
3. Михалева О.Н. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. канд. филол. наук. — Иркутск, 2004.
4. Сиривля М.А. Стилистические приемы манипуляции сознанием в политическом дискурсе // Научный потенциал на свете — 2012. Том 11. Филологични науки. — София: Бял ГРАД-БГ ООД — С. 27.
5. Сковородников А.П. Вопросы экологии русского языка: Учеб. пособ. — Красноярск: КГУ, 1993.

АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЙ РУССКОГО, ПОЛЬСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Олейник Роман Валерьевич

*аспирант, ассистент общеуниверситетской кафедры
иностранных языков Башкирского государственного
педагогического университета им. М. Акмуллы,
г. Уфа*

E-mail: romangoose@rambler.ru

THE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNIVERSALS IN RUSSIAN, POLISH AND ENGLISH LANGUAGES

Oleynik Roman

*post-graduate, assistant of General University Chair of Foreign Languages
at Bashkir State Pedagogical University, Ufa*

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ фразеологических универсалий в русском, польском и английском языках. Представлены различные виды фразеологических универсалий в рамках анализируемых языков.

ABSTRACT

In the article the analysis of the phraseological universals in Russian, Polish and English languages is being made. The various types of the phraseological universals in the analyzed languages are being presented.

Ключевые слова: фразеологизм; фразеологическая универсалия; классификации фразеологизмов.

Keywords: phraseological unit; phraseological universal; classification of phraseological units

У исследователей фразеологического состава изучаемых языков имеется множество мнений о том, что такое фразеологизм, причем наблюдается разница во взглядах на то, каков состав таких единиц в каждом из языков. В рамках исследуемых языков наиболее известны классификации В.В. Виноградова, В. Хлебды, Л.П. Смита и др.

Авторы по-разному определяют отнесенность к фразеологизмам различных групп словосочетаний и степень устойчивости словосочетаний. Так, например, В.В. Виноградов исключает из фразеологического состава пословицы, поговорки, афоризмы и крылатые слова [1], а В. Хлебда к фразеологизмам относит многочисленные сложные термины [12, с. 327—334]. Среди них могут быть адъективные и субстантивные выражения, относящиеся к самым разнообразным тематическим группам. Фразеологический словарь русского языка в состав фразеологизмов языка включает различные описательные и аналитические обороты речи, сложные союзы, сложные предлоги, составные термины [9]. Под фразеологической единицей В.М. Мокиенко понимает «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [3, с. 53]. Фразеологизмам присущи метафоричность, образность, экспрессивно-эмоциональная окраска. В. Телия в книге «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц» под фразеологизмом понимает «микротексты, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные... в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте» [8, с. 8]. Автор имеет широкое понимание фразеологии и рассматривает устойчивые единицы как первоначально свободные словосочетания. Основная сфера фразеологического состава языка у А.И. Смирницкого характеризуется яркой стилистической окраской и эмоциональной насыщенностью. В устойчивых словосочетаниях говорящие осознают значения входящих в них слов и необычность, своеобразие их употребления [7].

Классификация фразеологических единиц также в качестве основных критериев фразеологичности выделяет лексикализацию и идиоматизацию, как, например, в словосочетаниях: рус. *бок о бок*; польск. *wruszuć ramię* (*пожимать плечами*); англ. *from space to space* (*через определенные промежутки*), которые воспринимаются только как фразеологические единства. Далее, к примеру, во фразеологическом обороте польского языка, типа: *piąte koło u wozu* (*пятое колесо в телеге*) невозможна замена одного или двух из конститuentов другим словом, как например: *szóste koło u wozu* (*шестое колесо в телеге*), *szóste koło u samochodu* (*шестое колесо в автомобиле*), так как значение данного фразеологизма «*człowiek zbędny*» (*лишний человек*) не может быть истолковано из значений

«*kolo*» («колесо») или «*woz*» («телега»). Фразеологизмы и с точки зрения синтаксиса представляют собой:

1. непредикативные словосочетания, напр.:
 - рус. *с тяжелым сердцем*; польск. *z ciężkim sercem*;
 - англ. *with a heavy heart* и т. д.
2. устойчивые предикативные конструкции, напр.:
 - рус. *Он потерял голову*; польск. *On stracił głowę*;
 - англ. *He lost his head* и т. д.
3. устойчивые предложения, напр.:
 - рус. *Ума не приложу*; польск. *Nie tam zielonego pojęcia*;
 - англ. *I have no idea* и т. д.

В исследованиях по фразеологии В.В. Виноградов предлагает классификацию фразеологических единиц по степени семантической слитности. Характеризуя особенности семантики фразеологических сращений и фразеологических единств, он проводит аналогию между фразеологическими единицами и словами в отношении мотивированности их значения. Значение фразеологических сращений, по его мнению, независимо от их лексического состава, от значений их компонентов, условно и произвольно, как значение немотивированного слова. Например, в работе «Об основных типах фразеологических единиц» В.В. Виноградов отмечает, что фразеологическое сращение представляет собой семантическую единицу, однородную со словом, лишённую внутренней формы. Автор ограничивает фразеологические единства от фразеологических сращений и отмечает, что в первых «целостное значение мотивировано». Восприятие мотивированности значения фразеологического единства опирается на осознание его лексического состава, а также на связь значения целого и значения составных частей выражения [1, с. 121—137].

В.В. Виноградов выделяет фразеологические сращения (идиомы), фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения по характеру значения, возникающего в результате взаимодействия структуры, сочетаемости и семантического преобразования компонентного состава.

Фразеологические сращения (идиомы) неделимы, их значение полностью не выводимо из значений компонентов, а семантическая самостоятельность утрачена полностью. Например, в рус. *содом и гоморра* — ‘суматоха, шум’; польск. *pójść z torbami* — ‘обанкротиться’ (дословно — «пойти с сумками»); англ. *to show the white feather* — ‘струсить’ (дословно — «показать белое перо») иностранцу невозможно понять, что означают данные обороты, поскольку ни один из компонентов не говорит об их значении.

Фразеологические единства сохраняют признаки семантической раздельности компонентов. Их общее значение, как правило, мотивировано и выводится из значения отдельных компонентов. Фразеологические единства обладают образностью; за каждым словом стоит свое значение, но в купе они приобретают переносный смысл. Отдельные слова в составе фразеологизмов данного типа не имеют семантической самостоятельности, и значение каждого из конститuentов подчиняется единству общего образного значения всей фразеологической единицы. Однако, при дословном переводе иностранец способен понять смысл словосочетания. Примеры: рус. *зайти в тупик*; польск. *gubić się w domysłach* — ‘теряться в догадках’; англ. *to know the way the cat is jumping* — ‘знать, куда ветер дует’ (дословно — «знать, куда прыгнет кошка»).

В состав фразеологического сочетания (коллокации) входят слова как со свободным, так и несвободным значением (употребляемым непосредственно в данном значении). Сочетания семантически делимы, в отличие от фразеологических сращений и единств. В их составе допускаются ограниченное количество синонимических подстановок или замена отдельных слов. При этом сохраняется постоянство одного из членов фразеологического сочетания, другие же — претерпевают изменения. Так, например, в словосочетаниях рус. *брать за горло, глотку, душу*; польск. *powodować ból, tęsknotę, radość* — ‘вызывать боль, тоску, радость’; англ. *to lose courage, temper* — ‘потерять самообладание’ слова *брать, powodować* — ‘вызывать’, *to lose* — ‘потерять’ являются постоянными членами с фразеологически связанным значением.

Фразеологические выражения устойчивы по своему составу. Они не только семантически членимы, но и также полностью состоят из слов, значение которых свободно и номинативно. У данного типа фразеологических единиц есть единственная особенность — воспроизводимость: они могут быть использованы в качестве готовых речевых единиц с постоянным лексическим составом и определенной семантикой.

Нередко фразеологическое выражение имеет структуру законченного предложения, которое носит назидательный, дидактический характер, побуждает к некоторым выводам. Примерами являются пословицы и афоризмы. Если во фразеологическом выражении нет назидания, либо есть определенная недосказанность, то это поговорка или крылатая фраза.

Приведем некоторые универсальные варианты русских, польских и английских пословиц, поговорок, а также примеры афоризмов в трех языках:

Пословицы — рус. Кто рано встает, тому Бог подает [2]; польск. *Kto rano wstaje, temu Pan Bóg daje* — ‘Кто рано встает, тому Бог подает’ [4]; англ. *early bird catches (gets) the worm* — ‘Кто рано встает, тому Бог подает’ (дословно — «ранняя птица ловит (получает) червяка») [2];

Поговорки — рус. *Когда рак на горе свистнет* [2]; польск. *Co kraj, to obyczaj* — ‘Что страна, то обычай’ [4]; англ. *at the ends of the earth* — ‘у черта на куличках’ (дословно — «на краю света») [2];

Афоризмы — рус. «Промедление смерти подобно» (*Петр I*) [5]; польск. *"Aby dojść do wielkości, potrzeba zdobyć się na to, aby stać się niewolnikiem wszystkich"* («Чтобы стать рабом всех») (*Стефан Вышинский*) [13]; англ. *"Those who cannot change their minds cannot change anything"* («Кто не может изменить свои воззрения, не может изменить ничего») (*Бернард Шоу*) [5].

Фразеологические универсалии немецкого и других германских языков рассматриваются в работах Е.М. Солодухо [6].

Д. Добровольский проводил структурно-типологический анализ немецкой, нидерландской и английской фразеологии и выделял три типа фразеологических универсалий:

1. обусловленные внеязыковыми факторами;
2. лексико-фразеологические;
3. собственно фразеологические.

Он показывает, что фразеологическая система имеет некоторые закономерные особенности. По его мнению, существует пропорциональная зависимость между степенью аналитичности и регулярности фразеологической системы. Чем выше уровень регулярности, тем больше число фразеологизмов с одинаковым компонентом и чем больше число семантически «делимых» компонентов и этот уровень тем ниже, чем выше число фразеологизмов с уникальным компонентом.

Именно общность культурных традиций, берущих свое начало в античности и в христианстве влияет на интерлингвистические связи во фразеологии. Проанализировав около 50000 интернациональных фразеологизмов из германских, романских и славянских языков, Е.М. Солодухо составил их типологию, дал описание процессов интеграции и заимствования, диалектику национального и интернационального во фразеологии, а также дал характеристику распреде-

лению интер-фразеологизмов по отдельным понятийным сферам. В его исследованиях интернациональный фразеологический состав представлен соответственно форме и содержанию, в качестве результата генетической языковой общности, культурно-исторических контактов и особенностей развития языка.

Фразеологические сочетания в большинстве своем образуются при помощи метафор, источником которых служат различные области общественной жизни, поэтому развитие сфер человеческой деятельности отражается также и в тематике фразеологизмов. Так, в русском языке со словом *лясы* периода семеновских балясников на Волге, которое раньше имело значение фигурных украшений из дерева, образовалась ФЕ *точить лясы* («вести пустые разговоры») [10]. Из польского языка в русский перешло выражение *ogniem i mieczem* — ‘огнем и мечом’ («решение проблемы с применением крайних мер»), впервые упомянутое римским поэтом Овидием для описания «картины истребления неприятеля и опустошения пожарами его земли», и связанное с периодом войн [11, с. 444]. Английская ФЕ *to have fun* — ‘веселиться’ выражает приятное времяпровождение [2].

Немалую группу семантических фразеологических универсалий в исследуемых языках составляют так называемые фразеологизмы-анимализмы. Данная группа устойчивых выражений свидетельствует об универсальности человеческого мышления, поскольку имеет общие коннотации, возникающие независимо в разных языках. Например, рус. *как рыба в воде*; польск. *jak ryba w wodzie*; англ. *as a fish in water* и т. п.

Наличие универсалий в разных языках обусловлено общечеловеческим характером нашего мышления, общим поступательным развитием человеческой культуры и цивилизации, всеобщностью бытия и познания и, соответственно, их универсальными законами и категориями.

Список литературы:

1. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц. — М.: Просвещение, 1972.
2. Лубенская С.И. Большой русско-английский фразеологический словарь. — 2-е рус. изд. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. — 1056 с. (Фундаментальные словари).
3. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: Уч. пособие для филол. специальностей ун-тов / В.М. Мокиенко. — М.: Высшая школа, 1980. — 207 с.

4. Молотков А.И. Учебный русско-польский фразеологический словарь / А.И. Молотков, В. Цеслиньска. — М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. — 336 с.
5. Собрание афоризмов: афоризмы и мудрые мысли, крылатые фразы, высказывания, выражения, цитаты и изречения [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.aphorisme.ru/by-authors/petr/?q=3982> (дата обращения 13.04.2013).
6. Солодухо Е.М. Типология фразеологизмов романо-германской языковой группы. — М.: Просвещение, 1983.
7. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. — М.: Изд-во литры на иностр. яз., 1956. — 287 с.
8. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М.: Наука, 1986.
9. Фразеологический словарь русского языка. — М., 2001. — 512 с.
10. Фразеологизмы — словарь фразеологизмов [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://frazbook.ru/2009/01/15/tochit-lyasy/> (дата обращения 14.04.2013).
11. Хлебда В. Бытуют ли в русском языке польские крылатые слова? // *Rossica Olomucensia XXXVIII (za rok 1999)*. — Olomouc, 2000.
12. Chlebda W. Frazematyka // *Encyklopedia kultury polskiej XX wieku*. Т. 2. Wrocław, 1993. — 385 s.
13. *Leksykon złotych myśli* [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://pl.wikiquote.org/wiki/Stefan_Wyszyński (дата обращения 13.04.2013).

ОСОБЕННОСТИ ТЕЗАУРУСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Сенницкая Екатерина Юрьевна

ассистент

*Ульяновского государственного педагогического университета,
г. Ульяновск*

E-mail: amante0182@mail.ru

FEATURES OF MODELING FRENCH SOCIOLINGUISTIC TERMINOLOGY

Sennitskaya Ekaterina

assistant of Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются особенности лингвистического моделирования французской социолингвистикой терминологии, в которой выделяется группа лингвистических терминов, связанных между собой семантическими отношениями. Описывается семантическое поле термина «язык» и некоторые другие.

ABSTRACT

In this paper we are interested in features of linguistic modeling terminology French sociolinguistics, in which there is a group of linguistic terms, linked by semantic relations. We examine the semantic field of the term "language" and some others.

Ключевые слова: социолингвистика; лингвистика; вариант; вариативность; метаязык; тезаурус.

Keywords: sociolinguistics; linguistics; variation; variability; meta-language; thesaurus.

Тезаурусный подход в языкознании оформился сравнительно недавно и продолжает развиваться.

Значительный вклад в развитие данного подхода в отечественном языкознании внёс известный российский лингвист, профессор

Р.Г. Пиотровский, который в своих работах руководствовался поиском новых скрытых механизмов развития языка и речи при помощи тезаурусного описания семантики лингвистических единиц [5, с. 43].

Социолингвистика представляет собой отрасль языкознания, изучающую широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия объективных (различных элементов социальных установок, ценностей и т. п.) социальных факторов на язык и той ролью, которую язык играет в жизни общества [6, с. 257].

Данная статья написана на материале французского языка, и следует учесть, что не для всех терминов социолингвистики французского языка существуют эквиваленты на русском языке. В нижеследующих примерах терминов данной статьи приведены авторские переводы на русский язык. Актуальность исследования французской терминологии социолингвистики вызывается необходимостью изучения ее метаязыка. «Метаязык» — одно из главных понятий современной теоретической лингвистики, применяемое для отображения связей между языками разных уровней и для характеристики отношений между анализируемыми языками и описываемыми с их помощью предметными областями. В центре каждого метаязыка находится специфическая терминология, которая отражает основные понятия соответствующих разделов языкознания.

В данной статье рассматриваются способы лингвистического моделирования метаязыка французской социолингвистики с использованием метода компонентного анализа.

Метаязык французской социолингвистики (Sociolinguistique) представляет собой объединение французских лингвистических и социолингвистических терминов, расположенных в семантических субпространствах “Sociolinguistique” («Социолингвистика») и “Linguistique” («Лингвистика»).

Семантическое субпространство “Linguistique” содержит две семантические области “Linguistique interne” («Внутренняя лингвистика») и “Linguistique externe” («Внешняя лингвистика»), каждая из которых состоит из нескольких семантических полей. Семантическая область “Linguistique interne” («Внутренняя лингвистика») включает семантические поля “Linguistique structurale” («Структурная лингвистика») и “Linguistique énonciative” («Функциональная лингвистика»). Семантическая область “Linguistiques externes” («Внешняя лингвистика») включает семантические поля “Etnolinguistique” («Этнолингвистика»), “Dialectologie” («Диалектология»), “Géographie linguistique” («Лингвистическая география»), “Psycholinguistique”

(«Психоллингвистика»), “Neurolinguistique” («Нейролингвистика») Sociolinguistique («Социоллингвистика»).

Семантическое субпространство “Sociolinguistique” («Социоллингвистика») содержит в себе семантические поля “Macro-sociolinguistique” («Макросоциоллингвистика») и “Micro-sociolinguistique” («Микросоциоллингвистика»).

Данные семантические области состоят из некоторых семантических полей. Семантическая область “Macro-sociolinguistique” («Макросоциоллингвистика») включает семантические поля “Choix d’écriture” («Выбор письменности»), “Empunt”, («Заемствование»), “Terminologie” («Терминология»), которые поочередно подчиняются гиперониму “Politique linguistique” («Политическая лингвистика»).

Семантическая область “Micro-sociolinguistique” («Микросоциоллингвистика») включает семантические поля “Style” («Стиль»), “Langue” («Язык»), которые относятся к голониму “Répertoire” («Репертуар»).

Рассмотрим подробнее семантическое поле “Langue” («Язык»), описывающее важнейшее средство человеческого общения, основной объект изучения языкознания. Термин «язык» имеет по крайней мере два связанных значения: — язык вообще как определенный тип знаковых систем;

- конкретный, т. н. «идиоэтнический» язык — некая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве, представляющая собой конкретную реализацию свойств языка вообще. Естественный человеческий язык противопоставляется искусственным языкам и языку животных [6, с. 256].

По признаку родства термину «langue» выделяется группа гипонимов:

- “langues apparentées” («родственные языки») и его синонимы — “langues parantées” (родственные языки) и “langues soeurs” (родственные языки);

- “langue dérivé” («производный язык») который вступает в синонимическое отношение с термином “langue fille” (дочерний язык);

- “langue mère” («праязык») с синонимом “langue originelle” («первобытный язык»).

С учётом социоллингвистического критерия выделяются следующие синонимы к термину “langue”:

- “langage”;
- “parler”;

- “contact”.

А также выделяются следующие гипонимы к термину “langue”:

- “langue vivante” («живой язык») и его синоним “langue morte” (мёртвый язык);
- “langue parlée” («разговорный язык») и его антоним “langue écrite” («письменный язык»);
- “langue unitaire” («единый язык»);
- “langue maternelle” («родной язык»);
- “langue officielle” («государственный язык»);
- “langue seconde” («второй язык») [4].

С учётом сферы практического использования выделяется термин “langue française” и его вариант “le français” с содержанием следующих гипонимов:

- “français africain” («африканский французский язык»);
- “français de Côte d'Ivoire” («французский язык Кот-д'Ивуар»);
- “français algérien” («алжирский французский язык»);
- “français cadien” («канадский французский язык»);
- “français guadeloupéen” («гваделупский французский язык»);
- “le français du Cambodge” («камбоджийский французский язык»);
- “le français de l'Inde” («индийский французский язык»);
- “le français du Viêt Nam” («вьетнамский французский язык»);
- “le français de Madagascar” («мадагаскарский французский язык») и другие [3].

Одним из компонентов термина “Langue” является термин “Variabilité” («Вариативность»), в котором отражаются семантические отношения терминов, называющих различные формы существования языка и его разновидностей. Данное семантическое поле содержит конкурирующие средства выражения на всех уровнях (фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, стилистическом) под воздействием внутренних закономерностей развития языка или внешних причин. Социолингвистика исследует вариативность языка, обусловленную не внутриязыковыми процессами, а вызываемую действием разнородных внешних по отношению к языку факторов [3, с. 38]. Главное терминологическое словосочетание “variabilité” образует «ядро» семантического поля, которое связано отношением целое-часть с терминами “Variation” («Вариант») и состоит в гиперо-гипонимических отношениях с терминами “variation linguistique” («лингвистический вариант»), “variation lexicale”

(«лексический вариант»), “variation phonique” («звуковой вариант»), “variation grammaticale” («грамматический вариант»), “variation géographique”, («географический вариант»), “variation regionale” («региональный вариант»), “variation local” («локальный вариант»), “variation spatial” («пространственный вариант») “variation sociale” («социальный вариант»), “variation situationnelle” («ситуативный вариант»), “variation stylistique” («стилистический вариант»), “variation fonctionnelle” («функциональный вариант»).

Компонентами термина “Variation” («Вариант») в свою очередь являются:

- “Variation selon les usagers” («Вариант в соответствии с пользователями»), компонентами которого являются термины “diaphasie” («стилистический вариант»), “diastratie” («социальный вариант»), “diatopie” («территориальный вариант»);

- “Variation selon l’usage” («Вариант согласно обычаю»), компонентами которого являются термины “registre soutenu”, “registre standart” («стандартный регистр»), “registre familier” (фамильярный регистр»), “registre vulgaire” («вульгарный регистр»).

В то же время компонентами термина «Variation lexicale» («Языковой вариант») являются термины “jargon” («жаргон»), “argot” («арго»), “verlan” («верлан»).

В свою очередь термин “variation” («вариант») детализируется в виде семантической сети, в которую входят коррелянты, отражающие отдельные типы варианта, образующие антонимическую пару: “inter-locuteur” / “intra-locuteur”.

Приведённые выше термины отражают основные типы вариативности. В то же время каждый из этих терминов выступает в качестве родового по отношению к своим гипонимам, в зависимости от причин, обуславливающих появление варианта (“Variation”). «Вариант» — это форма существования языка, представляющая собой модификацию инварианта, в качестве которого выступает система и структура языка или норма языка [6, с. 37].

Отношение «синонимии» очень тесно соприкасается с отношением «эквивалентности», или «тождества», которое выражает равенство в некотором плане сопоставляемых элементов [1, с. 70]. Термин “variété” вступает в отношение «эквивалентности» терминологической единицы “variation”.

Термину “variété” подчиняются гипонимы “variété régionale”, “variété sociale”, “variété individuelle”, синоним “dialecte” («диалект»), а также гипонимы, которые образуют антонимическую пару variété standart/ variété non standart.

Отношение «синонимии» лингвистических терминов устанавливаются в данной работе на основании анализа содержания научных текстов во французской лингвистике и социолингвистике. Известно, что синонимия представляет собой тип семантических отношений языковых единиц, заключающихся в полном или частичном совпадении их значений [2, с. 563]. На основании этого были выявлены, следующие синонимические отношения:

- “variété régionale” — “régiolecte” («региональный вариант» — «региолект»);
- “variété sociale” — “sociolecte” («социальный вариант» — «социолект»);
- “variété individuelle” — “idiolecte” («индивидуальный вариант» — «идиолект»).

Итак, моделирование французского социолингвистического тезауруса осуществляется на базе компонентного анализа, под которым подразумевается прием, основанный на том, что единицами анализа являются части (элементы) языковой единицы (номинативно-коммуникативной или структурной) [7, с. 205]. На основе этого осуществляется анализ французских лингвистических и социолингвистических терминов по словарным источникам и научным текстам по лингвистике и социолингвистике французского языка. Французско-русский социолингвистический тезаурус представляет метаязык французской социолингвистики, который позволяет осуществить эффективный поиск французских терминов и их русских эквивалентов в составе тезауруса.

Список литературы:

1. Горбунов Ю.И. Французская грамматическая терминология: Опыт тезаурусного исследования: монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. — 187 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь: Под ред. В.Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
3. Обзор дефиниций французских социолингвистических терминов в сети интернет // информационный портал [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://fr.wikipedia.org/wiki/Français> (дата обращения 02.06.2013 г.).
4. Обзор французских социолингвистических терминов в сети интернет // ptidico.com: электронный словарь [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ptidico.com/synonymes/variabilit%E9.htm> (дата обращения 02.06.2013 г.).
5. Пиотровский Р.Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении): учебное пособие. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. — 256 с.

6. Словарь социолингвистических терминов: Ответственный редактор: доктор филологических наук В.Ю. Михальченко. — М., 2006. — 312 с.
7. Словарь лингвистических терминов: Т.В. Жеребило. — Пилигрим, 2010. — 310 с.
8. Gadet F. Grand livre de la Langue Française: La variation. Ed. Seuil, Paris, 2003. 200 p.
9. Gadet F. La variation sociale en français. Ed. Ophrys, Paris, 2007. 183 p.
10. Calvet L.J.:La sociolinguistique. Ed. Puf, Paris, 2011.

2.5. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

АРТ-ТЕКСТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КАТЕГОРИИ СВЯЗНОСТИ В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

Кротенко Лидия Борисовна

*аспирант кафедры сравнительного языкознания и перевода
Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова,
г. Киев*

E-mail: lida05@voliacable.com

ART TEXT IN THE LIGHT OF COHERENCE CATEGORY IN POSTMODERNISM

Krotenko Lydia

*graduate student of comparative linguistics and translation department of
Dragomanov National Pedagogical University, Kiev*

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является описание сути постмодернистского Текста с позиции Читателя с точки зрения категории связности. В статье описываются возможные подходы к интерпретации новых форм в таком тексте, называются причины формирования новой текстовой формы, которая получила название постмодернистской.

ABSTRACT

Purpose of the article is to describe the essence of postmodernist texts from the reader's perspective in terms of the coherence category. New forms of interpretation in this kind of texts are described, the reasons for the formation of new forms of the so called postmodern texts are singled out.

Ключевые слова: текст, Постмодернизм, категория связности.
Keywords: text, Postmodernism, coherence category.

Современный текст сочетает в себе черты коммуникативные, антропоцентрические, фактор возникновения новых денотативных и коннотативных пространств на основе культурно-мыслительной деятельности человека, создавая в свою очередь определенную языковую картину мира — дискурс. Текст — это языковая многоуровневая единица с креатологической функцией, сложная система, которой присуще определенное количество категорий, одной из которых является категория связности. Арт-текст [5] (или литературный, художественный текст) является настоящей сокровищницей лингвистических формаций для исследователя.

Цель статьи — описание сути постмодернистского Текста с позиции Читателя в плане категории связности. Предметом изучения в данном исследовании является степень связности постмодернистского текста, объектом — сам художественный текст постмодернистского направления, стилистические особенности его построения.

Современный художественный текст полностью отражает окружающую действительность и имеет свою знаковую систему. Изменения в обществе происходят благодаря следующим факторам — появление новых технологических форм, возможностей, исчезновение привычных моральных устоев не может не повлиять на человечество. Глобализованное общество, в котором теперь не проблема найти любую информацию в любой точке земного шара, испытывает кризис и обесценивание моральных норм, страх от того, что было создано этим обществом. Ощущение времени меняется — чем больше информативности, тем легче попасть в своеобразную зависимость от этого информационного потока и забыть о себе самом, о настоящих человеческих потребностях. Новое восприятие мира, отказ от правил и структур, что продиктовано иными возможностями и обязанностями, порождают новое течение в искусстве, науке, и, конечно, в лингвистике — Постмодернизм.

Постмодернизм — целостный феномен современного искусства или направление в современной литературной критике, который синтезирует теории постструктурализма и практику деконструктивизма [7, с. 356—359]. К. Харт определяет постмодерн как таковой, что появился на свет, когда мы перестали верить в модерн, когда порядок и здравый смысл, нравственное совершенство и образованность перестали быть общими для всех нас высшими ценностями [7, с. 356—359]. Постмодернизм отличается разнообразием элементов, цитатностью, погруженностью в культуру. Он отражает сложность, хаотичность, децентрированность

современного мира, эпоху мировых войн, научно-техническую революцию и информационный «взрыв» [2]. Постмодернизм — шаг к радикальной эстетической автономии [8, с. 3—10].

Если в прежние эпохи эстетика была твердой упаковкой искусства, его теоретической защитой, то теперь эта упаковка стала мягкой, пористой, размякла, деформировалась, порвалась, не выдержав напора всего того, что претендовало (...) на статус искусства [4].

В тексте-дискурсе Постмодернизма появляются новые, глубокие, знаковые уровни, которые нужно правильно интерпретировать.

Как отмечает З.Я. Тураева, большое количество интерпретаций художественного текста зависит не от воли автора, а от модели мира, которая существует в сознании читателя [6]. Такая модель мира существует в сознании читателя лишь благодаря тому, что она существует в обществе, в которое интегрирован читатель.

Лучшую характеристику текста Постмодернизма с позиции читателя дает Ролан Барт — «удовольствие от текста могло бы сказать о себе: ни за что не извиняться и ничто не объяснять» [1]. Текст уже сам по себе отделяется от читателя, заявляя о своей собственной индивидуальности и независимости. Ролан Барт утверждает: «текст-удовольствие — это счастливый Вавилон. В любом случае всегда останется место для неопределенности: разграничение этих понятий не приведет к твердым классификациям, парадигма сохранит подвижность, содержание — шаткость, неокончателность, возвратность; дискурс останется незавершенным» [1].

Текст Постмодернизма манифестирует о своей инаковости, подчеркивая главный закон постмодерна: нет порядка, нет законов. Если пользоваться характеристикой Ролана Барта, то особенностью настоящего постмодернистского мироощущения в тексте есть чувство растерянности, дискомфорта. Он (текст) расшатывает исторические, культурные, психологические устои читателя, его привычные вкусы, ценности, воспоминания. Такой текст вызывает кризис в его отношениях с языком. Объектом агрессии, разрушения становится буквально все — идеологические установки, интеллектуальная круговая порука, разобщенность языков, синтаксический каркас; фраза перестает быть моделью текста, сам же текст часто превращается в мощный языковой фонтан [1].

Постмодернистский текст означает поликультурность, нтертекстуальность, деконструкцию. Но главным является желание человека заявить о себе, показать свой мир таким, какой он есть — хаотичным, в вечном поиске особенного, а, главное, настоящего, а также дезориентированным, странным.

Как отмечает И.П. Ильин, существует код постмодернизма, который в одном ряду с другими кодами (лингвистическим, общелитературным, жанровым и др.) регулирует производство текста. Постмодернистский код может быть описан как система выбора тех или иных семантических и синтаксических средств (как система предпочтений), частично более ограниченного по сравнению с выбором, предлагаемым другими кодами, и такого, что частично игнорирует их правила [3]. Игнорирование правил связано с принципом нонселекции (основным принципом организации постмодернистского текста), который лучше всего описан голландским исследователем Д. Фоккемой. Утверждая, что один из главных признаков постмодернистского восприятия заключается в отрицании любой возможности существования «естественной или социальной иерархии», ученый выводит из этого так называемый «принцип нон-иерархии», что лежит в основе структурирования и формообразования всех постмодернистских текстов. Этот принцип нон-иерархии в свою очередь сказывается на переосмыслении самого процесса литературной коммуникативной ситуации. Для отправителя постмодернистского текста (т. е. его автора-писателя) данный принцип означает отказ от преднамеренного отбора (селекции) лингвистических (или иных) элементов во время «производства текста». Для читателя, если он готов его прочесть (расшифровать) «постмодернистским способом», этот же принцип предполагает отказ от любых попыток построить в своем представлении «связную интерпретацию» текста [3].

Одними из приемов создания текста (вместе с дублированием, умножением и перечислением), Д. Фоккема считает прерывистость и избыточность. Тесно друг с другом связанные, все они в равной степени направлены на нарушение традиционной связности (когерентности) повествования. Прием избыточности предлагает читателю или наличие слишком большого количества коннекторов, которые должны привлечь его внимание к чрезмерной связности текста, или назойливую описательность, что перегружает реципиента ненужной информацией. В обоих случаях это создает эффект информационного шума, затрудняет целостное восприятие текста. Фактически, правило нонселекции отражает различные способы создания эффекта преднамеренного повествовательного хаоса, фрагментированного дискурса относительно восприятия мира как разорванного, отчужденного, лишённого смысла, закономерности и упорядоченности. Позицию, близкую взглядам Д. Фоккемы, занимает и английский исследователь Д. Лодж, поскольку его прием сквозной контрастности или противоречивости постмодернистского

текста, служит тем же целям, что и правило нонселекции. Постмодернистское письмо ищет альтернативный принцип композиции, и Д. Лодж выявляет шесть «альтернатив»: противоречивость, пермутация, прерывистость, случайность, эксцесс и короткое замыкание. Противоречивость выступает у Д. Лоджа в качестве основного признака, поскольку все остальные приведенные им «технические приемы» являются скорее дополнением и развитием этого главного постулата, чем качественно другими явлениями. Конечный результат проявляется в сквозной контрастности, передает типичное постмодернистское ощущение принципиальной несовместимости противоположностей (социального, нравственного, эстетического и т. д. плана) и необходимости с этим как-то жить, принимать эту противоречивость как реальность действительности [3]. Принцип нонселекции выступает как последовательное смешение явлений и проблем разного уровня, уравнивание в своей значимости совсем незначительного и проблемного, перетасовка причин и следствий, посылка и заключения [3]. Такой подход означает отступление от классического построения дискурса, системы коннотативных и денотативных значений на уровнях текста, который уже не подчиняется функции классического восприятия.

В рамках комплекса идей интерпретация не связывается с реконструкцией исходного значения текста, которое задается авторским замыслом или объективными структурными параметрами. Фактически интерпретация приравнивается к «деконструкции» текста и предполагает выявление скрытых смыслов, не обязательно осознаваемых автором. Текст описывается не как неизменная данность, а как поле равноценных значений. Потенциал «открытий» читателя в тексте не ограничивается [7].

Итак, течение Постмодернизма порождает новый, необычный Текст, в котором связи устанавливаются на основе других, нетрадиционных принципов: деконструкции классической структуры, кодирования, нонселекции/ нониерархии (отказ от традиционного отбора лингвистических составляющих во время «производства» текста), чрезмерно чувственного восприятия интеграции человека в современные сферы жизни, прерывистости изложения мыслей и, в противовес чрезмерной чуткости, наоборот — иногда тотального игнорирования моральных границ и запретов, а также принципа контрастности информации в тексте, базовый элемент которого — человеческая сущность и естество.

Список литературы:

1. Барт Р. Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://e-dejavu.ru/p/Plaisir_du_texte.html (дата обращения 17.12.2012).
2. Зыбайлов Л.К. Постмодернизм : учеб. пособие. М.: Прометей, 1993. — 103 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.philsci.univ.kiev.ua/biblio (дата обращения 17.12.2012).
3. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М.: INTRADA, 2001. — 383 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/ilyin-book.htm> (дата обращения 17.12.2012).
4. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. — 347 с.
5. Русакова О.Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. — 177 с. — С. 10—20.
6. Тураева З.Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика): учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» М.: Просвещение, 1986. — 127 с.
7. Щирова И.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учеб. пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. — 472 с.
8. Bertens H. The idea of the postmodern: a history. New York: Routledge, 1995. — 265 p.

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
ЯКУТСКОГО И УЙГУРСКОГО ЯЗЫКОВ
(В СРАВНИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ
С ДРЕВНЕТЮРКСКИМ ЯЗЫКОМ)**

Мальшева Нинель Васильевна

*аспирант Северо-Восточного федерального университета,
г. Якутск*

E-mail: ninel_malysheva@mail.ru

**LEXICO-SEMANTIC PARALLELS
OF THE YAKUT AND UIGUR LANGUAGES
(IN THE COMPARATIVE PLAN
WITH DREVNETYURKSKY LANGUAGE)**

Ninel Malysheva

postgraduate student of the North-Eastern federal University, Yakutsk

АННОТАЦИЯ

Целью данной работы является выявление фонологических и лексико-семантических особенностей наименований природных явлений и объектов ландшафта в якутском и уйгурском языках в сравнительном плане с древнетюркским. В исследовании использовались сравнительно-сопоставительный, количественный и структурный методы, которые позволили установить этапы и характер заимствований, взаимоотношение лексико-семантических и фонологических особенностей, критерии устойчивости и изменчивости структурных видов и лексических значений слов.

ABSTRACT

The aim of this work is detection of phonologic and lexico-semantic features of numerals in the Yakut and Uigur languages. In research comparative, quantitative and structural methods which allowed to establish stages and nature of loans, relationship of lexico-semantic and phonologic features, criteria of stability and variability of structural types and lexical meanings of words were used. (Background. Methods. Result. Conclusion)

Ключевые слова: якутский язык, уйгурский язык, якутско-уйгурские параллели, древнетюркский язык, односложные основы, двусложные основы, трехсложные основы, структурный тип.

Keywords: yakut language, uigur language, drevnetyurksky language, yakut-uigur parallels, mono-syllabic stems, disyllabic stems, trisyllabic stems, structural type.

Взаимосвязь якутского и уйгурского языков является одним из неизученных и актуальных объектов исследования в тюркологии. Происхождение и историческое развитие якутского языка имеет совершенно иной путь, чем большинство тюркских языков [1], поэтому в тюркологической науке много спорных моментов по вопросу происхождения якутского языка [2]. И сравнительное исследование особенностей фоносемантических изменений рефлексов вышесказанных двух языков является одним из ключевых вопросов исторической фонетики и лексики тюркских языков.

Целью данной работы является выявление фонологических и лексико-семантических особенностей наименований природных явлений и объектов ландшафта якутско-уйгурских параллелей в сравнительном плане с древнетюркским языком.

В этой лексико-семантической группе обнаружено 26 якутско-уйгурских параллелей, имеющих сходство лексических значений в древнетюркском языке. Из них односложными являются 18 (69,2 %), двусложными 8 (30,76 %) основ. Односложные основы представлены структурными типами СГ, ГС, СГС, двусложные — СГСГ, СГССГ, СГСГС, ГСГ, СГССГС. Из рассмотренных семи структур наибольшее число параллелей выявляется в структурном типе СГС. По количеству входящих в эти структуры лексических единиц они образуют следующую убывающую последовательность: СГС — 14 (42,8 %), ГС, СГСГ — по 3 (%), СГСГС — 2 (%), СГ, СГССГ, ГСГ, СГССГС — по 1 (%).

Односложные основы

СГ: 1) уйг. **su** 'вода' [УРС, 139] // як. **уу** 'вода' [Пек., 2965]: ср. др.т. **sub, suğ, suv** 'вода' [ДТС, 512, 513, 515].

ГС: 1) уйг. **aj** 'луна, месяц' [УРС, 8] // як. **ый** 'луна, месяц' [Пек., 3760]: ср. др.т. **aj** 'луна, месяц' [EDAL, 303]; **2)** уйг. **ot** 'огонь, пламя' [УРС, 1939, с.106] // як. **юот** 'огонь, пламя' [Пек., 3051]: ср. др.т. **ōt** 'огонь' [ДТС, 373]; **3)** уйг. **ot** 'трава, сено' [УРС, 106] // як. **от** 'трава, сено' [Пек., 1891]: ср. др.т. **ot** 'трава, сено' [ДТС, 373].

СГС: 1) уйг. **qa(r)** 'снег' [УРС, 119] // як. **хаар** 'снег' [Пек., 3329]: ср. др.т. **kar** 'снег' [ДТС, 422]; **2)** уйг. **muz** 'лёд' [УРС, 100] // як. **муус, буус** 'лед, град' [Пек., 1640]: ср. др.т. **muz** 'лёд' [ДТС 352]; **3)** уйг. **taŋ**

‘заря, рассвет’ [УРС, 146] // **як. тын** ‘денница, утренняя заря’ [Пек., 2951]; ср. др.т. **тап** ‘рассвет, заря’ [ДТС 532]; **4)** уйг. **кун** ‘солнце, день’ [УРС, 89] // **як. күн** ‘солнце; день, сутки; время; жизнь’ [Пек., 1295]; ср. др.т. **күн** ‘солнце; день’ [ДТС, 326]; **5)** уйг. **жил** ‘год’ [УРС, 76] // **як. сыл** ‘год’ [Пек., 2439]; ср. др.т. **жил** ‘год’ [ДТС 266]; **6)** уйг. **тын** ‘ночь’ [УРС, 1939, с.159] // **як. түн** ‘ночь, ночью’ [Пек., 2893]; ср. др.т. **түн** ‘ночь’ [ДТС 597]; **7)** уйг. **кыз** ‘осень’ [УРС, 662] // **як. күһүн** ‘осень, осенью’ [Пек., 1344]; ср.др.т. **күз** ‘осень’ [ДТС 331]; **8)** уйг. **киш** ‘зима’ [УРС, 628] // **як. кыс** ‘зима’ [Пек., 1428], **кыһын** ‘зимою; зима’ [Пек. 1438]; ср. др.т. **қиш** ‘зима’ [ДТС, 448]; **9)** уйг. **жә(р)** ‘земля, место, местность’ [УРС, 1939, с. 75] // **як. сир** ‘1) земля, земной шар; 2) земля, страна, округ; владение, поместье; селение; 3) земля, почва, грунт; 4) земля, пол, земляной пол; 5) пахотная земля, поле; 6) земля, место, местность, сторона; 7) место, точка, пункт; 8) расстояние’ [Пек. 2237-2238]; ср. др.т. **жер** ‘земля, место, земля, страна’ [ДТС 257]; **10)** уйг. **таш** ‘камень’ [УРС, 147] // **як. таас** ‘1) камень; дикий камень, жернов; грузила, таши (у невода); стекло; 2) вообще всякая (каменная) гора, камень, утес, скала; твердыня’ [Пек., 2590-2591]; ср. др.т. **таш** ‘камень’ [ДТС, 539]; **11)** уйг. **күл** ‘зола, пепел’ [УРС, 89] // **як. күл** ‘зола, пепел’ [Пек., 1284]; ср. др.т. **күл** ‘зола’ [ДТС, 325]; **12)** уйг. **көл** ‘озеро’ [УРС, 87] // **як. күөл** ‘озеро’ [Пек., 1314]; ср. др.т. **көл** ‘озеро, водоем’ [ДТС, 313]; **13)** уйг. **жол** ‘путь, дорога’ [УРС, 1939, с.77] // **як. суол** ‘1. дорога, путь, улица; 2. дело, занятие, обязанность; 3. вещь, предмет, случай’ [Пек., 2342]; ср. др.т. **жол** ‘дорога, нахождение в пути, путь, способ путешествия’ [ДТС, 270]; **14)** уйг. **тоң** ‘мерзлая земля’ [УРС, 1939, с.155] // **як. тоң** ‘1. мёрзлый, замерший, замороженный; 2. холодный’ [Пек., 2728]; ср. др.т. **тоң** ‘1. мерзлый, замороженный; 2. холод’ [ДТС, 575].

Двухсложные основы

СГСГ: 1) уйг. **кечә** ‘вечер, ночь’ [УРС, 666] // **як. киэһэ** ‘вечер, вечером, к вечеру’ [Пек. 1077]; ср. др.т. **кейә** ‘ночь, поздний вечер’ [ДТС 291]; **2)** уйг. **төнә** ‘1. холм, бугор; 2. вершина, верхушка, верх, пик, маковка; 3. макушка’ [УРС, 310] // **як. төбә** ‘1) вершина, верхушка, головка, верх, темя, макушка; кончик; 2) голова’ [Пек. 2758-2759]; ср. др.т. ср. **төрү** ‘1. темя, макушка, голова; 2. вершина’ [ДТС, 580]; **3)** уйг. **қиро** ‘иней, изморозь’ [УРС, 624] // **як. //як. кырыа** ‘кружевина, куржак, иней, изморозь, влажность, замерзшая на стенах, деревьях и проч. в сырые холодные дни’ [Пек., 1421]; ср.др.т. **қирағу** ‘иней, изморозь’ [ДТС 445].

СГССГ: 1) уйг. **тәңри** ‘бог, небо’ [УРС, 151] // **як. таңара** ‘1. видимое небо, небо как божество; 2. общее название добрых

существ, добрых дух, бог, богиня; 3. бог, божество; 4. святой, священный' [Пек., 2551]: ср. др.т. **teŋri** '1.небо; 2. Бог, божество' [ДТС, 544]; 2) уйг. **тамчэ** 'капля, капелька, капли' [УРС, 284] // як. **таммах** 'капля, капание, течь каплями, крапина' [Пек., 2546]: ср. др.т. **тамӓз** 'капать, закапывать' [ДТС, 530].

СГСГС: 1) уйг. **bulut** 'туча, облако' [УРС, 25] // як. **былыт** 'облако, туча, морок [Пек., 614]: ср.др.т. **bulut** 'облако, туча' [ДТС, 124]'.

ГСГ: 1) уйг. **ара** 'промежуток, расстояние, пространство, дистанция интервал' [УРС, 26] // як. **аара** 'путь, дорога (между двумя пунктами); находящийся на пути, по сподутности' [Пек., 126—127], **арыт** 'промежуток, расстояние между предметами, время от события до события; цель, пробел, пропуск' [Пек., 160]: ср.др.т. **ара** 'промежуток, середина' [ДТС 50].

СГССГС: 1) уйг. **күндүз** 'днем' // / як. **күнүс** 'день, днем' [Пек., 1303]: ср. др.т. **küntüz** 'день, днем' [ДТС, 328].

Структурная и семантическая характеристика

В данной лексико-грамматической группе распределение якутских лексем таково: ОС: СГ — 1, ГС — 3, СГС — 14; ДС: ГСГ — 1, СГСГ — 3, СГССГ — 1, СГСГС — 2, СГССГС — 1.

Из 26 [ОС-18, ДС-8] уйгурско-якутских параллелей совпадение структурного оформления лексемы фиксируется в 21 (80,76 %) случае, в том числе в ОС — 16 (76,19 %), в ДС — 5 (23,8 %). Сходство структуры древнетюркских основ в якутском и турецком языках представляется следующим образом: в якутском из 26 [ОС-18, ДС-8] в 20 [ОС-16, ДС-4] (76,92 %), в уйгурском из 26 [ОС-18, ДС-8] в 23 [ОС-17, ДС-6] (88,46 %).

В отношении якутского языка к уйгурскому:

В якутском языке изменения на структурно-фонетическом уровне выявляются в следующих якутских лексемах: **ОС: СГ:** уйг. **su** — як. **уу**; **СГС:** уйг. **kuz** — як. **күһүн**; **ДС: СГССГ:** уйг. **təŋri** — як. **таңара**; уйг. **тамчэ** — як. **таммах**; **СГССГС:** уйг. **күндүз** — як. **күнүс**.

Изменения фонетической структуры якутских основ произошли: а) при выпадении в анлауте [с]: як. **уу**, при выпадении [д] в инлауте: як. **күнүс**; б) при появлении специфических формантов: як. **күһүн**, **таммах**; при появлении в инлауте вставочного [а]: як. **таңара**.

В отношении якутского языка к древнетюркскому:

В якутском языке изменения структурных типов параллелей выявляются в следующих основах: **ОС: СГ:** др.т. **sub** — як. **уу**, **СГС:** уйг. **kuz** — як. **күһүн**; **ДС: СГССГС:** др.т. **küntüz** — як. **күнүс**,

СГСГ: др.т. **kīraǵu** — як.кыры; **СГССГ:** др.т. **tamīz** — як. таммах, **СГССГ:** др.т. **teŋri** — як. таңара.

Изменения фонетической структуры якутских основ произошли: а) при выпадении в анлауте [с] и [б] в ауслауте: як. **уу**; при выпадении в инлауте [ʃ] и образовании дифтонга: як. **кыры**; б) при появлении специфических формантов: як. **күнүс**; **таммах**; при появлении в инлауте вставочного [а]: як. **таңара**. в) при выпадении [т] в инлауте: як. **күнүс**.

В данной ЛСГ наблюдается следующие фонетические вариации:

Соответствие начальных гласных: [a~i]: уйг., др.т. **aj**~як. **ij**; уйг., др.т. **taŋ**~як. **tñ**; [o~uo]: уйг., др.т. **ot**~як. **uot**; уйг., др.т. **jol**~як. **suol**; [ü~u]: др.т. **küz**, як. **kühün**~уйг. **kuz**; др.т., як. **kül**~уйг. **kul**; [i~i]: др.т. **qis**, як. **kis**~уйг. **kiş**; як. **kırıa**, др.т. **qıraǵu**~уйг. **kiro**; [i~u]: як. **bilıt**~др.т., уйг. **bulut**; [a~aa]: уйг. **taş**, др.т. **taş**~як. **taas**; уйг., др.т. **ara**~як. **aara**; [ö~üö]: уйг., др.т. **köl**~як. **küöl**; [e~iä]: уйг. **keçä**, др.т. **keçä**~як. **кичэ**.

Соответствие конечных гласных: [i~a]: уйг, др.т. **təŋri**~як. **taŋara**; [i~u]: як. **bilıt**~др.т., уйг. **bulut**.

Образование дифтонга и заднерядного [o] при выпадении [ʃ]: др.т. **kīraǵu**~як. **kırıa**, уйг. **kiro**.

Соответствие согласных в анлауте: [j~s]: уйг., др.т. **jil**~як. **sil**; др.т., уйг. **jol**~як. **suol**; [k~q]: як. **kis**, уйг. **kiş**~др.т. **qis**; [k~q]: уйг. **kiro**, як. **kırıa**~др.т. **qıraǵu**.

Соответствие согласных в инлауте: [m~mm]: уйг. **tamçä**, др.т. **tamīz**~як. **tammax**.

Соответствие согласных в ауслауте: [z~s]: уйг., др.т. **muz**~як. **muus**; уйг. **kündüz**, др.т. **küntüz**~як. **künüs**; [ʃ~s]: уйг. **kiş**, др.т. **qis**~як. **kis**; уйг., др.т. **taş**~як. **taas**.

В якутском и уйгурском языках устойчивость лексических значений (УЛЗ) выявляется в следующих формах:

В якутском и уйгурском языках устойчивость лексических значений (УЛЗ) представляется следующим образом:

Основы с УЛЗ– 11 (42,3%): **ОС:** СГ: уйг. **su** ‘вода’ // як. **уу** ‘вода’, **ГС:** уйг. **aj** ‘луна, месяц’ // як. **ый** ‘луна, месяц’; уйг. **ot** ‘огонь, пламя’ // як. **уот** ‘огонь, пламя’; уйг. **ot** ‘трава, сено’ // як. **от** ‘трава, сено’, **СГС:** уйг. **qa(r)** ‘снег’//як. **хаар** ‘снег’; уйг. **muz** ‘лёд’// як. **муус**, **буус** ‘лед, град’; уйг. **jil** ‘год’// як. **сыл** ‘год’; уйг. **kył** ‘зола, пепел’ // як. **күл** ‘зола, пепел’; уйг. **köl** ‘озеро’ // як. **күөл** ‘озеро’; **ДС:** **СГССГ:** уйг. **təŋri** ‘бог, небо’// як. **таңара** ‘1. видимое небо, небо как божество; 2. общее название добрых существ, добрых дух, бог, богиня; 3. бог,

божество; 4. святой, священный»; СГСГС: 1) уйг. **bulut** 'туча, облако' // як. **былыт** 'облако, туча, морок'.

В якутском языке характерные семантические изменения выявляются в следующих формах:

Основы с НЛИ — 13 (50 %): ОС: СГС: уйг. **kiş** 'зима' // як. **кыс** 'зима'; **кыһын** 'зимою; зима'; **jol** 'путь, дорога' // як. **суол** '1. дорога, путь, улица; 2. дело, занятие, обязанность; 3. вещь, предмет, случай'; уйг. **taş** 'камень' // як. 'таас' 1) камень; дикий камень, жернов; грузила, таши (у невода); стекло; 2) вообще всякая (каменная) гора, камень, утес, скала; твердыня'; уйг. **jə(r)** 'земля, место, местность' // як. 'сир' 1) земля, земной шар; 2) земля, страна, округ; владение, поместье; селение; 3) земля, почва, грунт; 4) земля, пол, земляной пол; 5) пахотная земля, поле; 6) земля, место, местность, сторона; 7) место, точка, пункт; 8) расстояние'; уйг. **түн** 'ночь' // як. **түүн** 'ночь, ночью'; уйг. **куз** 'осень' // як. **күһүн** 'осень, осенью'; уйг. **күн** 'солнце, день' // як. **күн** 'солнце; день, сутки; время; жизнь'; уйг. **таң** 'заря, рассвет' // як. **тың** 'деница, утренняя заря'; ДС: СГСГ: 1) уйг. **кечэ** 'вечер, ночь' // як. **киэхэ** 'вечер, вечером, к вечеру'; уйг. **төнө** '1. холм, бугор; 2. вершина, верхушка, верх, пик, маковка; 3. макушка' // як. **төбө** '1) вершина, верхушка, головка, верх, темя, макушка; кончик; 2) голова'; уйг. **киро** 'иней, изморозь' // як. **кырыа** 'кружевина, куржак, иней, изморозь, влажность, замерзшая на стенах, деревьях и проч. в сырые холодные дни'; СГССГС: уйг. **күндүз** 'днем' // як. **күнүс** 'день, днем'; СГССГ: уйг. **тамчэ** 'капля, капелька, капли' // як. **таммах** 'капля, капание, течь каплями, крапина'.

Основы с ЗЛИ — 2 (7,7 %): ОС: СГС: уйг. **тоң** 'мерзлая земля' // як. **тоң** '1. мёрзлый, замерший, замороженный; 2. холодный'; ДС: ГСГ: уйг. **ага** 'промежуток, расстояние, пространство, дистанция интервал' // як. **аара** 'путь, дорога (между двумя пунктами); находящийся на пути, по спопутности'.

В якутском и древнетюркском языках УЛЗ отмечается в 14 (53,84%) случаях: ОС: ГС: др.т. **aj** 'луна, месяц' // як. **ый** 'луна, месяц'; др.т. **ō'** 'огонь' // як. **уот** 'огонь, пламя'; др.т. **ot** 'трава, сено' // як. **от** 'трава, сено'; СГС: др.т. **sub, suğ, suv** 'вода' // як. **уу** 'вода'; др.т. **каг** 'снег' // як. **хаар** 'снег'; др.т. **muz** 'лёд' // як. **муус, буус** 'лед, град'; др.т. **jil** 'год' // як. **сыл** 'год'; др.т. **kül** 'зола' // як. **күл** 'зола, пепел'; др.т. **köl** 'озеро, водоем' // як. **күөл** 'озеро'; др.т. **тоң** '1. мерзлый, замороженный; 2. холод' // як. **тоң** '1. мёрзлый, замерший, замороженный; 2. холодный'; ДС: СГСГ: др.т. ср. **törü** '1. темя, макушка, голова; 2. вершина' // як. **төбө** '1) вершина, верхушка, головка, верх, темя, макушка; кончик; 2) голова'; СГССГ: др.т. **teңri**

‘1.небо; 2. Бог, божество’ // як. **тангара** ‘1.видимое небо, небо как божество; 2. общее название добрых существ, добрых дух, бог, богиня; 3. бог, божество; 4. святой, священный’; СГСГС: др.т. **bulut** ‘облако, туча’ // як. **былыт** ‘облако, туча, морок; як. **күнүс** ‘день, днем’ // др.т. **küntüz** ‘день, днем’.

Основы, имеющие **НЛИ — 11 (42,3 %): ОС: СГС:** др.т. **taŋ** ‘рассвет, заря’ // як. **тыг** ‘денница, утренняя заря’; др.т. **kün** ‘солнце; день’ // як. **күн** ‘солнце; день, сутки; время; жизнь’; др.т. **tün** ‘ночь’ // як. **түүн** ‘ночь, ночью’; др.т. **küz** ‘осень’ // як. **күһүн** ‘осень, осенью’; др.т. **qïš** ‘зима’ // як. **кыс** ‘зима’, **кыһын** ‘зимою; зима’; др.т. **jer** ‘земля, место, земля, страна’ // як. ‘**сир**’ 1) земля, земной шар; 2) земля, страна, округ; владение, поместье; селение; 3) земля, почва, грунт; 4) земля, пол, земляной пол; 5) пахотная земля, поле; 6) земля, место, местность, сторона; 7) место, точка, пункт; 8) расстояние’; др.т. **taš** ‘камень’ // як. ‘**таас**’ 1) камень; дикий камень, жернов; грузила, таши (у невода); стекло; 2) вообще всякая (каменная) гора, камень, утес, скала; твердыня’; др.т. **jol** ‘дорога, нахождение в пути, путь, способ путешествия’ // як. **суол** ‘1. дорога, путь, улица; 2. дело, занятие, обязанность; 3. вещь, предмет, случай’; ДС: СГСГ: др.т. **кеçä** ‘ночь, поздний вечер’ // **киһэ** ‘вечер, вечером, в вечеру’; СГСГСГ: др.т. **qïraǵu** ‘иней, изморозь’ // як. **кырыа** ‘кружевина, куржак, иней, изморозь, влажность, замерзшая на стенах, деревьях и проч. в сырые холодные дни’; СГСГС: др.т. **tamiz** ‘капать, закапывать’ // як. **таммах** ‘капля, капание, течь каплями, крапина’.

ЗЛИ отмечается в **1 (3,84 %)** основе: ДС: ГСГ: др.т. **ara** ‘промежуток, середина’ // як. **аара** ‘путь, дорога (между двумя пунктами); находящийся на пути, по спопутности’, **арыт** ‘промежуток, расстояние между предметами, время от события до события; цель, пробел, пропуск’.

Высокий процент лексических параллелей с УЛЗ наблюдается в якутском языке в структурном типе СГС.

Таким образом, всего было выявлено 26 [ОС-18,ДС-8] уйгурско-якутских параллелей, обозначающих наименования природных явлений и объектов ландшафта и имеющих лексические репрезентации в древнетюркском языке.

Из 26 [ОС-18, ДС-8] уйгурско-якутских параллелей совпадение структурного оформления лексемы фиксируется в 21 (80,76 %) случае, в том числе в ОС — 16 (76,19 %), в ДС — 5 (23,8 %). Сходство структуры древнетюркских основ в якутском и турецком языках представляется следующим образом: в якутском из 26 [ОС-18, ДС-8]

в 20 [ОС-16, ДС-4] (76,92 %), в уйгурском из 26 [ОС-18, ДС-8] в 23 [ОС-17, ДС-6] (88,46 %).

1. Устойчивость структурных оформлений уйгурско-якутских параллелей фиксируется в 21 (80,76 %) случаях, из которых ОС являются 16 (76,19 %), ДС — 5 (23,8 %) основ.

2. Устойчивость структурных оформлений в якутском и древнетюркском языках представляется следующим образом: общее количество — 20 (76,92 %), из них ОС — 16 (76,19 %), ДС — 4 (15,38 %) лексемы.

3. Лексико-семантический анализ установил, что количество лексических репрезентаций с УЛЗ в якутско-уйгурских параллелях составляет 11 (42,3 %), в якутском и древнетюркском языках — 14 (53,84 %). Семантические изменения представляются следующим образом: НЛИ в якутском и уйгурском языках — 13 (50 %), в якутском и древнетюркском — 11 (42,3 %), ЗЛИ в якутском и уйгурском — 2 (7,7 %), в якутском и древнетюркском языках — 1 (3,84 %).

4. В семантическом плане более устойчивым структурным типом является СГС: в уйгурско-якутских параллелях — [4/36,3 %], в якутском и древнетюркском языках — [7/50 %]. В остальных структурных типах выявляется заметное количество лексических изменений.

5. Основные фонетические соответствия гласных наблюдаются в структурных типах СГС в односложных и СГСГ в двусложных основах. Например, соответствие начальных гласных в СГС: [a~i]: уйг., др.т. **taŋ**~як. **tŋ**, уйг., др.т. **jol**~як. **suol**; [ü~u]: др.т. **küz**, як. **kühün**~уйг. **kuz**; др.т., як. **kül**~уйг. **kul**; [i~i]: др.т. **qış**, як. **kış**~уйг. **kiş**; [a~aa]: уйг. **taş**, др.т. **taş**~як. **taas**; [ö~üö]: уйг., др.т. **köl**~як. **küöl**.

6. Большое количество фонетических соответствий согласных отмечается в анлауте и ауслауте в структурном типе СГС в односложных основах. Например, соответствие согласных в анлауте: [j~s]: уйг., др.т. **jil**~як. **sil**; уйг., др.т. **jol**~як. **suol**; [k~q]: як. **kış**, уйг. **kiş**~др.т. **qış**; соответствие в ауслауте: [z~s]: уйг., др.т. **muz**~як. **muus**; [ʃ~s]: уйг. **kış**, др.т. **qış**~як. **kış**; уйг., др.т. **taş**~як. **taas**.

При сравнительном исследовании выявляется близкая взаимосвязь между древнетюркским и уйгурским языками. Близость уйгурского языка к древнетюркскому выявляется в устойчивости структурных типов и лексических значений параллелей. В этом плане все показатели якутского языка заметно уступают уйгурскому. Анализ структурных и семантических особенностей якутских параллелей показывает, что к якутскому языку более близок древнетюркский язык, чем уйгурский.

Таким образом, прослеживается тесная взаимосвязь между якутским, древнетюркским и уйгурским языками. Однако историческое отношение якутского языка к древнетюркскому стоит в близкой позиции, чем к уйгурскому. По всей вероятности, якутский и уйгурский языки в своем историческом развитии после древнетюркской эпохи неимели тесных контактов.

Список литературы:

1. Левин Г.Г. Лексико-семантические параллели орхонского-тюркского и якутского языков. — Н., 2001.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977.
3. Слепцов П.А. Саха тылын историята. — Якутскай: ЯГУ, 2007.
4. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 1986.

ПСЕВДОЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Томилова Александра Игоревна

*канд. филол. наук, старший преподаватель каф. романских языков
Уральского государственного педагогического университета,
г. Екатеринбург
E-mail: alexara@list.ru*

THE PSEUDOEQUIVALENCE IN THE RUSSIAN AND FOREIGN BILINGUAL LEXICOGRAPHY

Tomilova Alexandra

*Ph.D. in Philology, senior lecturer of the Chair of Romanic languages, Ural
State Pedagogical University, Yekaterinburg*

АННОТАЦИЯ

С целью улучшить качество перевода и избежать возникновения ложных аналогий при изучении иностранного языка в последние годы издается все больше двуязычных словарей псевдоэквивалентов, что доказывает актуальность данной проблемы в лингвистике и переводоведении. Статья представляет собой обзор наиболее значимых лексикографических произведений по данной тематике, их систематизацию и анализ.

ABSTRACTS

To improve the quality of the translation and to avoid false analogy while learning foreign languages, more and more bilingual dictionaries of pseudoequivalents have recently appeared, that proves the importance of this problem for the linguistics and the theory of the translation. The article under consideration is a review of the most significant lexicographical works in the themes, their systematization and analysis.

Ключевые слова: псевдоэквиваленты; лексикография; переводной словарь; объем семантического значения; эквивалент; понимание; перевод.

Keywords: pseudoequivalents; lexicography; bilingual dictionary; volume of the meaning of a word; equivalent; understanding; translation.

Словарь в обществе играет важную роль авторитетного советчика для пользователей, является своего рода социальным институтом, регламентирующим словоупотребление и даже, в принципе, жизнь языка в рамках определенной нормы. Для среднего носителя языка словарное произведение представляется надежным гидом в различных областях общественного знания [2, с. 29].

Основные функции лексикографических произведений в достаточно сжатом виде можно свести к следующим:

1. Научное изучение и описание языка, его истории, современного состояния.
2. Систематизация знаний, и в частности лингвистических.
3. Изучение и нормализация родного языка, установление правил устной и письменной речи.
4. Объяснение заимствованных, устаревших и непонятных слов.
5. Обеспечение межъязыкового общения и переводческой практики.
6. Обучение иностранному языку, глубокое познание истории и культуры народа, говорящего на изучаемом языке.

7. Научное предвидение языкового развития.

Последняя функция основывается на мнении Н.З. Котеловой, которая считает, что «составители словарей-справочников могут не только фиксировать, но и предлагать читателям потенциально необходимые слова» [4, с. 20].

По признаку количества описываемых в словаре языков различают словари одноязычные и переводные.

Основным содержанием переводной лексикографии является описание языковых единиц одного языка при помощи языковых единиц другого (других). Переводная лексикография призвана устанавливать эквивалентные отношения между элементами различных языков [2, с. 97].

По мнению Л.В. Щербы, переводный словарь возникает из потребности понимать тексты на чужом языке. С удовлетворением этой потребности, однако, часто связывается и процесс становления национального языка путем перевода богатств чужого литературного языка. При этом совершенно независимо от метода нахождения нужного эквивалента (простое заимствование, калька, переносное употребление какого-либо своего слова или закрепление за своим словом с общим и более или менее подходящим значением точного значения иностранного слова), прежде всего происходит заимствование самого главного — понятия [4].

Псевдоэквивалентность привлекает многих лингвистов из разных стран мира. Это обнаруживается в публикации теоретических статей на названную тему и в издании специальных словарей. Необходимость создания соответствующих словарей и пособий обуславливается затруднениями, вызываемыми при переводе межъязыковых псевдоэквивалентов. Анализ изданий словарей “псевдоэквивалентов (как советских, так и зарубежных) дается в рецензиях Р.А. Будагова (1970, 1971, 1976).

С целью всестороннего изучения категории слов, относящихся к псевдоэквивалентам, проводятся сопоставительные исследования. Поскольку эта категория слов является двуязычной, ученые исследуют ее на уровне двух языков, например, английского и русского (В.В. Акуленко), немецкого и русского (К.Г.М. Готтлиб, В.В. Келтуяла), русского и французского (В.Л. Муравьев) и пр. Исследования ведутся как в синхронно-сопоставительном плане, так и в реальной ситуации двуязычия (перевода).

В нашей стране изучению псевдоэквивалентности уделили внимание авторы многих работ в области перевода. В 1966 году вышло пособие Т.С. Амиреджиби «“Ложные друзья” переводчика»

(составитель Т.С. Амiredжиби, 1966). В пособии перечисляются трудности, с которыми сталкиваются при переводе слов данной категории, а также приводится словарь, содержащий около 500 слов, цель которого — помочь их преодолеть. В первой колонке словаря приводятся английские слова, во второй — привычные их переводы, приемлемые для использования при переводе текстов различных функциональных стилей, в третьей — эквиваленты.

В 1969 году был издан «Англо-русский и русско-английский словарь “ложных друзей переводчика”» (составители В.В. Акуленко, С.Ю. Комиссарчик, Р.В. Погорелова, В.Л. Юхт), особенностью которого является то, что он сочетает в себе англо-русский и русско-английский словари в виде последовательно расположенных словарных статей. В словаре приводятся 900 английских слов в сравнении со сходными по звучанию и написанию русскими словами, дается анализ полного или частичного несоответствия сходных и отождествляемых английских и русских слов. Словарь содержит чрезвычайно интересную информацию о псевдоэквивалентах вообще и по англо-русским аналогам в частности. Словарь в основном может использоваться при переводе художественных и газетно-публицистических текстов. Пример словарной статьи:

DECADE-ДЕКАДА

decade [dekeid] *n* *исч.* **1*** десятилетие, the last ~ of the 19th century последнее десятилетие XIX века. *He has been in his time a slender man: but now, in his sixth decade, his waistcoat has filled out somewhat (B. Show)/ В свое время у него была стройная фигура: но сейчас, на шестом десятке, он несколько располнел.* | *Science has made bewildering strides in many directions during recent decades... (H. Munro) За последние десятилетия наука сделала ошеломляющие успехи в различных направлениях...* **2*** десяток; **3*** часть собрания сочинений, состоящая из десяти книг, десяти томик.

декада ж **1*** промежуток времени в десять дней а ten-day period, ten days. *В первой декаде января ожидаются сильные морозы. Severe frosts are expected in the first ten days of January* **2*** десять дней, посвященные чему-л. ten-day (campaign): ~узбекской литературы и искусства Uzbek Ten-Day Literature and Art Festival.

В 1972 году был опубликован «Немецко-русский и русско-немецкий словарь “ложных друзей переводчика”» (составитель К.Г.М. Готлиб). Этот словарь имеет много общего со словарем В.В. Акуленко. Словарная статья включает как немецко-русскую, так и русско-немецкую части; также приводится теоретический материал, в котором дается определение рассматриваемой категории

слов, источники их появления и классификация. Таким образом, он составлен на тех же принципах, что и предыдущий.

В 1977 году вышел выпуск «“Ложные друзья” переводчика с чешского языка» (составители А.И. Журавлев, С.С. Захаров). Словарная статья состоит из чешского слова и системы его значений, представленной русскими переводными эквивалентами.

В 1976 году И.П. Сулова издает пособие для учителей немецкого языка под названием «Выбирайте правильное слово!». Пособие содержит перечень слов-аналогов, употребляющихся в немецком и русском языках, но различающихся по своим значениям. Оно может способствовать предупреждению ошибок, которые встречаются в практике при употреблении данных слов, для чего в конце пособия даются упражнения.

В 1982 публикуется словарь ложных друзей переводчика Роберта Дж. Хилла (Robert J. Hill) под названием “A Dictionary of false friends”, который впоследствии неоднократно переиздается.

В 1994 году в Канаде выходит рассчитанный на изучающих итальянский язык словарь-пособие ложных друзей переводчика на материале английского и итальянского языков “Italian false friends”, автор R. Ferguson, с практическими упражнениями.

В 1997 году в Киеве выходит «Словарь русско-украинских межъязыковых омонимов» под редакцией М.П. Кочерган. Это первый изданный в Украине лексикографический труд, в котором дается сопоставительная характеристика семантики совпадающих по форме, но различающихся содержанием слов русского и украинского языков. По сути, в словаре рассматриваются «ложные друзья» переводчика, а не межъязыковые омонимы, как заявлено в названии словаря. Каждая словарная статья данного словаря состоит из русской и украинской частей, следующих друг под другом, в которых дается толкование и перевод лексем, грамматические и стилистические пометы, иллюстративный материал, позволяющие точно определить семантическое различие и семантическую общность созвучных слов. Например:

ЛУНА — ЛУНА

Луна, *ы, ж.* 1. Небесное тело, ближайший спутник земли, светящийся отраженным солнечным светом: *укр. місяць. Взошла луна и осветила залив* (И. Гончаров).

⟨ ⟩ **Под луной** — на земле. **С луны свалиться** — о человеке, проявляющем незнание всем известного: *укр. З неба впасти.*

2. *Спец.* Спутник какой-либо планеты. *Десять лун Сатурна.*

Луна, и, ж. 1. Отражение звука от удаленных препятствий, а также сам удаленный звук: эхо, отзвук. *Защебетав словейко — Пішла луна гаем* (Т. Шевченко).

2. *Перен., разг.* Слава, почетная известность. *Робила як могла, щоб таки добра луна дійшла до того, кого мені треба* (Ганна Барвінок).

В 2000 году вышел испанско-русский словарь справочник «300 ложных друзей переводчика» С.И. Канонич. В этом словаре представлены пары слов (одно слово испанское, другое русское), объединенные сходным звучанием. Каждая статья словаря показывает смысловые особенности слова испанского и соответствующего русского, выявляет специфические контуры его семантического поля, которые необходимо знать как испано-русскому, так и русско-испанскому переводчику. Словарь дает как общее значение пары, так и все другие значения слова, не имеющие соответствия в другом языке.

В 2002 году К. Кусал издает «Русско-польский словарь межъязыковых омонимов», который включает около 1350 пар русско-польских омонимов/паронимов.

2004 год — издается «Англо-русский словарь “ложных друзей переводчика”» К.В. Краснова, который размещен на сайте <http://falsefriends.ru/ffslovar.htm> в открытом доступе для всех читателей и был дополнен в 2010. Словарь содержит порядка 1050 лексем английского языка, которые потенциально могут натолкнуть на ложные аналогии в силу сходства звучания с русскими словами, которые в свою очередь не приводятся совсем. Словарная статья представлена правильными переводными эквивалентами англоязычной лексемы на русский язык. Например:

SPRAY

веточка, побег; брызги; распылитель; аэрозольный баллон.

В 2009 году в Москве издан «Сербско-русский, русско-сербский словарь-справочник межъязыковых омонимов» Л.Н. Белинкой.

В 2011 году вышел словарь Т.А. Чесноковой «Шведско-русский и русско-шведский словарь “ложных друзей переводчика”».

В этом же году вышел словарь В.В. Дубичинского и Т. Ройтера «Русско-немецкий словарь лексических параллелей» (Russisch-Deutsches Wörterbuch Lexikalischer Parallelen). Предлагаемый словарь содержит около 1750 словарных статей лексических параллелей. Количество отдельных лексем составляет примерно 4500 единиц. Лексемы снабжены иллюстративными примерами — словосочетаниями их типичного употребления в живой речи. Данный словарь,

по мнению авторов, адресован всем желающим глубже изучить немецкий язык и обладающим знаниями русского языка, преподавателям немецкого и русского языков как иностранного, аспирантам и студентам, изучающим немецкий и русский языки в высших и средних учебных заведениях, а также филологам, лингвистам и переводчикам.

В 2013 году в Кракове А. Вияс издает «Польско-русский словарь ложных друзей переводчика с русско-польским индексом с учётом разговорных, просторечных, сленговых и матерных значений слов». Словарь содержит около 1350 словарных статей, представленных в виде параллельных переводных пар слов польского и русского языков с кратким значением в языке, указанным в скобках. Структура словарной статьи не всегда представляется удобной, так как ложные значения идут вперемешку с истинными, алфавитный порядок иногда нарушается в силу отсутствия русско-польского оглавления. Например:

bania (<i>bąbel</i>)	волдырь
bania (<i>kopuła</i>)	купол
bania (<i>naczyńie, pojemnik</i>)	банка, бидон, шар
bania (<i>pęcherz</i>)	пузырь
<i>pot. bania</i> (<i>dynia</i>)	тыква
<i>pot. bania</i> (<i>kieliszek wodki</i>)	рюмка (<i>порция водки</i>)
łaźnia, sauna	баня
Kapiel	<i>разг. баня</i> (<i>мытьё</i>)

В.В. Дубичинский предложил интересную методологию лексикографического описания русско-испанских лексических параллелей.

Примером такой сопоставительной лексической работы может послужить *словарь лексических параллелей*, описывающий сходные по внешней форме лексические единицы нескольких языков с полным/частичным совпадением или несовпадением значений. Впервые в лексикографической практике на уровне отдельных значений семантической структуры слова (лексико-семантических вариантов) рассматривается национально-культурное своеобразие лексических единиц русского языка в сравнении с их испанскими коррелятами. Словарь адресован преподавателям русского языка как иностранного, аспирантам и студентам, изучающим русский язык в высших учебных заведениях, а также лингвистам и переводчикам с русского и испанского языков.

«Учебный словарь русско-испанских лексических параллелей» (Diccionario didáctico de paralelos léxicos ruso-español) 2006

Дубичинского В.В., Шайхиевой Т.Н., Конаковой Е.И., включающий 520 лексических пар как лексикографическое сопоставительное исследование псевдоэквивалентов описывает также некоторые другие актуальные для переводчиков и специалистов аспекты: а) совпадение/несовпадение главных и второстепенных значений лексем; б) различия стилистических, грамматических и некоторых других характеристик сравниваемых лексем; в) различия в семантической структуре лексем, имеющиеся в различных территориальных вариантах языков [Дубичинский: электр. ресурс]. В словаре приводятся также: краткая грамматическая характеристика заголовочной единицы, иллюстративные словосочетания некоторых лексико-семантических вариантов заголовочной лексемы, территориальные, специальные, стилистические и другие пометы.

Отличительной особенностью словаря В.В. Дубичинского (2006) является то, что дефиниции сравниваются по толковым словарям русского и испанского языков с привлечением некоторых других лексикографических источников. Пример словарной статьи:

Аспирант, -а, ж: лицо, готовящееся к научной деятельности при вузе или научном учреждении
— *candidato a doctor*,
estudiante de tercer ciclo

Aspirante, m:
1. насос для подачи жидкости наверх при помощи атмосферного давления;
2. претендент, кандидат; соискатель
3. сверхштатный работник

Что касается французского языка, то в 1969 году было выпущено учебное школьное русско-французское пособие В.Л. Муравьева «“Faux amis”, или “ложные друзья” переводчика». Пособие содержит не только русско-французский словарь псевдоэквивалентов, но и упражнения, позволяющие учащемуся закрепить лексику, вызывающую затруднения при переводе. Структура пособия заслуживает внимания. Подача материала в словнике является весьма рациональной: в первой колонке дается русское слово французского или иностранного происхождения, которое может ввести учащихся в заблуждение, во второй — правильный французский эквивалент русского слова, а в третьей — «ложный друг» и его подлинное основное значение во французском языке.

Включение в словарную статью не только французских эквивалентов русского слова, но и французских аналогов с их истинными значениями во французском языке очень наглядно показывает контраст русско-французских параллелей и предостерегает от ошибок. Русско-французский словарь «ложных друзей переводчика» является

также составной частью «Пособия по преодолению типичных ошибок студентов во французском языке» (В.Л. Муравьев, Ж.Ж. Римассон, 1974), составленного на основе обобщения и систематизации переводческих ошибок, вызываемых интерференцией. Пособие содержит серию упражнений, рассчитанных на привлечение внимания студентов к лексической интерференции, анализ этого явления и его предупреждение. Пособие является весьма полезным для использования в целях учебного перевода.

В 1998 году выходит третье издание французско-английского и англо-французского словаря ложных друзей переводчика “Dictionnaire des (dictionary of) faux amis” авторы J.V. Roey, S. Granger, H. Swallow.

С.В. Грецова условно разделяет лексикографические источники, ставящие своей задачей описание переводческих псевдоэквивалентов, на две группы. В первой группе переводческие псевдоэквиваленты представлены в виде списка лексем с эквивалентным переводом на родной язык и комментариями, призванными обратить внимание и предупредить возникновение переводческих псевдоэквивалентов в речи. К недостаткам этих словарей С.В. Грецова относит неполный список переводческих псевдоэквивалентов, отсутствие примеров на употребление и неразличение полных и частичных псевдоэквивалентов. Во второй группе словарей псевдоэквиваленты представлены в исчерпывающем объеме, с полным описанием лексических значений и с учетом широкой практики переводческой работы [2, с. 112—113].

В своей работе С.В. Грецова приводит образец структуры словарной статьи, описывающей переводческие псевдоэквиваленты:

1. **заглавное слово** (на франц. и рус. яз.), *грамматические пометы* (часть речи, род, число);
2. указание на источник заимствования или отсутствие этимологической общности;
3. описание общих лексических значений (на рус. яз.);
4. описание других частотных лексических значений у французской лексемы (на рус. яз.);
5. описание других частотных лексических значений у русской лексемы (на рус. яз.);
6. указание о наличии омонимов и/или паронимов.

При описании частичных переводческих эквивалентов используется косая черта (/) в п. 1, а в п. 3 указываются общие лексические значения. Абсолютные переводческие псевдоэквиваленты отделяются знаком «тире» (–) в п. 1, а п. 3 не используется

по определению (т. е. в связи с отсутствием общих лексических значений) [2, с. 115].

К сожалению, в своей работе С.В. Грецова не приводит конкретного примера на разработанную словарную статью, поэтому сложно определить степень ее практической ценности и всю глубину задумки автора. На наш взгляд, не все составляющие структуры словарной статьи вполне обоснованы. К примеру, автор предлагает описывать лишь частотные лексические значения псевдоэквивалентов (п. 4, п. 5), но по нашим данным как раз второстепенные, более редкие значения могут вызвать ошибки при переводе и непонимание, так как носитель языка, конечно, держит все эти значения в голове, а вот переводчик может упустить из памяти и перевести неправильно. С другой стороны, непонятным остается критерий определения этой самой частотности значений, которая, на наш взгляд, может быть определена лишь путем анализа конкретного языкового материала. Для полного сопоставления всего объема лексических значений нам представляется необходимыми более содержательные словарные статьи, взятые из толковых словарей. С.В. Грецова предлагает в словарную статью включить данные о наличии омонимов и/или паронимов (п. 6), но тогда правомерно было бы расписать и лексические значения этих омонимов и/или паронимов во избежание ошибок при переводе. На наш взгляд, паронимы и омонимы псевдоэквивалентов таят не меньше опасностей ввиду различных лексических значений и сходной внешней формы, поэтому их правомерно включить в отдельные псевдоэквивалентные пары и рассматривать наравне со всеми псевдоэквивалентами, так как нельзя предугадать, какое именно слово (или его пароним) иностранного языка вызовет ложную аналогию со словом родного языка или наоборот.

Совершенно обоснованным представляется наличие в словарной статье грамматических показателей, так как не всегда псевдоэквивалентную пару образуют слова одинаковой части речи, одинакового числа, тем более рода.

Итак, рассмотренные выше словари объединяет та особенность, что они не заменяют — для рассматриваемых слов — обычных двуязычных словарей, а являются сборниками своеобразных, нередко весьма ценных, но порой случайных комментариев к ним. Такие комментарии направлены на предупреждение ошибок при пользовании иностранным языком, иногда — на повышение качества переводов на родной язык и даже просто на повышение культуры родной речи. В теоретическом и практическом отношении более полезны словари псевдоэквивалентных пар слов, дающие описание

всех значений, свойственных каждому слову, и отражающие его стилистические, эмоционально-экспрессивные, важнейшие грамматические характеристики и лексическую сочетаемость.

В целом, все словари псевдоэквивалентов на материале любых языков А. Вейсберга (A. Veisbergs) предлагает разделять на четыре основных типа: *the basic false friends dictionary*, под которыми, на наш взгляд, автор понимает основные словари-минимумы (Муравьев 1969; Hill 1982), *more expanded false friends dictionary* — более расширенные словари (Browne 1987; Labarre 1989; Schwarz 1993; Parker 1992; A. Veisbergs 1994; Sane 1992; Prado 1993), *a detailed false friends dictionary*, под которыми, на наш взгляд, автор понимает очень подробные словари (Акуленко 1969; Готлиб 1972; Dictionnaire 1979; Thody 1985) и *learner's dictionary of false friends* — учебные словари-пособия (Breitkreuz 1991, 1992; Dretzke 1990) [1, с. 630—631].

1. *The basic false friends dictionary* (основной словарь) призван привлечь внимание пользователя на различие в переводе формально сходных пар слов, не приводя объяснения значений каждой из входящих в пару лексем.

2. *More expanded false friends dictionary* (более расширенный словарь) включает по меньшей мере толкование основного значения каждого из входящих в псевдоэквивалентную пару слов, позволяя читателю самостоятельно определить семантическую разницу и подобрать правильные переводной эквивалент (которые часто уже приводятся в готовом виде).

3. *A detailed false friends dictionary* (подробный словарь) содержит более детальный анализ семантики псевдоэквивалентной пары слов с приведением в качестве примеров отрывков оригинальных текстов, приводятся переводные эквиваленты по всем значениям входящих в псевдоэквивалентную пару лексем, а иногда даже указывается и сама потенциальная опасность и возможное ошибочное понимание. Очевидно, что подобного рода академические словари рассчитаны на пользователей с достаточно высоким уровнем владения иностранным языком, заинтересованных в углублении своих знаний.

4. *Learner's dictionary of false friends* (учебный словарь) содержит наиболее частотные псевдоэквивалентные пары слов, предлагает разного рода упражнения на их распознавание и правильное употребление.

Стоит отметить, что данное деление лексикографических источников на практике не всегда имеет столь четкие границы: многие словари псевдоэквивалентов включают в себя одновременно признаки

разных типов, дополнительные сведения в приложениях, что позволяет характеризовать их как словари псевдоэквивалентов смешанного типа.

Список литературы:

1. Грецова С.В. Переводческие псевдоэквиваленты в лексике французского и русского языков [Текст]: Дис. канд. фил. наук: 10.02.20: защищена 28.03.2008 / Грецова Светлана Валерьевна. — Екатеринбург, 2008. — 204 с.
2. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие / Дубичинский В.В. — М.: Наука; Флинта, 2008. — 432 с.
3. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. — М., 1978. — С. 5—26.
4. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. — М.: Наука, 1974. — С. 265—304. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba9.htm> (дата обращения: 1.06.2013).
5. Veisbergs A. Latvian — English, English — Latvian Dictionary of False Friends. — Riga: SI, 2nd ed., 1994. — 88 pp.

**МОТИВАЦИОННО-НОМИНАТИВНЫЕ
СВОЙСТВА ФИТОНОМИЧЕСКИХ ЛЕКСЕМ
В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ
И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ**

Хошимхуджаева Мохирух Музаффаровна

*старший научный сотрудник-исследователь 3-года обучения
Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека,
г. Ташкент*

E-mail: sakurajapan9@gmail.com

**MOTIVATIONAL-NOMINATIVE FEATURES
OF PHYTHONYMICAL TOKENS IN ENGLISH,
RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES**

Hoshimhudjaeva Mohiruh Muzaffarovna

*3-year Senior Researcher of the National University of Uzbekistan named
after Mirzo Ulugbek, Tashkent*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены мотивационно-номинативные свойства фитономических лексем в английском, русском и узбекском языках в сопоставительном аспекте. Контрастивный анализ фитономических лексем сопоставляемых языков в контексте мотивационных признаков аспектов выявляет их универсальные и частные характеристики.

ABSTRACT

The article investigates the nominative-motivational properties of phythonymical tokens in English, Russian and Uzbek languages in comparative aspect. The contrastive analysis of phythonymical tokens in the context of the motivational aspects reveals their universal and particular characteristics in compared languages.

Ключевые слова: фитонимы, сопоставительный аспект, мотивационно-номинативные свойства, английский, русский и узбекский язык;

Keywords: phytonyms, comparative aspect, motivational-nominative features, English, Russian and Uzbek languages;

«Осуществление современных сопоставительных исследований в области лексической мотивации было подготовлено как становлением самой лексикологической теории явления мотивации слов, так и интенсивным развитием сопоставительных исследований, осуществляемых в последние три десятилетия в лексикологии, ономазиологии, семасиологии, синхронном словообразовании» [4, с. 68]. Известно, что процесс мотивированности названий растений в языке определяется уровнем индивидуального и общественного сознания данного языкового сообщества, своеобразным укладом жизни, национальными и культурными традициями, особенностями социальных и природных условий жизнедеятельности человека. Фитонимы как часть языковой картины мира формируется на основе когнитивных и культурно-исторических архетипов и приобретает свойство прототипической организации. В связи с этим возрастает возможность выявления и анализ мотивационно-номинативных свойств фитонимов в сопоставляемых языках.

Мотивационно-номинативный анализ подтверждает возможность наличия многих общих черт в номинации растений в английском, русском и узбекском языках. По своей структуре фитонимы в данных языках представлены однословными наименованиями или словосочетаниями, состоящими из двух или более компонентов. При этом словосочетания характеризуется большей смысловой информативностью.

Естественно, мотивация фитонимической лексики подчиняется жесткой закономерности и осуществляется в определенных направлениях, каждое из которых связывает наименования растений с определенной семантической сферой. Это, по-видимому, обусловлено тем, что концептуальная модель мира в этих наименованиях характеризуется сходством, т. е. растения универсальны для всех сопоставляемых языков, хотя форма их выражения различно, что объясняется отличием национальных языковых картин мира.

Исходя из этого, мы можем выделить следующие направления мотивационной интерпретации наименований растений в сопоставляемых языках:

1. растение — животное, насекомое:
 - англ. lion's-ear (ухо льва), mouse-ear (ухо мишки)
 - русск. аистник, блошница
 - узбек. гултожихўроз (цветок-петушиный-гребешок), кўзикорин (пуза ягнёнка), кўнгизтарок (расчёска жука)
2. растение — признак человека или животного:
 - англ. liverwort (печень трава), smartweed (умная трава)
 - русск. бородатка, зубянка, ухоприцветник

- узбек. гиржовуз (кругом злой), ялтирбош (блестящая голова)
- 3. растение — конкретное действие человека:
 - англ. catchfly (хватать муху), self-heal (самолечение)
 - русск. дремлик, лопух, карликовый дуб
 - узбек. савагич (хлестатель), сачратки (сплёскиватель)
- 4. растение — социальный статус, социальная функция человека:
 - англ. Motherwort (мать трава), Saint-John's-wort (трава ст. Иоанна)
 - русск. мать-мачеха
 - узбек. хотинак супирги (веник женщины), келин-тили (язык невесты)
- 5. растение — артефакт:
 - англ. bottlebrush (щётка для бутылки), pipewort (трава трубка)
 - русск. пуговичник, шлемник, пастушья сумка
 - узбек. қозонювгич (щётка для казана)
- 6. растение — объект или явление природы:
 - англ. rock-rose (горная роза), sundew (солнечная роса)
 - русск. звездовик, майник
 - узбек. далачой (полевой чай), номозишом гул (вечерний цветок).

Количественный анализ наполнения этих групп показал, что, несмотря на относительную однородность распределения английских, русских и узбекских наименований растений по семантическим зонам, каждый из сопоставляемых языков проявляет свои особенности. В сознании носителей английского, русского и узбекского языков растения почти не ассоциируются с социальным статусом или социальной функцией человека. Другой особенностью фитонимической лексики сопоставляемых языков является наличие большого числа наименований, в той или иной степени отражающих представления о человеке, его признаках и деятельности. Результаты анализа показывают высокую степень антропоморфизма лексики английского, русского и узбекского языков, где наибольшее число наименований связано с физическими признаками человека, его свойствами и деятельностью.

Предложенная нами классификация является открытой и не претендует на инвариантную классификационную модель мотивационных признаков, поскольку в каждом конкретном языке их число может быть больше или меньше, и изучение словообразования в аксиологическом аспекте позволит в дальнейшем дополнить ее.

Методом выборки из словарей английского, русского и узбекского языков нами было извлечено более 500 английских, 300 русских и 200 узбекских сложноструктурных наименований растений, которые соответственно отражают мотивационно — номинативные признаки в английском, и в русском, в узбекском языках.

Под сложноструктурными наименованиями нами понимаются именные композиты и словосочетание, которые отличаются спорными номинативными признаками, способствующими их рассмотрению в контексте мотивационных признаков названий растений.

Таким образом, исходный материал сложноструктурных наименований в сопоставляемых языках не одинаков. Их можно представить следующим образом:

Таблица 1.

Мотивационный признак	англ.	русс.	узбек.
«форма»	globeflower	купальница	сертикан бодомча
«природный локатив»	beach grape	водяной перец	дашт саллагули
«прагматический признак»	oil palm		шакар камиш
«цвет»	purple fox glove	белена черная	сарик андиз
«тактильное ощущение»	velvet leaf blueberry		бахмал гул
«время»	flower-of-an-hour	тысячелетник	
«вкус»	honey-pea	сахарный тростник	аччик бодом
«размер», «величина»	dwarf oak	лох узколистый	майдагул тоғрайхон
«аитический способ»	common flax	тюльпан сомнительный	оддий жағ-жағ
«запах»	sweet pea	душица	сассик коврак
«наименование в честь»	Adam's flannel	Иван чай	Регель шириачи
«качество»	maple ash	лук шероховатый	дағалчайўт
«пол»			хотинаксупурги
«звук»	rattle-top		пақ-пақ
«функциональный признак»		метельник	бурган супурги
«географический локатив»	Irish daisy	синяк итальянский	Чимён лоласи

По таблице видно, в сопоставляемых языках признаки «форма», «цвет» и «локатив» в наименованиях растений является типичными как для английского, русского так и для узбекского языков. Но с базовым совпадением встречается и некоторые расхождения напр.: в английском языке нет «функционального признака», в русском языке нет «тактильного ощущения», а в узбекском языке не наблюдается наименования «время».

Исходя из вышеуказанного можно сделать вывод, что наиболее доминирующим мотивационно-номинативным признаком фитонимов в английском, русском и узбекском языках является «форма».

Сопоставительный анализ фитономических терминов рассматриваемых языков в контексте мотивационных признаков аспектов выявляет их универсальные и частные характеристики, взаимосвязь терминологии и номенклатуры, взаимоотношение радикальных и когнитивных принципов строения ботанических терминов. Несмотря на то, что английский, русский и узбекский являются разноструктурными языками, их отличают определенная симметрия в мотивационно-номинативной организации фитономических полей, что свидетельствует о близких архетипических представлениях соответствующих сообществ о растительном мире с его обыденно-когнитивным позиционированием, а также в пространстве при ориентации, что, в свою очередь, предопределяет механизм формирования фитономического пространство как часть языковой картины мира.

Список литературы:

1. Абдурахмонов Д., Лексика узбекских говоров. — Т.: Фан, 1991. — 229 с.
2. Англо-русский биологический словарь. — М.: Русский язык, 1979. — 736 с.
3. Коновалова Н.И., Словарь народных названий растений Урала. — Е.: Полиграфист, 2000. — 233 с.
4. Савенко (Филатова) А.С., Особенности осознания мотивировочных признаков носителями русского и английского языков // Вестник ТГПУ. 2006. № 5. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-osoznaniya-motivirovochnyh-priznakov-nositelyami-russkogo-i-angliyskogo-yazykov> (дата обращения: 28.05.2013).

2.6. ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

ДИАГНОСТИРОВАНИЕ ИСТИННОСТИ/ЛОЖНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ АВТОРА ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

Литвинова Татьяна Александровна

*канд. филол. наук, науч. сотр. Регионального центра русского языка
при Воронежском государственном педагогическом университете,
г. Воронеж*

E-mail: centr_rus_yaz@mail.ru

Шевченко Ирина Сергеевна

*аспирант, специалист Регионального центра русского языка
при Воронежском государственном педагогическом университете,
г. Воронеж*

E-mail: centr_rus_yaz@mail.ru

Литвинова Ольга Александровна

*аспирант, ассистент
Воронежского государственного педагогического университета,
г. Воронеж*

E-mail: centr_rus_yaz@mail.ru

Рыжкова Екатерина Сергеевна

*аспирант
Воронежского государственного педагогического университета,
г. Воронеж*

E-mail: centr_rus_yaz@mail.ru

**REVEALING THE TRUTHFULNESS/FALSENESS
OF A STATEMENT AS ONE OF DIRECTIONS
OF MODELING THE PERSONALITY
OF THE AUTHOR OF WRITTEN TEXT**

Litvinova Tatyana

*PhD in Philology, scientific fellow of Regional Centre of Russian Language
(Voronezh State Pedagogical University), Voronezh*

Shevchenko Irina Sergeevna

*executive of Regional Centre of Russian Language (Voronezh State
Pedagogical University), PhD student, Voronezh*

Litvinova Olga

*assistant lecturer of Voronezh State Pedagogical University, PhD student,
Voronezh*

Ryzhkova Ekaterina

PhD student of Voronezh State Pedagogical University, Voronezh

*Авторы выражают глубокую благодарность Российскому фонду
фундаментальных исследований за финансовую поддержку проекта
(№ 13-16-00016).*

АННОТАЦИЯ

Рассматривается проблема выявления маркеров лжи в письменном тексте как одна из наименее разработанных проблем зарождающейся области языкознания — лингвистики лжи. Указывается, что первоначально данная проблема рассматривалась учеными-психологами, однако для ее решения необходим синтез достижений и методов лингвистики и психологии, исследования на большом корпусном материале с использованием методов математической статистики.

ABSTRACT

The authors considers the problem of revealing lie markers in a written text as of the least developed problem in new field of science – linguistics of lie. It is shown that originally this problem was developed by psychologists, however, to solve this problem, it is essential to combine

methods and achievements of linguistics and psychology, research on large text corpus with the use of methods of mathematic statistics.

Ключевые слова: лингвистика лжи; ложь, маркеры лжи, текст, корпусная лингвистика.

Keywords: linguistics of lie, lie, lie markers, text, corpus linguistics

На основании анализа российской и научной зарубежной литературы и собственных исследований авторами было установлено, что профилирование, т. е. диагностирование, характеристик автора письменного текста на основе анализа не сознаваемых, не поддающихся контролю автора характеристик текста (прежде всего грамматических) может вестись в нескольких направлениях [5, 6]. На основе анализа текста мы можем диагностировать не только постоянные характеристики личности, но и ситуативные (состояние стресса, гнева на момент написания текста), а также истинность/ложность высказываний (см., например, [15]). Причем, следуя традициям российской психологии, под ложью мы понимаем «намеренно созданный продукт мыслительной деятельности человека, искаженно (полностью или частично) отражающий действительность» [11, с. 346]; «Суть лжи всегда сводится к тому, что человек думает одно, а в коммуникации сознательно эксплицирует (выражает) другое [11, с. 343]. Под ложным высказыванием понимают такое высказывание, в котором действительное положение вещей намеренно передается в искаженном виде [4, с. 35].

По мнению Р. Лурия, ложь, являясь «мышлением, построенным по другому принципу», «имеет свои формы, свои правила, свои приемы», и их можно обнаружить [7, с. 92]. Представляется, что эти формы и приемы могут быть найдены посредством анализа языковой продукции. Другие исследователи [4, 12] тоже говорят о том, что мыслительная деятельность при продуцировании ложного высказывания имеет свои особенности, которые связаны с тем, что в сознании продуцирующего ложное высказывание смешиваются две картины, истинная и ложная; происходит сопоставление этих картин, что приводит и к специфическому отбору языковых средств.

Анализ научной литературы показывает, что российские психологии на протяжении многих десятилетий занимаются изучением феномена лжи; работы же, в которых изучается лингвистический аспект лжи, в отечественном языкознании весьма немногочисленны (см. обзор в [3]). За рубежом на протяжении нескольких десятилетий активно развивается «лингвистика лжи» (Н. Weinrich, 1966). Основная

часть работ российских лингвистов посвящена изучению языковых единиц, номинирующих ложь/обман. Изучаются также прагматические характеристики ложных высказываний, т. е. сознательное, намеренное нарушение условий выполнения речевого акта. Но задача изучения проекции феномена лжи в тексте, увы, не ставится (ср. мнение Ленец: «Исследование лингвистического аспекта лжи как полноправное направление в общелингвистической теории лжи в отечественной науке ещё не сформировалось» [3, с. 32]).

Итак, в российской лингвистике зарождается новое направление — лингвистика лжи, однако проблема выявления языковых маркеров лжи в речи (особенно письменной) только начинает изучаться, хотя российские психологи занимаются этим вопросом. В частности, ими предлагаются списки признаков лжи и методики её выявления в дознавательном дискурсе (главным образом для жанра показаний) [4; 12]. Естественно, «сложность и многоаспектность феномена лжи не позволяет рассматривать ложное высказывание только как объект лингвистического исследования, данное языковое и окоязыковое пространство по праву изучается и психологическими науками» [10].

В работах психологов выделяются следующие речевые маркеры лжи: повторы речевых комплексов, когнитивные затруднения, негативные утверждения, нехватка личного отношения, отсутствие подробностей. Следовательно, к вербальным комплексам **правдивого высказывания**, в частности, В.П. Морозов относит: естественность (плавность) в изложении информации; последовательное изложение фактологической информации; возвраты при ее изложении; менее выраженная детализация фактов; вводные слова с оттенками предположения; модальные слова, обозначающие возможность «возможно, это так»; частое обращение к визуальному каналу восприятия; достаточный объем речевой продукции; присутствие подробностей [8].

В.П. Беляниным [1] были выделены речевые признаки лживого (вымышленного) сообщения: чрезмерно гладкое повествование (отсутствие возвратов), мелкая детализация фактов; отсутствуют вводные слова с оттенком предположения и неуверенности; большое количество элементов, связанных с логической обработкой информации, например, «потому что»; более частое употребление референтных индексов «это как всегда», «ну, вы знаете»; неопределенных местоимений; чрезмерно динамичное описание фактов; объем речевой продукции меньше, больше оговорок.

Вообще же, традиционно в психологии большее внимание уделяется невербальным признакам лжи. Долгое время считалось, что данные признаки надежнее вербальных, однако последние исследования зарубежных ученых заставляют усомниться в этом [16]. По мнению ученого, вербальные маркеры лжи более надежны, чем невербальные. Это может быть связано с тем, что ложь предполагает сильную когнитивную нагрузку (проводились опыты на подозреваемых в преступлениях), при которой, как выяснилось, уменьшаются признаки волнения и подозреваемые выглядят невозмутимыми, причем это было зафиксировано с помощью приборов (измеряли пульс, давление и пр.).

Итак, в настоящее время как российскими, так и зарубежными психологами и лингвистами признается существование и важность изучения языковых маркеров лжи: «Такие слова — маски лжи, и задача лингвистики — сорвать с них эти маски, маркировать их предупредительным знаком. Людям нужна языковедческая помощь в своевременном опознании лжи». В.И. Шаховский считает подтвержденным «существование лживой лексики и лживого синтаксиса (структуры и интонации), проиллюстрировать функциональность лживых (симулятивных) эмоций на материале художественной коммуникации англоговорящих персонажей» [14].

С ним согласен и Ю.С. Степанов: «Репертуар средств, с помощью которых осуществляется ложное сообщение, обладает, по нашему мнению, значительной объяснительной силой. На синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях возможно обнаружение типологических свойств лжи. В этом случае, ложь, в которой существует особая грамматика, особое использование лексики, особые правила словоупотребления и синтаксиса, можно определить как особый код в тексте, или как «язык в языке» [13, с. 35].

Таким образом, как явление, находящее свое воплощение в языке, ложь изучается языкознанием в разных аспектах [2]. Однако, как тоже подчеркивается учеными, в рамках изучения маркеров лжи, особенно в письменном тексте, в лингвистике сделано немного. Материалом для изучения таких маркеров служат в основном художественные произведения (за исключением [3], где также привлекались реальные тексты, но на материале немецкого языка), а не реальные тексты (см., например, [10]). Отсутствует корпус реальных текстов для изучения языковых характеристик феномена лжи, между тем как «полезно создание банка дискурса лжи», который может быть использован как иллюстративный в учебных курсах для студентов-юристов, психологов, лингвистов [9]. Не намечены

принципы создания данного корпуса. Между тем как аннотированный банк данных ложных текстов позволит произвести «учёт гендерных, возрастных, профессиональных и национально-специфических факторов оформления лжи в речи коммуникантов» [3], что, естественно, необходимо для того, чтобы дать объективное лингвистическое описание феномена лжи; поскольку в настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что особенности выбора языковых средств реализации ложного высказывания определяются психологическими, биолого-физиологическими факторами говорящего/пишущего.

Итак, можно сделать вывод о том, что для выявления маркеров лжи в письменном тексте нужен синтез достижений и методов лингвистики и психологии с привлечением матстатистики, корпусные исследования на большом материале с привлечением математических методов обработки данных.

Список литературы:

1. Белянин В.П. Психолингвистика. — М., 2004. — 113 с.
2. Ким Л.Г. Дискурс лжи в аспекте интерпретационной деятельности адресата // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 5 (259). Филология. Искусствоведение. — Вып. 63. — С. 80—84.
3. Ленец А.В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты: дис. д-ра филол. наук. — Ростов-на-Дону, 2010. — 392 с.
4. Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. — М., 1977. — 62 с.
5. Литвинова Т.А. Установление характеристик (профилирование) автора письменного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 2 (13). — С. 90—94.
6. Литвинова Т.А. Языковые корреляты личностных особенностей автора письменного текста: алгоритм исследования // В мире научных открытий. Серия: Проблемы науки и образования. — 2012. — № 3. — С. 236—254.
7. Лурия А.Р. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле // Советское право. — 1927. — № 2 (26). — С. 84—100.
8. Морозов В.П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. — М.: Ин-т псих. РАН, 1998. — 160 с.
9. Орлова Н.В. Проблема правды/лжи в судебной лингвистической экспертизе. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/problema_pravdy_lzhi_v_sudebnoj_lingvisticheskoj_ehkspertize_n_v_orlova/4-1-0-204 (дата обращения: 02.02.2013).

10. Попчук О.М. Лингвистические и паралингвистические средства реализации ложного высказывания в акте коммуникации: дис. канд. филол. наук. — М., 2006. — 252 с.
11. Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык. Речь. Личность. — М., 2006. — 496 с.
12. Рагинов А.Р., Скотникова Т.А. Самооговор (происхождение, предотвращение и разоблачение ложных признаний). — М., 1973. — 144 с.
13. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука XX века: сб. ст. — М.: РГГУ, 1995. — С. 35—73.
14. Шаховский В.И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. — Волгоград, 2005. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/sh/shakhovsky04.shtml (дата обращения: 1.03.2013).
15. Newman M.L., Pennebaker J.W., Berry D.S., Richards J.M. Lying words: Predicting deception from linguistic style // Personality and Social Psychology Bulletin. — 2003. — № 29. — P. 665—675.
16. Vrij A. Detecting Lies and Deceit: pitfalls and opportunities. — Chichester: John Wiley & Sons, 2008. — 488 p.

ПОИСК ПРИЗНАКОВ ЛЖИ В ПИСЬМЕННОМ ТЕКСТЕ: СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

Литвинова Татьяна Александровна

*канд. филол. наук, докторант,
науч. сотр. Регионального центра русского языка
при Воронежском государственном педагогическом университете,
г. Воронеж
E-mail: centr_rus_yaz@mail.ru*

Середин Павел Владимирович

*канд. физ.-мат. наук, с. н. с.
Воронежского государственного университета,
г. Воронеж
E-mail: paul@phys.vsu.ru*

FINDING LIE MARKERS IN A WRITTEN TEXT

Litvinova Tatyana

*PhD in Philology, scientific fellow of Regional Centre of Russian Language
(Voronezh State Pedagogical University), Voronezh*

Seredin Pavel

*PhD in Physics and Mathematics, senior scientific fellow of Voronezh State
University, Voronezh*

*Авторы выражают глубокую благодарность Российскому фонду
фундаментальных исследований за финансовую поддержку проекта
(№ 13-16-00016).*

АННОТАЦИЯ

На основе анализа научной зарубежной литературы установлено, что выявление маркеров лжи в письменном тексте должно проводиться на большом корпусном материале реальных, а не художественных текстов. Необходимо применять методы NLP для автоматического извлечения значений параметров текстов

и определять веса таких параметров с использованием современного аппарата математической статистики.

ABSTRACT

On the basis of analysis of modern foreign studies it has been found that revealing lie markers in a written text should be performed on large corpus of real, not fiction, texts. It is essential to apply NLP methods for automatic extraction of the values of text parameters and for determining the weights of such parameters with the use of modern methods of mathematic statistics.

Ключевые слова: лингвистика лжи; ложь, маркеры лжи, текст, корпусная лингвистика.

Keywords: linguistics of lie, lie, lie markers, text, corpus linguistics.

Как было отмечено нами ранее (см. статью Литвиновой и др. «Прогнозирование истинности/ложности высказывания как одно из направлений моделирования личности автора письменного текста» в настоящем сборнике), выявление маркеров лжи в письменном тексте (языковые маркеры лжи, далее — ЯМЛ) — задача, только недавно получившая освещение в российской лингвистике. В данном вопросе в российской науке приоритет принадлежит психологам, но выводы в основном интуитивны, сделаны для отдельных жанров (в частности, показаний), не апробированы на большом корпусном материале с привлечением математических методов анализа данных.

В зарубежной науке, однако, уже несколько лет предпринимаются попытки поиска маркеров лжи в письменном тексте путем применения методов статистической обработки и обработки естественного языка (NLP)¹. Так, в 2012 году американские учёные из SAS Institute разработали своеобразный детектор лжи — программное обеспечение для проверки текстов на правдивость. SAS Institute, известный своими разработками систем безопасности для банков и телефонных компаний, представил программный продукт, который анализирует любой текст в электронном виде

¹ *Natural language processing (обработка естественного языка, NLP) — область исследований на стыке искусственного интеллекта и математической лингвистики, использующая компьютеры для изучения и порождения естественного языка.*

(например, содержание электронной почты) и находит в нём признаки лжи.

«Языковые конструкции меняются, когда человек неуверен, сомневается или лжёт, — сообщил Питер Доррингтон (Peter Dorrington), менеджер SAS. — Наша программа сравнивает основные слова и грамматические конструкции с текстами, выбранными в качестве образцов или, если хотите, эталонов и в результате обнаруживает вероятную неправду. Это может не быть ложью — просто неуверенность или сомнение» [8]. Отметим, что человек без специальной подготовки определяет ложность/истинность письменного сообщения с точностью, лишь на немногим превышающей случайную величину [5].

Мы не можем проверить валидность данной программы, т. к. ее нет в открытом доступе, однако факт их создания говорит о внимании к данной проблеме. Мы считаем, что современное состояние науки пока еще не позволяет создавать эффективные программные средства для идентификации лжи в письменном тексте, однако убеждены, что математические методы и методы области наук, как обработка естественного языка, должны использоваться для анализа данных и установления корреляций между тем или иным языковым параметром и истинностью/ложностью текста.

Однако письменная речь как носитель маркеров лжи лишь недавно стала предметом изучения ученых и на Западе. В основном изучалась устная речь. Первый метод зародился в 1950-х годах, когда Undeutsch (он и ввел в оборот термин «лингвистика лжи») разработал технику для анализа рассказов детей, содержащих обвинения взрослых в жестоком обращении. В широком смысле между ложными и правдивыми высказываниями есть существенные различия [9]. Следовательно, лжецов можно идентифицировать — не по тому, **что** они говорят, а по тому, **как** они говорят.

В предыдущих исследованиях было убедительно доказано, что существуют ЯМЛ как в устной, так и в письменной речи (Buller, Burgoon, Buslig and Roiger 1996; Burgoon, Buller, Afifi and Feldman 1996; Zuckerman et al. 1981). Материалом такого рода исследований в зарубежной науке выступали в основном интервью, допросы, наблюдения. Большинство исследований связано с ручной обработкой данных. В связи с этим необходимо искать объективные маркеры, которые легко вычислить и классифицировать. К тому же эти ЯМЛ должны быть независимыми от контекста. Современные возможности NLP, как представляется, помогут установить новые ЯМЛ.

Работа **Automating Linguistics-Based Cues for Detecting Deception in Text-based Asynchronous Computer-Mediated Communication (2004)** [12] одна из первых затрагивает проблему автоматизации выявления лжи в письменном тексте. Проведенный авторами эксперимент проверял эффективность такого подхода на материале текстов интернет-коммуникации, не предполагающих мгновенный ответ. 27 маркеров из предыдущих исследований были объединены в 9 групп. Показано, что языковой анализ эффективен для выявления лжи в тексте; некоторые из проанализированных маркеров были очень эффективны, другие не показали эффективности; были выявлены новые эффективные маркеры лжи. Показано, что установление таких параметров невозможно без наличия большого корпуса текстов и их анализа с применением NLP (морфологических и синтаксических парсеров, таггеров и пр.).

Авторы указывают на то, что поиски ЯМЛ и работы по автоматическому распознаванию лжи ведутся в настоящее время обособленно, что неправильно. До настоящего времени компьютер использовался лишь для того, чтобы сделать статистический анализ, а значения языковых параметров извлекаются вручную (Akehurst et al. 1995; Höfer et al. 1996; Köhnken et al. 1995; Ruby and Brigham 1998; Sporer 1997; Vrij et al. 2000).

Авторы делают вывод о том, что, несмотря на все сложности, автоматизированное определение лжи в тексте — достижимая цель, но крайне необходимы дополнительные исследования для того, чтобы найти эффективные маркеры лжи и технические средства для работы с более сложными маркерами. Значительные результаты, полученные в данном исследовании, показали, что вычислительный метод является очень полезным для решения данной проблемы.

Сложные маркеры, требующие, например, глубокого семантического анализа, безусловно, могут быть эффективны, но их рассмотрение замедляет процесс автоматизации нахождения маркеров.

В работе **Verification and Implementation of Language-Based Deception Indicators in Civil and Criminal Narratives (2008)** [3] исследователями ставилась задача определить ложные и правдивые сообщения в транскрибированных текстах с использованием NLP. Исследователи проанализировали имеющиеся работы по языковым маркерам лжи, затем была проведена автоматическая разметка имеющегося корпуса. После этого по частотностям параметров текста можно определить, ложный или правдивый текст перед нами. Отметим, что корпус полностью составлен из реальных текстов из практики работы полиции — допроса, показаний участников

уголовного дела и пр. Каждый текст был размечен с позиции ложный/правдивый. Математический аппарат — дерево регрессий. Полученная модель определяла ложность/правдивость высказываний с точностью 69,7 %, причем 93 % ложных высказываний были верно классифицированы. Отметим, что в данном случае были также применены экспертные оценки, и математическая модель намного превосходила по точности распознавания истинных/ложных утверждений экспертов.

Работа **On Lying and Being Lied To: A Linguistic Analysis of Deception in Computer-Mediated Communication (2008)** [6] посвящена исследованию изменений как в речи лжеца, так и в речи его собеседника на материале текстов синхронной интернет-коммуникации. Анализ 242 транскрибированных записей обнаружил, что лжецы продуцируют более длинные тексты, используют больше слов, связанных с каналами восприятия (видеть, слышать), используют меньше местоимений для самореференций, больше — для наименования других людей. Кроме того, мотивированные лжецы избегают каузаций, а немотивированные употребляли много отрицаний. Партнеры по диалогу также изменяли свое речевое поведение в случаях бесед со лжецами, хотя и не знали о самом факте лжи. Они задавали больше вопросов, предложения становились короче, а также изменяли определенные характеристики речи в соответствии с таковыми у лжецов.

О важности изучения маркеров лжи именно в письменном дискурсе может свидетельствовать тот факт, что к примеру, агентов ФБР для выявления лжи в показаниях подозреваемых учат так называемому **анализу высказываний** (statement analysis). Перед допросом агент просит подозреваемого сначала изложить на бумаге свою версию событий, читает ее, анализирует со следующих позиций: частей речи — это основа метода (лицо глаголов, местоимений и пр., при этом содержание текста не анализируется); с позиций речевой избыточности; с позиций появления слов категории возможности; тема-рематическая структура предложения; а затем уже строит допрос, исходя из проведенного анализа (подробнее см. в работе сотрудницы ФБР S.H. Adams [2]). Также письменная речь в силу своей природы (материальный носитель всегда имеется) более пригодна для анализа, чем речь устная. Важно: необходимо получить от испытуемого образцы правдивых текстов (например, просят написать, как он провел сегодняшний день), чтобы знать, что для него является нормой, какие отклонения следует искать в тексте.

Позже в своей диссертации (2002) она продолжила и развила исследования на данную тему. База исследования — реальные тексты 60 подозреваемых и потерпевших, истинность/ложность которых была известна. Построенная автором регрессионная модель, использовавшая языковые маркеры лжи, позволила классифицировать тексты с точностью 81,2%. Оценены веса каждого параметра текста в модели определения истинности/ложности. Автор делает вывод, что исследование подтвердило гипотезу Undeutsch (1967) о том, что правдивые тексты отличаются от ложных как по структуре, так и по наполнению.

Проводу такого подхода доказывают и другие поздние исследования. Так, авторы работы 2003 года **Lying Words: Predicting Deception From Linguistic Styles** [7] при помощи компьютерной программы составили своеобразный лингвистический профиль лжи и затем предсказывали ложность/истинность высказываний из контрольной выборки. Исследование показало, что особое внимание следует уделять не содержательному уровню текста, а грамматическому, в частности, служебным словам и местоимениям. Лживые тексты менее сложны, в них меньше самоотсылок, больше отрицаний и слов с отрицательной оценочностью.

Магистерская диссертация Zhang (2010) **LingCues — A Linguistic Cues Software Tool For Text-based Automatic Deception Detection Research** [11] посвящена описанию разработанного автором программного обеспечения (LingCues) для автоматизированного определения лжи в письменном тексте. Программа автоматически вычисляет значения параметров текста, которые, по предыдущим исследованиям, признаны релевантными для решения данной задачи. С помощью программы можно создать новые языковые ключи и использовать их в исследованиях.

В своей магистерской диссертации **Caroline Amie Connell** (2012) [4] систематизирует и продолжает исследовать языковые маркеры лжи. Участники эксперимента писали правдивые и лживые утверждения на тему Маркеры были разделены на 4 группы: связанные с негативными эмоциями, с отстраненностью от автора; с желанием показаться правдивым, с высокой мыслительной нагрузкой, связанной с ложью. Было показано, что вес этих маркеров неодинаков в реальном сообщении. Опять исследуются тексты интернет-коммуникации. Опять утверждается, что такие тексты легко поддаются NLP, хотя эта задача только начинает решаться. Сделан вывод, что маркеры зависят от типа личности и от ситуации.

Мы видим, что почти все из проанализированных нами работ датированы 2011—2012 годами, что говорит о том, что данная проблема только начинает разрабатываться, причем разрабатываться активно, находится, что называется, «на переднем крае» науки.

Мы считаем, что для проверки различительной способности маркеров лжи, обнаруженных на материале других языков (в основном для американского английского), и выявления новых маркеров следует создать корпус текстов, обработать его с применением современных средств NLP, затем оценить веса тех или иных маркеров для выявления ложного текста.

Затем ложные тексты можно представить аудитории для оценки (аргументированной) ею степени их достоверности, дабы уяснить, какие из маркеров лжи распознаются адресатами.

При выборе характеристик текста, способных быть маркерами лжи, необходимо в первую очередь опираться на те, которые могут быть извлечены из текста автоматически. На настоящий момент самыми надежными являются морфологические парсеры, определенную точность дают синтаксические парсеры. Семантические анализаторы к настоящему времени дают очень много ошибок и были исключены из исследования.

На основе многочисленных оценок разных методов и парсеров мы выбрали свободно распространяемый парсер фирмы Xerox как наиболее надежный и достоверный, а также предлагающий широкие возможности в плане разнообразия выявляемых параметров. Мы выбрали в качестве базовой программы для анализа письменного текста и транскрибированных записей устной речи программу GATE (General Architecture for Text Extraction). Далее результаты анализа передаются в программу для статистического анализа данных: дискриминантного, регрессивного, дерева решений нейронных сетей и пр. Исследования предыдущих авторов показали, что все эти методы могут быть использованы, если берутся только значимые параметры текста.

Система для автоматизированного выявления лжи в письменном тексте может быть основана на методах машинного обучения, с помощью которых вычисляются веса маркеров, рассмотренных в предыдущих исследованиях. Эти маркеры далее могут быть использованы для создания профиля лживого сообщения в этом контексте. Наконец, значения маркеров в сообщении могут быть внесены как параметры в систему, которая обучается суммировать доказательства для предупреждения о высокой вероятности лжи в письменном тексте. Такой подход может определить разные

стратегии лжи, которые появляются в разных контекстах. Таким образом, основной чертой системы должна стать адаптивность к разным контекстам.

Список литературы:

1. Adams S.H. Communication under stress: indicators of veracity and deception in written narratives: PhD thesis. — Falls Church, Virginia, 2002. — 148 p.
2. Adams S.H. Statement Analysis: What Do Suspects' Words Really Reveal? // FBI Law Enforcement Bulletin. — 1996. — Vol. 65, Iss. 10. — P. 12—20.
3. Bachenko J., Fitzpatrick E., Schonwetter M. Verification and Implementation of Language-Based Deception Indicators in Civil and Criminal Narrative // COLING '08. Proceedings of the 22nd International Conference on Computational Linguistics. — 2008. — Vol. 1. — P. 41—48.
4. Connell C.A. Linguistic Cues to Deception Blacksburg: M.A. thesis. Blacksburg, VA, 2012. — 92 p.
5. Frank M.G., Feeley T.H. To catch a liar: Challenges for research in lie detection training // Journal of Applied Communication Research. — 2003. — № 31. — P. 58—75.
6. Hancock J.T., Curry L.E., Goorha S. On Lying and Being Lied To: A Linguistic Analysis of Deception in Computer-Mediated Communication // Discourse Processes. — 2008. — № 45. — P. 1—23.
7. Newman M.L., Pennebaker J.W., Berry D.S., Richards J.M. Lying words: Predicting deception from linguistic style // Personality and Social Psychology Bulletin. — 2003. — № 29. — P. 665—675.
8. SAS представляет текстовый детектор лжи: [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.membrana.ru/particle/2384> (дата обращения 10.04.2013).
9. Undeutsch U. Beurteilung der Glaubhaftigkeit von Aussagen // Handbuch der Psychologie. — 1967. — № 11. — S. 26—181.
10. Vrij A. Detecting Lies and Deceit: pitfalls and opportunities. — Chichester: John Wiley & Sons, 2008. — 488 p.
11. Zhang Sh. LingCues — A Linguistic Cues Software Tool For Text-based Automatic Deception Detection Research: M.Sc. thesis. — Soochow University, China, 2010. — 54 p.
12. Zhou L., Burgoon J.K., Nunamaker J.F., Twitchell D. Automating linguistics-based cues for detecting deception in text-based asynchronous computer-mediated communications // Group Decision And Negotiation. — 2004. — Vol. 13, № 1. — P. 81—106.

СЕКЦИЯ 3.
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

3.1. МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ
ЗВУКОВЫСОТНЫХ СИСТЕМ:
МЕТОД ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ**

Трубенок Елена Александровна

аспирант

*Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского,
г. Москва*

E-mail: etrubenok@yandex.ru

**CENTRAL ELEMENT OF PITCH SYSTEMS:
METHOD OF GEOMETRICAL MODELING**

Trubenok Elena

*postgraduate student of Moscow State Conservatory named after
P.I. Tchaikovsky, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В данной статье сделана попытка представить таблицу звуковысотных систем с центральным элементом (термин Ю. Холопова) как ее единицей измерения, который является тем самым неизменным, что объединяет все звуковысотные системы в эволюции музыкального мышления. Центральный элемент (ЦЭ), выполняющий в звуковысотной системе функцию тоники или центра, имеет, на наш взгляд, геометрические корни. Нами разработаны модели ЦЭ, представляющие собой взаимодействие окружностей. Алгоритм смены моделей

ЦЭ может рассматриваться как одна из версий неизменного закона эволюции музыкального мышления.

ABSTRACT

This article attempts to provide a table of pitch systems with a central element (Y. Kholopov's term) as its unit of measure, which is the very same thing that unites all pitch system in the evolution of musical thought. The central element (CE) that performs the function of tonic or center in a pitch system has, in our view, geometric origins. We have developed models of CE, representing the interaction of the circles. Algorithm of changes of CE models can be considered as a version of the law of constant evolution of musical thought.

Ключевые слова: центральный элемент звуковысотной системы; эволюция музыкального мышления; окружность.

Keywords: central element of pitch system; the evolution of musical thought; circumference.

Математический подход к изучению музыкальных явлений в течение многих столетий привлекал внимание ученых и не потерял актуальности и в наше время. Ж.Ф. Рамо принадлежит высказывание: «Музыка — это наука, которая должна обладать определенными правилами, эти правила должны быть выведены из неоспоримого принципа, а этот принцип не может стать нам известным без помощи математики» [6, с. 55].

Такой позиции придерживался и Ю.Н. Холопов (1932—2003), распространяя ее на область эволюции музыкального мышления. Он писал, что «история — это становящаяся во времени логика. И как обычно, развертывание логики допускает математическую обработку» [8, с. 85].

Холопов считал одной из актуальных проблем современного музыковедения познание музыкального логоса — смысла музыки как таковой, совокупности ее неизменных признаков, который можно обнаружить только в системе, общей картине эволюции музыкального мышления.

«Противоречивое и неравномерное развитие музыки», по словам Холопова, укладывается в «математически точную «табличку»... взаимодействием изменяющегося и неизменного» [8, с. 85]. В данной статье сделана попытка представить такую таблицу звуковысотных систем с ЦЭ как ее единицей измерения, который является тем самым неизменным, что объединяет все звуковысотные системы в эволюции музыкального мышления.

Центральный элемент (ЦЭ, термин Ю.Н. Холопова) — одно из важнейших понятий теории конструктивных элементов, разработанной Холоповым. Это основной конструктивный элемент звуковысотной системы, который выполняет в ней функцию тоники или центра. Его структура и исторические формы различны (аккорд, полиаккорд, одноголосный ладовый комплекс, отдельный звук, звуковая группа, серия и т. д.) [см. подробнее: 9, 10 и др. работы Ю.Н. Холопова].

Для составления таблицы звуковысотных систем нами были разработаны специальные модели ЦЭ, который, на наш взгляд, имеет геометрические корни. Модели основаны на геометрическом изображении ЦЭ, которое представляет собой вариант модели квинтового круга, а также опирается на аналогичные модели диаграмм Эйлера-Венна, применяющихся в математической теории множеств, и изображение химической молекулы бензола.

В изложении теории Холопова понятие ЦЭ дается в сочетании с некоторыми другими (исходный элемент, начальный элемент, главный, контрастный). Названия «исходный», «начальный», «главный», «контрастный» действительно характеризуют соответствующее им явление, в то время как термин «центральный элемент» указывает лишь на некий абстрактный центр. Попытаемся конкретизировать данное понятие.

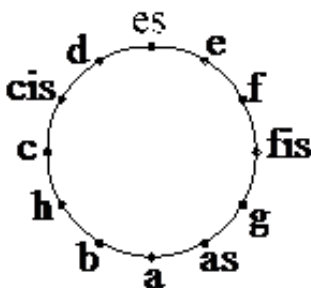

Рисунок 1. Кольцевая замкнутость хроматической гаммы

Представим хроматический звукоряд в виде круга. Звукоряд от некоторого звука, пройдя 12 ступеней хроматической гаммы, возвращается к тому же звуку в другой октаве (рис. 1). Такая кольцевая замкнутость, «встреча звукоряда с самим собой» наблюдается и в модели квинтового круга (если рассматривать темперированный строй и не принимать во внимание пифагорову комму).

Идея закольцованности модели отразилась не только в музыке, но и в химии — при создании изображения молекулы бензола (рис. 2). Открытие изображения молекулы этого химического соединения (1865 г.) принадлежит немецкому химику Фридриху Августу Кекуле. Ученый представлял себе углеродные цепи в виде змей, и идея цикличности соединения пришла ему во сне, когда воображаемая змея укусила себя за хвост [1].

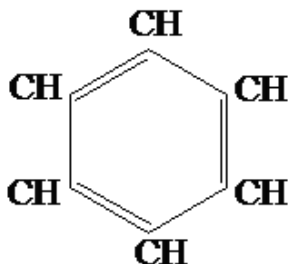

Рисунок 2. Молекула бензола C_6H_6

Обращение к модели круга обусловлено еще и тем, что круг и центр — понятия хорошо сопоставимые. Центр в геометрии — точка, равноудаленная от краев, что предполагает обращение к замкнутой геометрической фигуре («Окружностью называется фигура, которая состоит из всех точек плоскости, равноудаленных от данной точки (называемой центром окружности)» [3, с. 26]).

Модель ЦЭ должна быть способна к отображению всех активных измерений в звуковысотной системе, которую эта модель представляет. Современные научные теории выдвигают гипотезы многомерного пространства (например, теория струн) [4]. Данная модель отражает множество измерений (мелодия, гармония, сонорика и др.) с особой ведущей единицей в каждом из них.

Модель ЦЭ, состоящая из одного круга, изображает только одно измерение (горизонталь). Система трех измерений представлена на рисунке 3.

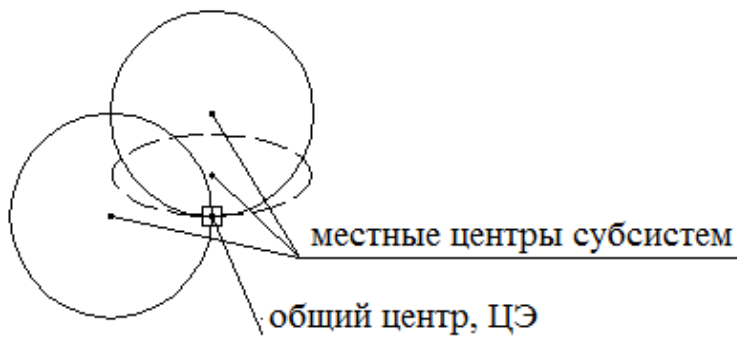

Рисунок 3. Система трех измерений

В каждом измерении, или subsysteme, есть свой, местный центр, но в то же время все три измерения соприкасаются в одной точке — общем центре. Если попытаться изобразить множество измерений и во всех направлениях от общей точки построить равные окружности, то эта точка действительно оказывается центром сферы [7], ее ЦЭ (рис. 4).

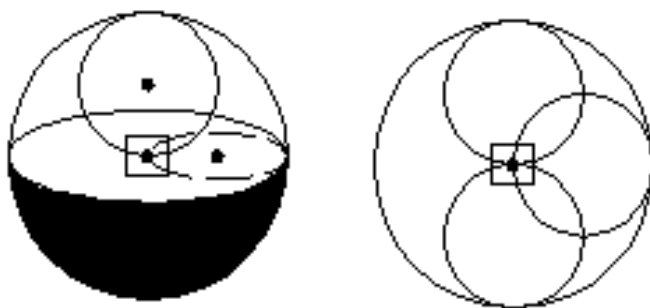
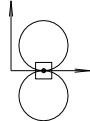
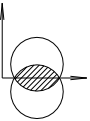
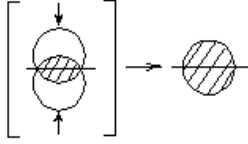
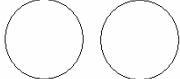

Рисунок 4. ЦЭ как центр сферы

Окружности в каждой модели системы могут соприкасаться не только в одной точке, но и накладываться друг на друга в разной степени вплоть до полного совпадения, а также могут не соприкасаться совсем. Область наложений представляет собой ЦЭ-точку в первом случае, ЦЭ-область — во втором, ЦЭ-систему — в третьем, и ЦЭ-обертон — в четвертом (табл. 1).

Таблица 1.

Типы моделей ЦЭ

	<p>ЦЭ единичен, когда окружности соприкасаются в одной точке.</p>
	<p>ЦЭ увеличивается, когда окружности пересекаются (ЦЭ — заштрихованная область).</p>
	<p>Если две окружности совмещаются полностью, вся система превращается в ЦЭ.</p>
	<p>Если окружности не имеют точек соприкосновения, ЦЭ — обертон.</p>

Следует особо отметить некоторую долю условности четвертой модели. Так как единицей измерения ЦЭ выбран звук и он обозначается точкой, обертон как феномен, являющийся частью звука, не может быть выражен геометрически. Модель не контактирующих между собой окружностей не указывает на отсутствие ЦЭ, но говорит о выходе в область обертонов.

Данные модели пересечений окружностей заимствованы из графических обозначений множеств в высшей математике. Модель ЦЭ-области совпадает с графическим обозначением произведения множеств при помощи кругов Эйлера, который ввел в математику данное обозначение множеств [см. подробнее: 5, 11] (рис. 5).

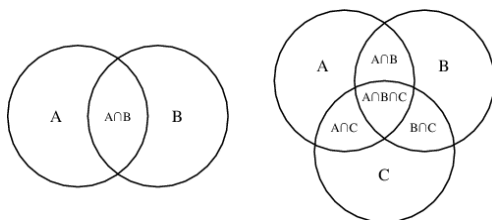

Рисунок 5. Диаграмма Эйлера-Венна [12]

Таким образом, два измерения могут взаимодействовать только четырьмя способами. Формирование моделей с большим количеством измерений основано на тех же четырех типах взаимодействия.

Присвоив каждой из звуковысотных систем подходящую ей модель, становится возможным сведение их в таблицу с целью выявить закономерности в смене звуковысотных систем в эволюции музыкального мышления (табл. 2).

Таблица 2.

Эволюция звуковысотных систем (сквозь призму моделей ЦЭ)

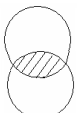
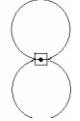

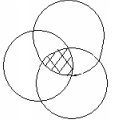
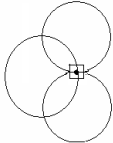

1	-	 олиготоника	-	 модальность
2	 тональность	 новая тональность	-	 гемитоника, (серийная техника, сериализм)
3	 сонорика, сонористика	 минимализм	 спектральный метод	 «новая сложность», пространственная музыка

Таблица 2 имеет три строки (или периода); в каждой из них представлены звуковысотные системы с тем количеством действующих измерений, которое соответствует номеру периода. В каждом периоде (в первом из них — в неполном виде) представлен

ную на определенном сочетании некоторого количества окружностей. Многочисленные модели образуют несколько устойчивых типов. Алгоритм смены моделей может рассматриваться как одна из версий неизменного закона эволюции музыкального мышления, который интересовал Холопова и который, по словам Рамо, «не может стать нам известным без помощи математики» [6, с. 55].

Данная статья является дополнением и переработкой ранней публикации: *Трубенко Е.* Геометрический смысл центрального элемента (ЦЭ) // Актуальные проблемы истории, теории и методики современного музыкального искусства и художественного образования. Сб. науч. трудов ОГИИ. Вып. 6 / Гл. ред. Б. П. Хавторин, сост. И науч. ред. В. А. Логинова. — Оренбург, 2009. — С. 179—192.

Список литературы:

1. Бензол. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://benzolsiroy.narod.ru/bc.html> (дата обращения 4.04.2013).
2. Глинка Н.Л. Общая химия / 24-е изд., испр. — Л.: Химия, 1985. — 702 с.
3. Гордин Р.К. Геометрия. Планиметрия. 7—9 классы / Учебное пособие. — 3-е изд., испр. — М.: МЦНМО, 2006. — 416 с.
4. Грин Б. Элегантная Вселенная: Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 286 с.
5. Круги Эйлера. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://eileracругi.narod.ru/istoriya> (дата обращения 4.04.2013).
6. Рамо Ж.Ф. «Traité de l'harmonie» // Материалы и документы по истории музыки. Т. 2 / Под ред. М.В. Иванова-Борецкого. — М., 1934. — С. 55.
7. Сфера // Энциклопедический словарь, 2009. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/89528/%D0%A1%D0%A4%D0%95%D0%A0%D0%90> (дата обращения 4.04.2013).
8. Холопов Ю.Н. Изменяющееся и неизменное в эволюции музыкального мышления // Проблемы традиции и новаторства в современной музыке. — М.: Сов. композитор, 1982. — С. 52—104.
9. Холопов Ю.Н. Очерки современной гармонии. Исследование. М.: Музыка, 1974. — 287 с.
10. Холопов Ю.Н. Современные черты гармонии Прокофьева. М.: Музыка, 1967. — 477 с.
11. Эйлера круги // Словарь по логике. М., 1997. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/logic/402> (дата обращения 4.04.2013).
12. Weisstein, Eric W. «Venn Diagram». [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://mathworld.wolfram.com/VennDiagram.html> (дата обращения 4.04.2013).

3.2. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

ЖУРНАЛ «GARO» — НОВОЕ ТЕЧЕНИЕ В МАНГА XX ВЕКА

Леонов Владимир Юрьевич

*аспирант Московской Академии образования Натальи Нестеровой,
г. Москва*

E-mail: Dante7r@yandex.ru

MAGAZINE «GARO» — A NEW TREND IN THE MANGA OF THE 20TH CENTURY

Leonov Vladimir Jure'vich

*graduate student of the Moscow education Academy of Natalia Nesterova,
Moscow*

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является рассмотрение и анализ творчества художников, сотрудничавших с авангардным журналом «Гаро» в период с 1964 года по 1973 год, а так же влияние их работ на развитие манга как направления современного изобразительного искусства.

ABSTRACT

The purpose of this article is review and analyze the work of painters who collaborated with avant-garde magazine "Garo" in the period from 1964 to 1973, as well as the impact of their works on the development of the manga as the direction of modern art.

Ключевые слова: манга, журнал, Гаро, гекига, художник, графический стиль, композиция, произведение.

Keywords: manga, magazine, Garo, gekiga, painter, graphic style, composition, artwork.

В 1964 году, в период расцвета gekiga, редактор Катуиичи Нагаи начинает издавать ежемесячный журнал «Garo», полностью посвящённый публикациям альтернативной манга. Это был «первый и самый продолжительный по выпуску журнал андеграундной манга в Японии. <...> В течение шестидесятых и начала семидесятых годов «Garo» был фаворитом у студентов и интеллигенции» [7, с. 381]. Главным в редакционной политике Нагаи было то, что он стремился сделать «Garo» журналом без ограничений — жанровых, стилистических, коммерческих. Художники, создавая свои произведения, могли обращаться к инновационным стилям графического исполнения и структурам повествования. В своей книге «Комиксы, манга, графические новеллы: графически рассказанные истории» Роберт С. Петерсен, доктор философии, адъюнкт-профессор Университета Восточного Иллинойса, пишет: «В таких изданиях, как Garo, художники получили возможность экспериментировать, обращаясь к более сложным темам» [5, с. 179].

Главное отличие «Garo» от других журналов манга, издаваемых в Японии, заключалось в том, что он не был ориентирован на какой-либо определённый жанр — его жанровая принадлежность изменялась по мере развития журнала и зависела от определённого периода времени. Так работы, публикуемые в «Garo» в его ранний, относящийся к середине шестидесятых годов XX века, период, были очень политизированы. В то время авангардные художники воспринимали понятие «альтернативная манга», в первую очередь, как социальное, созвучное идеям gekiga, явление, поэтому «Garo» позиционировался как антивоенный, продемократический, политический журнал. Собственно «название журнала "Garo" <...> происходит не от звучания японского слова, обозначающего «художественная галерея», а от имени одного из персонажей-ниндзя из произведения Сэмпей Ширато» [6, с. 131]. Именно его работа “The Legend of Kamuy” («Легенда о Камуи»), выпуск которой продолжался с 1964 по 1971 год, стала первым масштабным проектом “Garo”. “The Legend of Kamuy” — сага о классовой борьбе в феодальной Японии эпохи Эдо. Автор поднимает вопросы эксплуатации, дискриминации и насилия в обществе, однако, хотя речь в произведении идёт о средневековье, очевидно, что эти темы актуальны и для современности. В “The Legend of Kamuy” Ширато Сэмпей создал захватывающую и напряжённую историю о nukenin — беглом ниндзя, сохранив идеальный баланс между мощной графикой, сильными драматическими рассказами и социально-политическим заявлением. Поскольку данное произведение относится к виду манга — gekiga,

графический стиль в нём реалистичный, даже натуралистичный, но более шероховатый и грубый, что усиливает тяжёлое впечатление от сцен насилия и жестокости, частая смена ракурсов передаёт динамику битв, а панорамные пейзажи, выполненные смелыми, экспрессивными штрихами, создают общее настроение композиции.

К концу шестидесятых годов XX века направленность журнала меняется — искусство становится важнее политики, понятие «альтернативная манга» получает современное толкование. В этот период времени в “Garo” работают такие выдающиеся художники как Ёсихиро Тацуми, Ёшихару Тсуге и Сэйити Хаяси.

В Японии Ёшихару Тсуге считается культовым художником, однако очень мало его произведений было переведено на другие языки. «Существуют различные теории того, почему так мало работ Тсуге были переведены. Некоторые утверждают, что его работы слишком сложные, другие — что, как правило, Тсуге был против перевода его работ из-за того, что манга при переводе на английский язык получается «перевернутой», это означает, что оригинальная японская манга читается справа налево, а её издания на европейских языках напротив — слева направо. То есть Тсуге не нравились структурные изменения, которые неизбежно были бы внесены в его произведения при переводе» [2, с. 477]. Тем не менее, именно работы таких художников как Ёшихару Тсуге повлияли на восприятие манга как направления изобразительного искусства, сделали манга предметом, требующим всестороннего изучения.

Творчество Ёшихару Тсуге многогранно — его короткие, не более сорока страниц, работы охватывают весь сюжетный диапазон: от тем исторических до фантастических, от нигилистических сказок до автобиографических повествований. Графический стиль в произведениях Тсуге меняется от истории к истории и, в зависимости от конкретной работы, может быть реалистичным, гротескным, сюрреалистичным, утончённо-лиричным, карикатурным и снова реалистичным. В своей статье “The Incident at Nishibeta Village: A Classic Manga by Tsuge Yoshiharu from the Garo Years” («Инцидент в деревне Нишибета: Классическая манга Тсуге Ёшихару периода Garo») доктор философии, профессор социальной антропологии факультета международных исследований Мейдзи Гакуин, Том Гилл, говоря о неоднозначности трактовки произведений Ёшихару Тсуге, отмечает: «Его рассказы не тайно закодированные послания с идентичным поверхностным повествованием и психосексуальным подтекстом. <...> Скорее они намеренно расплывчаты и двусмыс-

ленны, не кроссворды, но коанами, рассказы, приглашающие читателя думать, искать смысл» [2, с. 489].

Помимо этого, Ёшихару Тсуге считается родоначальником автобиографических повествований в манга, которому позднее критики дали наименование “watakushi-manga” (дословно «манга про меня») — в свою работу “Chiko” («Чико»), изданную в 1966 году, он, для достижения большей реалистичности и достоверности, включил элементы собственной биографии.

Самой известной из работ Ёшихару Тсуге, опубликованных в журнале “Garo”, считается gekiga “Neji-Shiki”, изданная в 1968 году. В английском варианте — а это одно из немногих переведённых произведений Тсуге — “Screw-Style” («Винт-стиль»). Эта работа, как и другие произведения Ёшихару Тсуге, полностью отвечает критериям артауса как интеллектуально-концептуального течения в современном изобразительном искусстве. “Neji-Shiki” это мрачная сюрреалистичная история, изобилующая метафорами и символами. В ней рассказывается о мальчике, который после укуса медузы, ищет доктора способного залечить его порванную артерию. Полуобнаженный, он бродит по рыбацкой деревне, но никто не хочет помочь ему. Наконец причудливые обходные пути приводят его к женщине-доктору, которая скрепляет его артерию железным устройством с винтовым клапаном. В завершении, мальчик плывёт на лодке по морю, вдалеке видны очертания покинутой им деревни, он показывает винт на своей руке и говорит: «И вот, когда я затягиваю винт, моя рука немеет». Возможно, отсюда и происходит английский вариант названия произведения. Винт можно так же рассматривать как символ некоторой секвенции сюжета — поиски доктора, нарастающий страх мальчика, его уход и возвращение в деревню, море как место начала и окончания истории. Здесь, как и в других своих работах, Тсуге использует неоднозначный стиль повествования — отдельные страницы, по сути, фрагменты, складываются в своеобразный «скелет» рассказа.

Несколько рваное содержание “Neji-Shiki” компенсируется высочайшим уровнем художественного исполнения. В данной работе автор отказался от полностью чёрно-белого изображения — некоторые страницы выполнены с добавлением кирпичного, почти кровавого, цвета, что подчёркивает настроение тревожности и, порой, безысходности, которым проникнуто произведение. Все перипетии сюжета Тсуге отображает опираясь на множество графических стилей: гротескный, реалистичный, абстрактный, сюрреалистичный. На одних страницах Тсуге тщательно прорабатывает каждую деталь,

на других — лишь обозначает тему лаконичными штрихами. Смена образов, подчинённая собственной внутренней логике, создаёт особую фантазмагорическую атмосферу произведения — похожие на погостные кресты, палки для сушки одежды, с развивающимися рубашками; негостеприимная деревня; фотографически точно изображённый поезд; улица со множеством вывесок с эмблемой глаза; одинокие железнодорожные пути со странными, без надписей, дорожными знаками по сторонам. Так же, Тсуге использует очень интересный, с точки зрения графического решения, приём для того, чтобы выразить настроение персонажа — он обрезает часть лица границей рисунка или почти полностью скрывает черты лица. Например, это может быть лишь тёмный силуэт с одним лишь глазом.

Уникальность работ Ёшихару Тсуге заключается в бесконечности их интерпретаций. В своей книге “60 Years of Japanese Comics” публицист, писатель, известный исследователь манга и комиксов Пол Граветт, анализируя влияние творчества Ёшихару Тсуге на развитие манга, пишет: «Тсуге помог освободить манга от ограничений повествования, сделал её более поэтичной» [3, с. 134].

Одним из ведущих художников лирической экспериментальной манга был Сэйити Хаяси. Его своеобразный стиль, соединяющий в себе влияние традиционного японского искусства и немецкого экспрессионизма, в сочетании с необычными композиционными решениями, позволяет говорить о нём как об авторе, чьи поэтичные и элегантные произведения имеют мало аналогов в манга как направлении современного изобразительного искусства. Самой известной работой Сэйити Хаяси считается *gekiga* “Akairo Elegy” («Красная элегия»), вышедшая в журнале “Garo” с 1970 года по 1971 год. В данном произведении графически выраженная эмоциональная составляющая превалирует над сюжетом, в центре которого юноша и девушка, живущие вместе вне брака (что для Японии того времени было почти немислимо), он — начинающий мангака, она — сотрудник анимационной студии. Это история о любви, ошибках, сомнениях и отдалении, долге перед родителями. И так же это история о становлении главного героя как художника. Главной темой “Akairo Elegy” является жертвенность — жертвы, которые приносят герои ради своей любви, творчества, и в итоге жертвующие своей любовью. Можно предположить, что данное произведение полуавтобиографично — как и главный персонаж, Хаяси в начале своей творческой карьеры работал на анимационной студии, а его первая работа, предложенная им журналу “Garo”, так же, как и работа главного персонажа, была отвергнута.

В “Akairo Elegy” мало текста — содержание раскрывается при помощи коротких, почти абстрактных сцен, служащих для передачи эмоционального состояния персонажей: брызги чернил, напоминающие кровь, луна с кричащим человеческим лицом, по которому текут чёрные слёзы, фрагмент киноплёнки. Здесь заметно влияние немецкого экспрессионизма в контексте «отказа от действительности ради погружения в субъективные переживания» [1, с. 322], когда «... художники искали новую агрессивную гармонию, вобравшую в себя дискомфорт жизни, тревогу. Цвет, считали экспрессионисты, обладает собственным смыслом и способен вызывать определённые эмоции» [1, с. 322]. Вот как трактовал значение символа «красного цвета» в “Akairo Elegy” сам Сэйити Хаяси, выступая на конференции “Les territoires de la bande dessinée” («Территории комиксов»), проводившейся Центром Помпиду в феврале 2010 года: «... красный цвет выступает в роли символа семейных отношений, а так же он символизирует страсть и любовь главных героев» [4]. Другие метафорические образы, — звёзды, выступающие символом мечты, которая выше повседневной жизни, или цветущая сакура, символ из традиционного японского искусства, подразумевающий мимолётность жизни, молодости, красоты, — сливаясь с реальностью, создают ощущение особой поэтики, и ею проникнуто всё произведение. Помимо этого автор, для того чтобы подчеркнуть эмоциональную изоляцию персонажей, использует ещё одну визуальную метафору — он никогда не показывает их лица анфас, а только в профиль, или, в три четверти. В некоторых случаях, Хаяси совсем не прорабатывает лица героев, а лишь намечает их контуром, — напряжённое состояние передаётся при помощи каких-либо других деталей: например, поднятой руки.

Художественный стиль изображения персонажей в “Akairo Elegy”, выполненный в упрощенной манере, характеризуется чистотой и точностью линий — при минимальном обозначении автор достигает полной выразительности образов, а применение линейно-плоскостного типа изображения, с использованием пятен чёрного, белого или серого цвета, позволяет провести некоторую аналогию с традиционным японским изобразительным искусством. Однако иногда Хаяси рисует крупные планы лиц в фотореалистичной манере.

Ещё одним средством выражения эмоционального состояния героев в “Akairo Elegy” является пластический язык — положение головы, тела, рук, — в некоторых случаях, вместо передвижения в пространстве, Хаяси передаёт внутреннее напряжение персонажа через статику: например, склонённую фигуру. Фон в данном произведении в большинстве случаев содержит незначительное

количество деталей, а иногда это только белое пространство. Драматизм композиции достигается за счёт контраста чёрных и белых поверхностей фигуры персонажа и свободных штрихов или капель чернил. А повторение образов и связей на одной странице (с незначительными изменениями) своей последовательностью напоминает кадры киноплёнки и создаёт ощущение плотности повествования, выходящее за рамки сюжета.

Главное достоинство gekiga “Akairo Elegy” заключается в том, что в ней история эмоциональных состояний, при почти полном отсутствии сюжета (в традиционном понимании), раскрывается при помощи ряда эстетических методов. Данное произведение представляет собой яркий пример вневременной визуальной поэзии в контексте синтеза литературы и изобразительного искусства, которое и в настоящее время воспринимается как альтернативное.

Рассмотренный период времени, с 1964 года по 1973 год, считается расцветом “Garo”. Журнал “Garo” неизменно был в авангарде манга, объединяя известных художников и привлекая новые таланты. Их работы оказали огромное влияние не только на развитие манга, но и на японскую культуру в целом, включая музыку, кино и театр. Именно журнал “Garo” доказал, что манга как уникальное художественное явление достойна быть объектом фундаментального научного исследования.

Список литературы:

1. Геташвили Н.В. Атлас мировой живописи. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 368 с.
2. Gill T. The Incident at Nishibeta Village: A Classic Manga by Tsuge Yoshiharu from the Garo Years // International Journal of Comic Art, Vol. 13, № 1, Spring 2011. — 474—489 pp.
3. Gravett P. Manga: 60 Years of Japanese Comics. London: Laurence King Publishing Ltd, 2004. — 176 pp.
4. Le centre pompidou (по материалам официального сайта). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.centrepompidou.fr/cpv/ressource.action?param.id=FR_R-a21991c0235a8cc25db2ce87105f6de1¶m.idSource=FR_E-ee5910a34e826e63d394566a2efd7454 (дата обращения: 20.05.2013).
5. Petersen R. Comics, Manga, and Graphic Novels: A History of Graphic Narratives. Santa Barbara: Praeger Press, 2011. — 274 pp.
6. Schodt F. Dreamland Japan: Writings on Modern Manga. Berkeley: Stone Bridge Press, 1996. — 360 pp.
7. Thompson J. Manga: The Complete Guide. New York: Random House, 2007. — 556 pp.

СЕКЦИЯ 4.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

4.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРИНЦИП АНТИНОМИЧНОСТИ В СЮЖЕТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНОВ «ДОКТОР ЖИВАГО» И «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Бондарчук Елена Михайловна

канд. филол. наук, доцент

*Самарского государственного аэрокосмического университета,
г. Самара*

E-mail: elena_bondarchuk@mail.ru

THE PRINCIPLE OF ANTINOMY IN THE STORYLINE ORGANIZATION OF THE NOVELS «DOCTOR ZHIVAGO» AND «THE BROTHERS KARAMAZOV»

Elena Bondarchuk

*candidate of philological sciences, associate professor of Samara State
Aerospace University, Samara*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме творческого диалога с Ф.М. Достоевским, в который средствами поэтики включается Б.Л. Пастернак. По предположению автора, Б.Л. Пастернак создает художественный мир романа по принципу антиномичности. Его действие рассматривается на примере одного из этапов в сюжетной организации романов «Доктор Живаго» и «Братья Карамазовы».

ABSTRACT

The article covers the problem of creative dialogue with F.M. Dostoevsky, in which included B.L. Pasternak by the funds of poetics. By assumption a conjecture of the author, B.L. Pasternak creates the artistic world of the novel on the principle of antinomy. Its action is considered on the example of one of the stages in the storyline organization of the novels «Doctor Zhivago» and «The brothers Karamazov».

Ключевые слова: литературный диалог; антиномичность; сюжетная линия героя; крупный план; детализация; общий план; суммарное изложение; сакральный мир; профанный мир.

Keywords: literary dialogue; the antinomy; the storyline of the hero; the major plan; detail; overall plan; a summary; sacral world; profaned the world.

Б.Л. Пастернаком поэтики Ф.М. Достоевского представляет собой сложное явление, изучать которое можно в разных аспектах. Один из них связан с сюжетной организацией романа «Доктор Живаго» и затрагивает проблему соотносительности «крупных» и «общих» планов в художественно воссоздаваемой предметности, которые составляют «весьма существенное звено построения литературных произведений» [8, с. 269]. Художественный способ, которому следует Б.Л. Пастернак, можно обозначить как антиномичный по отношению к художественному миру Ф.М. Достоевского, т. е. созданный вариант отражения художественной реальности при всей противоречивости не является спором-отрицанием, а дополняет картину бытия, работает на всеохватность и воссоздание ее целостности. Имеющаяся данность искусства «для вящей прочности» повторяется «с самого основания» в особом «пастернаковском» варианте: «еще шибче, горячее и цельнее» [5, с. 211]. Новое, по собственному определению Б.Л. Пастернака, «возникает не в отмену старого, как обычно принято думать, но совершенно напротив, в восхищенном воспроизведении образа» [5, с. 211—212]. В художественном целом, созданном Б.Л. Пастернаком, происходит, условно говоря, своеобразная «структурная мена» детализированных картин и суммирующих обозначений или, в другой терминологии, уровней «фокализации» и «генерализации» [6, с. 30]. События первого плана, представленные в сюжете у Ф.М. Достоевского развернуто, приобретают второстепенность и сжатость вплоть до детали у Б.Л. Пастернака, и, наоборот, намек, бегло обозначенная черта получают полновесное воплощение.

В данной статье действие антиномичного принципа рассматривается на примере фрагмента, связанного с комплексом событий, «завязывающим» (инициирующим) сюжетное действие и формирующим перспективу его развития в романе. При сопоставительном анализе вполне оправданно прибегнуть к использованию приема «статического среза» [1], который, благодаря «остановке кадра», делает возможным подробное рассмотрение фрагментов в их условной автономности относительно художественного целого.

В романах Б.Л. Пастернака и Ф.М. Достоевского комплексы «отправных» событий содержатся в третьей части первой книги «Елка у Свентицких» («Доктор Живаго») и книге второй «Неуместное собрание» («Братья Карамазовы»). Прежде всего выстраиваются антиномично сюжетные линии Юрия Живаго и его «двойника» Алеши Карамазова. Линия Живаго занимает центральное положение. Мысли, чувства, поступки Юрия представлены с различных ракурсов: повествователем и героем как субъектами речи, точкой зрения самого героя и его несобственно-прямой речью. Сюжетная линия Алеши Карамазова в книге «Неуместное собрание» остается на периферии повествования, прочерчивается пунктирно. Ее внешняя неприметность, дискретность контрастирует с той значимостью героя, которая обозначается повествователем в предисловии к роману.

Живаго представлен как герой, обретший «дар слова», что знаменует его преображение и, следовательно, завершение этапа накопления впечатлений о мире, этапа «молчания». Его первый монолог, обращенный к болеющей приемной матери Анне Ивановне, посвященный теме бессмертия и воскресения, является показателем его зрелости. «И он прочел ей экспромтом целую лекцию, сам удивляясь, как это у него вышло» [4, с. 65]. Импровизационность речи, ее цельность и убедительность, неожиданные для самого героя, подчеркивают глубину ее значения. Слова словно не принадлежат Живаго, а приходят извне, из недр бытия, как чудесное послание. Роль героя в этом случае вторична и вместе с тем чрезвычайно значительна: он открывает, являет мысль миру, не искажая ее первоначального облика. Произнесенное слово меняет конфигурацию его отношений с миром. Метаморфоза, новизна состояния отчасти обескураживает Юрия: «Черт знает что, — думал он, — я становлюсь каким-то шарлатаном. Заговариваю, лечу наложением рук» [4, с. 66]. Прямая речь героя по этому поводу дополняется в дальнейшем комментариями повествователя в сочетании с несобственно-прямой речью героя, подтверждающими его новое положение (эпизод похорон Анны Ивановны). «Десять лет назад <...> внешний мир обступал Юру

со всех сторон, осязательный, непроходимый и бесспорный, как лес, и оттого-то был Юра так потрясен маминой смертью <...> Совсем другое дело было теперь. <...> Сейчас он ничего не боялся, ни жизни, ни смерти, все на свете, все вещи были словами его словаря. Он чувствовал себя стоящим на равной ноге со вселенною...» [4, с. 84]. Открывшийся «дар речи» отражает установившееся равновесие внутреннего мира героя и внешнего, окружающего.

Алеша Карамазов в книге «Неуместное собрание» показан героем думающим, переживающим от нелепых поступков родственников, но прежде всего — молчащим в ключевых моментах происходящих событий. Его участие в разговоре в келье старца — невербальное (краснеет, готов заплакать, порывается поддержать физически немощного Зосиму). Герой находится в потоке событий внутренне, он чутко реагирует на любой поворот или «изгиб» ситуации. Восприятие Алешей центрального события — разгорающегося семейного скандала в стенах монастыря — дано пунктирно. Но это кульминационные точки в общем движении действия: в них отражены впечатления героя с чистым сердцем и, следовательно, остро воспринимающего нравственные деформации. Пунктир сюжетной линии Алеши Карамазова как лакмусовая бумага проверяет героев на умение выходить из замкнутого пространства эгоизма (статике) и действовать исходя из других посылок (нравственного чувства).

В сюжетных линиях героев важное место принадлежит «духовным наставникам» — Николаю Николаевичу Веденяпину, старцу Зосиме. Взаимоотношения «духовных отцов» и «сыновей» на этом этапе развития сюжета в романах также представляют собой антиномичную картину. Однако в образах «духовных отцов» есть черты сходства, и это не выглядит случайным. Оба имеют отношение к церкви. Веденяпин — расстриженный по собственному прошению священник, что, очевидно, связано с его неканоническим пониманием христианства, не укладывавшимся в церковные догматы. Зосима — духовное лицо особого рода. «В нем уже считалось третье преемничество старцев, и старец Зосима был из них последним, но и он уже почти помирал от слабости и болезней, а заменить его даже и не знали кем» [3, с. 33]. Глубокое знание жизни выражается в действенном характере их высказываний, адресованных людям. Книги Веденяпина расходятся на разных языках. После беседы со старцем «многие, почти все входившие в первый раз к старцу на уединенную беседу, входили в страхе и беспокойстве, а выходили от него почти всегда светлыми и радостными, и самое мрачное лицо обращалось в счастливое» [3, с. 36].

В главе «Елка у Свентицких» большая часть информации, касающейся Юрия и Николая Николаевича, находится вне рамок детализированного изображения и суммарных характеристик повествователя, т. е. в зоне недоговоренности. Эти умолчания остаются художественно значимыми «пробелами в ткани произведения» [8, с. 271], хранящими в себе тайну происшедшего. Основное содержание, отражающее суть отношений, выражено в виде тезисов, которые констатируют и конституируют биографические факты, где субъект речи (повествователь) и носитель точки зрения (Юрий Живаго) совпадают в оценке действительности: «дядино влияние двигало вперед и освобождало», «Юра понимал, насколько он обязан дяде общими свойствами своего характера» [4, с. 63]. Сформировавшаяся духовной близости, где доминирует позитивный, обогащающий вектор развития, идущий от дяди, не мешает пространственная удаленность героев друг от друга (Веденяпин живет в Лозанне). Книги Веденяпина позволяют Живаго находиться в постоянном диалоге с дядей. Об идейном содержании его произведений сказано также коротко, почти в жанре аннотации. «...Он развивал свою давнишнюю мысль об истории как о второй вселенной, воздвигаемой человечеством в ответ на явление смерти с помощью явлений времени и памяти. Душою этих книг было по-новому понятое христианство, их прямым следствием — новая идея искусства» [4, с. 63]. Создание книги, «куда бы он в виде скрытых взрывчатых гнезд мог вставлять самое ошеломляющее из того, что он успел увидеть и передумать», — это перспектива судьбы Живаго, которую он осознает и к которой движется. Но для такой книги еще не наступило время: «он был еще слишком молод...» [4, с. 63].

Модель соотношения «духовный отец — сын» в романе «Братья Карамазовы» строится в иных координатах. Зосима и Алеша находятся в одном пространстве, в тесном общении. Для Карамазова поведение старца, его образ действий представляет собой духовно-нравственную ось, относительно которой герой строит свое понимание происходящего. Отметим, что обретение «духовного отца» Алешей состоялось много позднее и самостоятельно, по сравнению с Живаго, которому духовный опекун «был дан» в десятилетнем возрасте и по родственной линии матери. Поэтому взросление Юрия — это развитие того, что заложено в нем Веденяпиным, а в случае с Алешей — это освобождение от карамазовских черт под благотворным влиянием «духовного наставника».

Эмоциональные реакции Алеши свидетельствуют о повышенной внимательности, чуткости героя к происходящему. В разворачи-

вающихся событиях, ориентируясь на своего духовного наставника, он учится видеть, точнее, прозревать иной план, скрытый от взгляда других. Тайна происходящего буквально заораживает его, лишая дара слова. С одной стороны, он не может действовать, выносить суждения, высказывать точку зрения, исходя из бытового, «профанного» плана, однако он еще недостаточно готов говорить из другого, «сакрального» плана, который относится к высшему порядку. Для него это таинство, которое предстоит постичь, чтобы стать в него посвященным. По наблюдению В. Топорова, в романах Ф.М. Достоевского действия героев обусловлены их принадлежностью к «профанному» («феноменальному») или «сакральному» («ноуменальному») пространству и времени. Одни находятся под влиянием «среды» и «мелочей жизни», ждут «ненастоящих чудес», сохраняя в памяти лишь мнимые ценности. Другие в той или иной степени принадлежат к «духовному братству», склонны к интуитивным прозрениям, хранят в памяти сокровенное. Причем решение сверхзадачи, по мысли Ф.М. Достоевского, всегда происходит в сакральном центре пространства и в сакральной временной точке, т. е. в ситуациях, исходящих из понимания «порога» и «рубежа» двух разных состояний [7, с. 92].

Очевидной параллелью из романа «Доктор Живаго» является эпизод, где говорится о том, что Живаго обладал особым чувством, связанным с присутствием тайны жизни, чей «голос» заглушает «все остальное» и преследует героя. Повествование в этом фрагменте выстроено по принципу антитезы: противопоставления смерти, предстающей в грубом телесном облике (мертвец в морге), и жизни, присутствующей как эфемерность, как особое ощущение. Внешне рядовой факт биографии героя — занятия анатомией на первом курсе университета — переводится в ранг сакрального действия, непосредственного соприкосновения с тайнами бытия. «Мертвцов вскрывали, разнимали и препарировали, и красота человеческого тела оставалась верной себе при любом, сколь угодно мелком делении <...> В подвале <...> присутствие тайны чувствовалось во всем, начиная с неизвестной судьбы всех этих простертых тел и кончая самой тайной жизни и смерти, располагавшейся здесь в подвале как у себя дома или как на своей штаб-квартире» [4, с. 62—63]. Суммарные, сжатые сведения, которые сообщаются повествователем (субъектом речи) как факт, сменяются событием, которое детализированно иллюстрирует особенность таланта Живаго, начинающего проявляться во внешнем мире (речь, адресованная Анне Ивановне). В романе «Братья Карамазовы» соприкосновение героя с тайной бытия дано в развитии, воспроизводится в детализированной картине как явление

становящееся. Оно не в компетенции повествователя, поэтому не сопровождается его комментариями. К пониманию причастности Алеши к сакральному миру подводит реплика Зосимы, отправляющего героя за пределы монастыря: «— Ты там нужнее. Там миру нет. Прислужишь и пригодишься. Подымутся беси, молитву читай» [3, с. 91].

Представленные выводы о действии принципа антиномии в сюжетной организации романов имеют характер предположения в силу сложности проблемы исследования. Антиномичный концептуальный вариант художественной действительности, создаваемый Б.Л. Пастернаком, неизбежно «воскрешает» свой «полос», создавая пространство живого диалога. Это сродни «приему напоминания», который, по мнению американского слависта XX века Р.Л. Бэлнепа, активно использовал Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы», «чтобы преодолеть противоречие между многомерным действием и одномерным сообщением о нем» [2, с. 79].

Список литературы:

1. Альми И.Л. О сюжетно-композиционном строе романа «Идиот» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://komdost.narod.ru/izd.htm> (дата обращения 20.10.2012).
2. Бэлнеп Р.Л. Структура «Братьев Карамазовых». — СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. — 144 с.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: Роман. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — 896 с.
4. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: Роман. — Куйбышев: кн. изд-во, 1989. — 528 с.
5. Пастернак Б.Л. Охранная грамота. Собрание сочинений. В 5-ти т. — Т. 4. Повести; Статьи; Очерки. — М.: Худож. лит., 1991. — С. 149—249.
6. Теория литературы. В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тмарченко. — Т. 1 / Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 512 с.
7. Топоров В. Поэтика Достоевского и архаические схемы мифологического мышления («Преступление и наказание») // Проблемы поэтики и истории литературы. Сборник статей. Саранск, 1973. — С. 91—109.
8. Хализев В.Е. Теория литературы. — М.: Высш. шк., 2000. — 398 с.

**НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ ПОНЯТИЕ
«ЧЕГЕМИЯ»
(РОМАН ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА
«САНДРО ИЗ ЧЕГЕМА»)**

Цколия Кристина Рудиковна

*аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического
факультета Российского университета дружбы народов,
г. Москва*

E-mail: tskolia@mail.ru

**THE MORAL CONCEPTS OF FAZIL ISKANDER
"CHEGEMIYA" AND "ENDURIYA"**

Tskolia Christina Rudikovna

*graduate student of Russian and foreign literature Faculty of Philology
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена таким авторским понятиям Фазилия Искандера как «Чегемия» и «Эндурия» в романе «Сандро из Чегема». Целью работы является выявления соотношения нравственных понятий писателя, их характеристика, сопоставление. Результаты исследования показывают, что Чегем — это не только географическая местность, но и философское понятие, используемое автором для создания особого мира, в котором творит добро. Чегем — это рай на земле, а его жители — воплощение всего любимого Искандером и родного. Что касается эндурства, то можно сказать, что это обратная сторона чегемства. Эндурцами являются равнодушные к народным обычаям люди, не помнящие и не ценящие то, что им передалось от предков.

ABSTRACT

The article is focused on the Fazil Iskander's concepts such as "Chegemiya" and "Enduriya" in the novel "Sandro from Chegem." The aim is to determine the relationship of moral concepts of the writer, their characteristics, comparison. The results of the study shows that Chegem is not only the geographical area, but also a philosophical concept, used by the author to create a special world in which reigns the good. Chegem is a

paradise on the earth, and its inhabitants are the embodiment of all that Iskander loves. As for “endurstvo”, we can say that this is the flip side of “chegemstvo”. Endurians are indifferent to the folk customs of the people who do not remember and appreciate ancestry.

Ключевые слова: Чегем, природа, пространство, Чегемцы и эндурцы, свои и чужие.

Keywords: Chegem, nature, space, Chegemians and Endurians, ours and others.

Пространственно-географический фактор является естественным национальным историко-культурным ядром, определившим в силу своей неизменности не только устойчивые черты бытовой, внешней стороны жизни народа, но и обусловившим во многом особенности его бытия, духовной организации, влияет на формирование характера, образ народа, нации.

Природа страны, ее пространственный рельеф не могут не оказывать определенного влияния на национальный характер, но в большей степени его детерминируют веками складывающиеся в сознании многих поколений образы и представления о национальном пространстве. Они всегда содержат некий общий историко-культурный код, универсальный топос национального пространства в самом широком контексте.

Абхазский образ мира — это образ гор и моря.

Герои Фазиля Искандера, в большинстве своем — несомненно, люди простора. О них нельзя сказать, что они рабы пространства, что они подавлены и придавлены им, но также нет оснований говорить об их власти над пространством. Их взаимоотношения близки к гармоничным. Восхищение, поклонение и гордость пронизывают героев, созерцающих родные просторы.

Характер героев большинства произведений писателя — это характер, сложившийся в условиях горной местности, села, деревни. Они неуютно чувствуют себя в городе, воспринимают его как нечто единое, неразделенное. Для них горы, леса, озера, реки — это жизнь, свобода, независимость.

Периферия родного пространства, находящаяся за пределами дома, исполнена враждебности, холодности и связана с тяжелыми нравственными мучениями, осознанием своей жизненной отторгнутости, неприкаянности, раздавленности. Органично герои романа чувствуют себя только в родном топосе, за существование которого чувствуют кровную ответственность.

Абхазец, пишущий по-русски, населил свой художественный мир многонациональным людским сообществом, в полном соответствии с этнографической реальностью, исторически сложившейся на Кавказе, и своим нравственно-эстетическим идеалом.

Абхазцы и армяне, русские и греки, украинец и еврей — в художественном мире Искандера нет места национальной розни, нет и акцента на проблемы межнациональных отношений.

Нельзя не отметить географическую общности Абхазии как таковой и Абхазии Искандера. В Мухусе (Сухуме) стоит бывший дом табачника Коли Зархиди; на набережной располагалась кофейня-кондитерская Алихана; можно найти и галерею, в которой была выставлена картина «Трое в синих макинтошах»; есть кофейня «Амра», где варил кофе Акоп-ага; в Гагре произошла встреча Сандро с принцем Ольденбургским и здесь же, в Гагре, расположен ресторан, где проводился пир хищников (рассказ «Пиры Валтасара»); на реальной Черной речке состоялась ловля форели, в которой принимали участие Сталин и Сандро. Здесь, не выходя за пределы Абхазии, Искандер сумел организовать и построить целый художественный мир, отражающий жизнь страны за несколько десятилетий.

Конечно же, центром всего художественного пространства писателя является Чегем — священное место, от которого исходят могучие силовые линии. Искандеровский Чегем является художественным отображением авторской модели мира. Он является в романе «Сандро из Чегема» понятием не столько географическим, сколько духовным, это некое мерило нравственности в людях и окружающем мире. Здесь присутствуют добро и зло, хитрость и добродушие, глупость и смекалка, красота и уродство. Горное село Чегем — это большой дом, родовое гнездо, из которого вышли все герои. С точки зрения Чегема дается верная оценка событиям, происходящим вокруг. Взаимоотношения людей здесь между собой и окружающей их природой восхищает, ведь природа — это и дом, и храм, она кормит, одевает, спасает, оберегает. И эта незамкнутость, открытость формируют особое мироощущение. Не может абхазец чувствовать себя нормально в замкнутом, закрытом пространстве. Все традиционные праздники отмечаются на открытом воздухе, на вынесенных на природу столах. Эту своеобразную модель мира Чегема отличает безусловное приятие бытия. Это главная особенность мира писателя. Искандер относится к жизни как к абсолютной, гармоничной целостности, в которой не присутствует ничего такого, от чего следовало бы избавиться.

«На одном из публичных вечеров Искандера спросили, почему он, воспевая родной Чегем, живет все-таки в Москве, — не слишком умный вопрос с некорректной подковыркой, от которого не грех отшутиться. Искандер тем не менее, наморщив лоб, стал отвечать со всей серьезностью, а закончил и вовсе мрачно: в Чегеме, сказал он, сейчас почти никого уже не осталось» [6, с. 32].

А в романе писатель говорит: «Моя голова — последний бастион защиты от цивилизации ... В бастионе моей головы последняя дюжина чегемцев (кажется только там она и осталась) защищает ее от лезущей во все щели нечисти ...» [3, с. 1102].

Образный мир романа делится на своих и чужих, то есть на чегемцев и эндурцев. Первые, безусловно, хороши, какими качествами они ни обладали бы. А вторые — это зла. Так кто же такие эти эндурцы?

«Мой немецкий переводчик Саша Кемпфе, прочитав «Сандро», вдруг спросил у меня: — Эндурцы — это евреи? — Начинается, решил я, но потом оказалось, что этот вопрос возбуждает любопытство разных народов. Эндурцев и кенгурцев я придумал еще в детском саду. Мой любимый дядя хохотал над моими рисунками, где я изображал бесконечные сражения двух придуманных племен. Потом любимый дядя погиб в Магадане, а эти придуманные народы всплыли в виде названия двух районов Абхазии. И теперь (только заткните кляпом рот психопату-психоаналитику) я скажу: эндурцами могут быть представители любой нации. Эндурцы — это и наш предрассудок (чужие), и образ дурной цивилизации, делающий нас чужими самим себе. Однажды мы можем проснуться, а кругом одни эндурцы, из чего не следует, что мы не должны просыпаться, а следует, что просыпаться надо вовремя. Впрочем, поиск и выявление эндурцев и есть первый признак самих эндурцев. Позднейший лозунг «Эндурское — значит отлично!» — ко мне никакого отношения не имеет» [3, с. 4].

Эндурцы могут быть разного происхождения, в том числе и абхазского. Эндурцы — это равнодушные к народным обычаям люди, не помнящие и не ценящие то, что им передалось от предков.

Так откуда вообще берутся эндурцы? Искандер, через уста своего героя дяди Сандро, предложил свою версию их появления: якобы эндурцев на каждом новом историческом этапе в Чегемию спускает на парашютах какое-то неизвестное, но враждебное государство. А когда герой рассказа, в котором излагается эта точка зрения Сандро, усомнился в верности такого мнения, дядя Сандро сказал: «—

Ты, как палка, все прямо понимаешь ... Для каждого времени свой парашют ...» [3, с. 470].

Эндурец по определению своему уже плох. Он зло. Может эндурцы сами и не виноваты? Может, они и не хотели бы ими быть, но судьба решила все за них. У дяди Сандро даже есть свое мнение и о раскаявшихся эндурцах, что они очень опасны, а может даже, наиболее опасны, чем простые эндурцы. «— Эндурец, признающий коварство эндурцев, — сказал дядя Сандро назидательно, — это и есть самый коварный эндурец. Признавая коварство эндурцев, он делает нас добродушными, а потом уже через наше добродушие еще легче добивается своих эндурских целей» [3, с. 473].

Возможно ли, что эндурство — это обратная сторона чегемства? Может быть, без Эндурии не было бы и Чегемии?

Как бы там не было, но для писателя Чегем — это рай на земле, а его жители — воплощение всего любимого и родного. У каждого человека должен быть приют, родной дом, очаг, где его встретят добродушно, где его ждут и всегда ему рады. Таким местом и является для Искандера и его героев Чегем, понятие географическое, философское, психологическое, понятийное, нравственное.

Список литературы:

1. Генис А. Творец Чегема. — Нью-Йорк: Новая газета, 06.03.2009. — № 23. — С. 2—6.
2. Иванова Н.Б. Смех против страха, или Фазиль Искандер. — М.: Советский писатель, 1990. 312 с.
3. Искандер Ф.А. Сандро из Чегема. — М.: ЭКСМО, 2010. — 1104 с.
4. Козель О.С. Проза Ф. Искандера. Мировидение писателя. Поэтика. Дисс. доктора филологических наук. — М., 2006. — 160 с.
5. Липовецкий М.Н. «Знаменитое чегемское лукавство»: странная идиллия Фазиля Искандера // Континент, 2000. — № 103. — С. 280—291.
6. Рассадин С.Б. После потопа. — М.: Правда, 1990. — 46 с.
7. Рассадин С.Б. Последний чегемец. — М.: Новый мир, 1989. — № 9. — С. 232—247.

4.2. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О ЗАРОЖДЕНИИ КАБАРДИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Хахова Аминат Борисовна

*старший лаборант кафедры русской литературы,
Кабардино-Балкарского государственного университета
им. Х.М. Бербекова,
г. Нальчик
E-mail: Khachova90@mail.ru*

ABOUT THE ORIGIN OF THE KABARDIAN LITERARY CRITICISM

Hahova Aminat Borisovna

*the senior laboratory assistant of the Department of Russian literature,
Kabardino-Balkarian state University by H.M. Berbekova, Nalchik*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблеме происхождения кабардинского литературоведения. Автор исследует формирование кабардинской литературы, оригинальность критических статей первого кабардинского писателей и публицистов.

ABSTRACT

This article is devoted to the problem of the origin of the Kabardian literary criticism. The author explores the formation of the Kabardian literature, the originality of critical articles of the first Kabardian writers and publicists.

Ключевые слова: кабардинская литература, кабардинская литературная критика, фольклор прозы, русская литература.

Keywords: the Kabardian literature, the Kabardian literary criticism, folklore prose, Russian literature.

Исследуя особенности первых этапов развития кабардинской литературы в целом и критики в частности, нельзя не отметить, что этот этап характеризуется овладением первооснов литературного творчества. Как и в других литературах народов Северного Кавказа, формирование и развитие кабардинской литературной критики происходило вместе со становлением национальной печати, издательского дела. Первые критические статьи и заметки появлялись на страницах газет, сыгравших большую роль в развитии молодой литературы.

Проблема формирования системы литературных жанров в определенной степени решена в трудах известных исследователей: Х. Баков «Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии» (1984); Л. Бекизова «Литература в потоке времени» (2008); А. Гутов «Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса» (2000); А. Мусукаева, Ю. Тхагазитов «Эволюция жанра романа в кабардинской литературе 50—80-х годов» (2010); З. Налоев «Послевоенная кабардинская поэзия (1945—1956)» (1970); Ю. Тхагазитов «Эволюция художественного сознания адыгов» (1996); А. Хакушешев «Али Шогенцуков» (1990); К. Шаззо «Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах» (1978) и другие.

Но отдельного исследования, посвященного проблемам истории кабардинской литературной критики, нет.

Как известно, в первые годы развития национальной литературы доминирующее положение занимала поэзия. Она сумела отразить характерные свойства нового времени и героя и определить наиболее значительные тенденции развития художественной мысли народа на новом историческом рубеже. Проза лишь осваивала подступы к большим жанрам, стремилась запечатлеть действительность в доступных ей формах; газетные статьи, очерки, заметки, небольшие рассказы. Следует отметить отличительную черту многих произведений этого периода — актуальность, ярко выраженная агитационность, обращенность к злободневным вопросам действительности, культурной революции и т. д.

Первые критические статьи о зарождающейся кабардинской литературе, о ее целях и задачах появляются в период 1930-х годов. Журнал «Революция и горец», издававшийся в Ростове-на-Дону, в 1932 году подчеркивал огромное значение литературы в области общественной жизни страны, Северного Кавказа и каждой национальной республики: «Значение литературы в условиях национальных областей огромно. Произведения горских поэтов и писателей делаются достоянием широких масс рабочих, колхозников, бедняков и середняков. Мы можем констатировать, что этот вид литературы

в горах пользуется особым успехом и он имеет огромное воспитательное влияние на массы [5, с. 54].

Молодые представители зарождающейся литературной критики отмечали: «Ни в кабардинской, ни в балкарской литературе еще не создано больших произведений. Писатели, к тому же, еще не овладели тематикой сегодняшнего дня, не освоили огромного обилия тем, предлагаемых кабардино-балкарской действительностью» [3, с. 11].

Литературная критика, ставя перед писателями большие цели и задачи, должна была прийти к мысли о том, что дело не в «овладении тематикой сегодняшнего дня», а в овладении развитой художественной культурой.

В газетах и журналах того времени нередко подчеркивалась мысль, что проза во многом отстает от поэзии: «...совсем отсутствует беллетристика, кроме отдельных попыток у черкесов и осетин» [4, с. 62].

Один из замечательных основоположников кабардинской художественной и критической литературы Х. Теунов в статье «Больше внимания кабардинской литературе» (1931) указывал, что в Кабардино-Балкарии нет еще ни одного прозаического художественного произведения.

Автор статьи, подчеркивая значительные успехи в народном и культурном строительстве в крае, отмечал факт отсутствия прозы в кабардинской литературе. Причину подобного явления Х. Теунов находил не в том, что в крае нет национальных писателей и поэтов: «Они у нас есть, но свои труды не издавали в силу отсутствия спроса на художественные произведения на кабардинском языке, в силу недооценки роли художественных произведений национальными издательствами [7, с. 73].

Указывая на низкий уровень профессиональной подготовленности авторов, Х. Теунов призывал «помочь формироваться и организовать, определить свой путь, найти своё лицо» зарождающейся кабардинской литературе. Сегодня следует подчеркнуть, что призыв Х. Теунова был весьма своевременным.

Многие исследователи — Х. Бакон, Л. Бекизова, А. Гутов, А. Мусукаева, Ю. Тхагазитов и другие — отмечают, что 1930-е годы для кабардинской литературы — это время первых шагов, время учебы, приобретения навыков письма, художественного осуществления замыслов. В целом процесс носил творческий характер, хотя порой встречались и всякого рода ошибки. Особый интерес в этот период вызывают критические работы Х. Теунова и Дж. Налоева.

Статья Дж. Налоева «От мертвого к живому» (1933) и сегодня вызывает немалый интерес исследователей. Критик, отмечая, как и Х. Теунов значительные успехи Кабардино-Балкарии в экономическом и культурном развитии, писал о том, что литература и жизнь неразрывно связаны между собой.

Дж. Налоев призывает выковывать, приобретать, создавать «свою форму, свой стиль, свой мотив, свою тему и приемы среди рёва машин и звонкого дыхания коллективного и созидательного труда». Но, находясь под влиянием пролеткультовских концепций, Дж. Налоев не избежал ошибок. Призывая учиться у М. Горького и В. Маяковского, критик, в противовес Т. Борукаеву, отрицал значение фольклора и классического наследия для «пролетарской литературы»: «Дореволюционное творчество бесформенно. Оно может иметь значение для историка и лингвиста, но не для пролетарского национального писателя, поскольку им характеризуется национально-политический строй определенной эпохи», — отмечается в статье [2, с. 17].

Как известно, на первом этапе развития кабардинской литературы значительное влияние на форму повествования начинающих писателей, на их творческий характер оказали приемы фольклорной прозы, сказы и сказания (хабар, тхыдэ, таурых и т. д.), послужившие своеобразной художественной платформой для формирования малых, а затем и больших прозаических жанров.

Сегодня многие известные литературоведы зарождение и формирование адыгских литератур связывают с фольклором, справедливо считая его художественно-эстетической базой, без которой немислимо было бы возникновение и развитие кабардинской художественной литературы.

Фольклорные традиции могли иметь и двойное значение: прежде всего, устное народное творчество — источник превращения литературы «говорящей», народной в литературу письменную. Именно фольклор давал начинающим писателям начальную ступень для перехода к конкретности в изображении реальной действительности, событий и фактов. Как отмечает Л. Бекизова: «Найденные и выявленные писателями золотые россыпи родного поэтического слова способствовали проникновению в литературу взглядов народа на мир» [1, с. 149]. Но с другой стороны, на первом этапе влияния фольклора на формирующуюся литературу наблюдается механическое перенесение фольклорных мотивов, тем и приемов, что соответственно приводило к натуралистической описательности, декларативности.

Значительным источником художественного развития и национальной литературы в целом, и критики в частности была русская литература. На кабардинский язык переводились стихи и поэмы В. Маяковского, поэзия и проза А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.М. Горького, М.А. Шолохова и других. Через русскую классическую и советскую литературу усваивались художественные достижения мировой литературы. Это, как и многие другие факторы, способствовало ускорению процесса становления новых жанровых разновидностей в кабардинской поэзии, прозе, критике.

В целом, критические статьи Х. Теунова, Дж. Налоева, Т. Борукаева, З. Максидова отмечались актуальностью и проблематичностью. Критики пытались определить наиболее правильные и перспективные пути развития кабардинской литературы, призывали начинающих поэтов и писателей к созданию художественно полноценных, глубоко реалистических, поднимающих актуальные проблемы произведений. Большое внимание критики уделяли вопросам формирования кабардинского литературного языка. Качественные изменения и приобретения кабардинской литературы, естественно, способствовали и становлению критики. Так, критик М. Талпа писал на страницах газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария»: «Кабардинская поэзия выдвинула ряд больших поэтов, сейчас нарождается высококачественная проза» [6, с. 2].

Подобные позитивные явления отмечались и в других молодых литературах народов Северного Кавказа.

Список литературы:

1. Бекизова Л. От богатырского эпоса к роману, Черкесск, 1974.
2. Налоев Дж. От мертвого к живому // Кабардино-Балкария (Литературно-художественный альманах), вып. 1, Нальчик, 1933.
3. Писатели Кабардино-Балкарии, Сб.ст., М., 1935.
4. «Революция и горец» // Ростов-н/Д., 1929, № 4.
5. «Революция и горец» // Ростов-н/Д., 1932, №1.
6. Талпа М. На новую, высшую ступень! // «Социалистическая Кабардино-Балкария», 1934, 3 авг.
7. Теунов Х. Больше внимания кабардинской литературе//«Революция и горец» // Ростов-н/Д., 1931, № 8.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

«В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА: ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ»

Материалы XXIV международной
заочной научно-практической конференции

10 июня 2013 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 18.06.13. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,5. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3